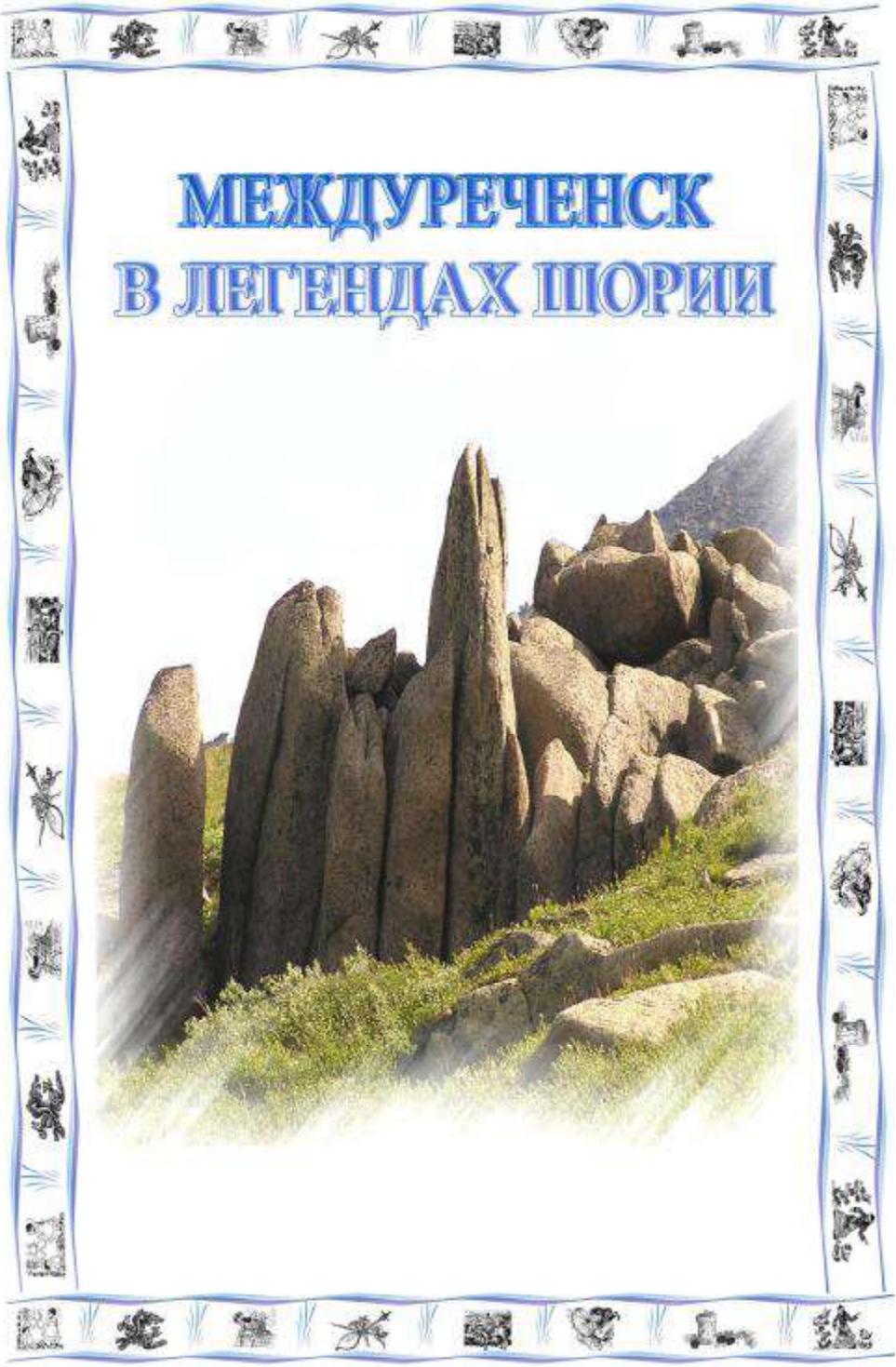
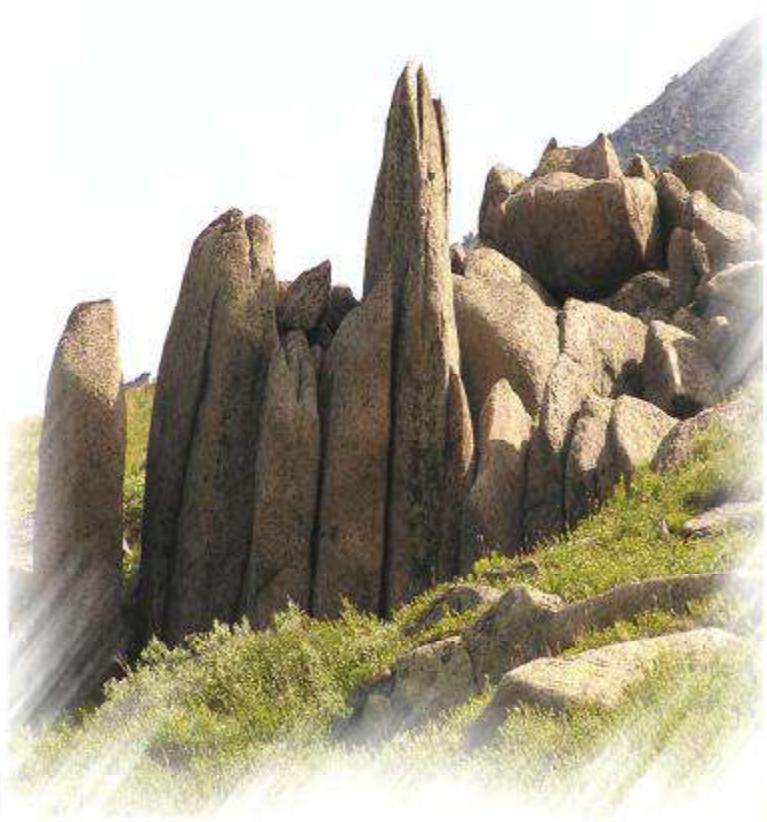

**МЕЖДУРЕЧЕНСК
В ЛЕГЕНДАХ ШОРИИ**

Междуреченская информационная библиотечная
система
Центральная городская библиотека

Междуреченск в легендах Шории

Междуреченск 2007

ББК 82.3(2Рос=Шор)
Меж43

Авторы-составители: Соколова Татьяна Николаевна, главный библиограф
информационно-библиографического отдела МИБС

Редактор: Кондрашкина Татьяна Яковлевна, заместитель директора МИБС

Компьютерная верстка и дизайн: Горяевчева В.В., программист МИБС

*Сборник “Междуреченск в легендах Шории” издан на средства Гранта
Президента Российской Федерации*

Меж43

Междуреченск в легендах Шории. – Междуреченск: МИБС, ЦГБ, 2007. – с. 144

© МАКЕТ, Междуреченская информационная библиотечная система, 2007
При использовании материалов ссылка на сборник обязательна

Данное издание – не свод национальных шорских легенд, не набор текстов, а сборник легенд и сказаний шорского народа, посредством которых раскрывается характеристика названий географических объектов города Междуреченска и прилегающей к нему территории: горных массивов, вершин, рек, озер, месторождений полезных ископаемых, поселков и др. В сборник вошли 14 произведений шорского фольклора – мифы, героические сказания, легенды. Из этих легенд, сказаний вы узнаете не только топонимику слов, понятий, но и почерпнете знания о быте, жизни, социально-общественном устройстве, об обычаях и нравах шорского народа. Сборник снабжен словарем шорских названий.

У-СУГ (Небесная река)

Шорское эпическое сказание

Много времени промчалось
С той поры, как в краю нашем
Горы, рекам дав начало,
Обросли и стали краше.
Реки и ручьи питают,
Ледники в горах тех тают.
Всем преградам вопреки
Бьют из камня родники.
И, питаюсь той водою.
Тайга реки сохраняла.
Став со всем одной судьбою.
Матерью всеобщей стала.

Всех кормила и поила:
Птиц, букашек и зверей.
Кладовые приоткрыла
Для живущих в ней людей.
Во сто крат больше давала,
Чем себе для жизни брала.
Щедростью своей и нравом
Шорцев она привлекала.
С ней, страной лесов и гор,
Тундры, ручейков и рек,
Народ древний рода Шор
Связал жизнь, судьбу навек.

Шор-кижи в названьях края
Отразил судьбу свою.
В *сарынах*, *набыках*, *каях*
Он хранит Историю.
Так черноволосых род
Душу и себя сберег.
Узнаем мы от *кайчи*
Жизнь *алыпов* и *анчи*,
Рыбаков и рудознатцев,
Собирательниц и травниц,
Кузнецов и землелашцев,
Златошвейниц, *кыз-красавиц*.

И как кедр крепится в почве
Множеством тугих корней,
Так кайчи до слов охочи
Помудрей и поумней.
В памяти кайчи хранили,
Чем богаты шорцы были.
Что в веках они слагали.
Все потомкам отдавали.
Они пчелкой припадали
К сладости словесных чар.
Они мудрость собирают,
Как с цветов бальзам-нектар.

Солнце клонится устало.
Льет лучей поблекший блеск
Над таежным перевалом,
Над рекой, чей слышен плеск.
Вон *аал* на косогоре
Приютился в хвойном море.
Вон *кас-уги* над утесом,
Крытые корой и тесом.
На *Широкою Поляну*
От *таскылов* тень легла.
Там *надья* уже пылала.
Молодежь кайчи ждала.

В окруженьи аксакалов
И с *кай-камусом* в руках
После *тоя* на Поляну
Шел кайчи, что жил в горах.
Вблизи Зубьев Поднебесных.
Он мелодией чудесной
Поприветствовал кижки.
Под себя ноги сложив,
Он уселся у кострища,
Кинув взгляд на низкий столик.
Там стояла в чашах пища.
Айран, чай из трав настоен.

Кайчи струны рукой тронул -
И комус зарокотал.
Ветерок утихий дрогнул,
В тополях затрепетал.
Пламя на надье вечерней
Заплясало по поленьям.
Искры в небо улетали
И бесследно исчезали
И *Кай-Куш* запел анчи
Двойным голосом гортанным,
О реке запел кайчи,
Что вблизи бежит по камням.

Вот, однажды, на рассвете
Шел тропой в родной улус,
Возвращаясь от соседей,
Сказочник, кайчи Кай-Куш.
Перейдя по логу гору,
Он пологим косогором
Вышел на *челтан* гранитный -
И опешил, с толку сбитый.
Впереди в темной долине,
Тусклым серебром мерцая,
С островками посредине,
Мчит река, волной играя.

«Что за диво-наважденье! -
Ущипнул себя за нос, -
Неужели наводнение
Суг-Эзи с Белков принес?
Но вода не прибывает,
Только русло пробивает,
Отмывает берега
Неизвестная река.
Вот уже спешат с улуса
На Широкою Поляну
Шор-кижи. И на Кай-Куша
С удивленьем *паиштык* глянул.

«Сможешь ли всем рассказать,
Объяснить это явление.
Может нам откочевать,
Может это - наводнение?» -
Обратился аксакал
К Кай-Кушу, что здесь стоял.
Но Кай-Куш всех успокоил
(Норов струй давно он понял).
И сказал тогда он людям.
Что пойдет скитаться в горы.
Там все сведенья добудет
И назад вернется спору.

И не мешкая, собрался
Певец края в дальний путь.
С шорцами он не прощался -
Шел, как будто отдохнуть.
Но кижы его глазами
В путь-дорожку провожали.
Интересно, что случилось.
Как река здесь появилась?
Что река сулит народу,

Птицам, зверю и тайге.
Шорцам всем понятно вроде.
Надо дань отдать реке.

А река потоком чистым
Струи по камням несла.
Звонким голосом речистым
Шор-кижи к себе влекла.
На зеленых берегах стоя
Радостно и беспокожно.
Шорцы вглядывались в чудо.
Что само явилось к людям.
Непоседы-ребятишки,
Что всегда не унимались.
Стали кротки и притихши,
К ногам взрослых прижимались.

Уж прошли три дня - три ночи,
А река не исчезала.
Радовала шорцев очень.
Красотою поражала.
Но пока боялись шорцы
Заводить с рекой знакомство.
Осторожность проявляли -
Лодок в воду не спускали.
И тогда шаман *Кюлюк*
Собрал шорцев на Поляну.
Вот раздался бубна звук,
Словно гром на небе грянул.

В руках вместо колотушки
Мелькал череп от тайменя.
Бронзовые погремушки
На *шабыре* зазвенели.
Костер золотом пылал,
Вкруг него шаман *камлал*.
Жертвенный огонь пылает -
Жертва в том огне сгорает.
Шаман рыбьей головою.
Иступленно в бубен бьет.
Духа, что владел водою,
Суг-Эзи, к себе зовет.

Вокруг жертвенника в пляске
Кермезеки разложил,
И гортанно, двоегласно
Заклинанья повторил.
Голосом изображал он
Говор струн в потоке шалом,
Шепот трав, лозы прибрежной,
Шорох листьев вербы нежной.
А народ, ему внимая,
Заклинанья повторял,
И ладонями играя,
Ритм о землю отбивал.

«О, Суг-Эзи вездесущий, -
Завопил Кюлюк-шаман, -
Дар прими, к тебе идущий,
И плеснул в реку айран.
О, Владычица Морская,
Услышь кижы, заклинаю!
Одари печальный род
Рыбой разной. Дева Вод!»
Сделал знак - и кызпала

Стали черпать в реке воду.
Живой струйкой та текла.
Полилась богам в угоду.

Всю поляну огласила
Чистым звоном хрустала.
Чудодейственной силой
Обладала та струя:
Из камней, березы, ели
Кермезеки оживели,
Блестя рыбьей чешуей
Под чудесною струей.
Вот седые аксакалы
Взяли жертвенник священный.
Его в реку опускали
В торжестве благословенном.

Приняла река их дар.
Жертву, смыв струей тугою,
Загасила углей жар,
Сделав их золой простою.
Завершив обряд *Ак-Сыр*,
Шаман шорцам разрешил
Запустить в новую реку
В виде рыбок кермезеки.
Каменные, погружаясь,
Издавали как бы зов,
И лежали, дожидаясь
Рыбьи косяки с низов.

Бойко по волнам поплыли
Деревянные кермезеки
И сигнальщиками были
Для стай рыбьих, шедших в
реки.
Их Морская Дева знала
И подарки посылала.
Заселяла лона вод
Рыбами из года в год.
Шли в верховья рыб стада.
Разрезая гребни волн.
Гнал без усталости туда

Их пастух - Морской Дракон.
А Кайчи Кай-Куш в то время
Уж к верховьям подходил.
Добровольно это бремя
На себя он возложил.
Шел Кай-Куш, певец пытливый,
Берегом реки красивой.
Оставляя за спиной
Горы в дымке голубой.
Брел по пойменным лугам.
Пробирался сквозь теснины
По обрывистым берегам
Входил в тихие долины.

Вот прошел аал последний.
Что в горах ютился синих.
И за выгоном оленьим
Углубился он в осинник.
Там листва всегда трепещет,
Серебристо в лучах блещет,
И ведет свой разговор
О событиях ближних гор.
Вот внимательный Кай-Куш,
Язык здешний понимающий,
Юркнул сободем под куст.
Шепоту дерев внимая.

Шепчет старая Осина
Темнохвойной седой Ели:
«Здесь нечисто, клянусь сыном.
Я расскажу ветра верю.
Сынок, Тополь мой зеленый,
Красотой ошеломленный,
К новой кыз-реке прилип.
Обезумел мой алып!
Ни на шаг он не отходит
От красавицы своей.
Смотри, глаз с нее не сводит.

Сонная соседка-Ель
 Ей сочувственно вздохнула;
 Пыльцы желтую метель
 Седой лапой отряхнула,
 И сказала, глядя вниз:
 «Да-а, прекрасна эта кыз!
 Глядя на нее, я тоже
 Чувствую себя моложе.
 Не зря, видно, твой алып
 От любви по ней страдает.
 А красавица бурлит,
 Ему лаской отвечает.»

(Алып, Тополь молодой,
 Упивался рекой чудной)
 «Видно, скоро будет той
 Удивительный в *Подлунной*.» -
 Ель пророчески сказала.
 Задремав, вновь замолчала.
 Лишь ворчала мать-Осина,
 Осуждая выбор сына:
 «Все, живущие на свете,
 Да и те, кого уж нет.
 Непременно чьи-то дети.
 У нее же - предков нет.

Появилась, невесть как,
 На Подлунной в одну ночь.
 Но ведь каждая река
 Непременно чья-то дочь, -
 Так Осина рассуждала, -
 Испокон веков рождала
 Земля их из родников,
 Из снегов и ледников,
 Солнечных лучей горячих.
 Появляются так реки.
 Видно, кто-то тайну прячет.
 Хочет скрыть ее навеки».

И, вздыхая сокрушенно,
 Замолчала мать-Осина.

Шелком пепельно-зеленым
 Шелестела во всю силу.
 Была, будто, не довольна
 Своим сыном своевольным.
 Вот, покинув кров зеленый,
 Кай-Куш двинулся по склону,
 Вниз, к серебряной реке.
 От воды невдалеке,
 Закрыв небо кроной-гучей.

Великаном-исполином
 Над красавицей-рекою
 Возвышался сын Осины,
 Небо подперев собою.
 И, блестя корой атласной,
 Не сводил зеленых глаз он
 От избранницы прелестной,
 Голубой, почти небесной.
 Шепчет тихо алып-Тополь
 Милой девушке - реке:
 «Неужели одиноким
 Остаться навек мне?»

Оставаться навек мне?
Без тебя не будет жизни
Мне под Солнцем и Луной.
Без тебя теперь погибну -
Я покинул кров родной.
Не подняться мне на кручу
Хоть на вид я и могучий.
Не расстаться мне с тобой.
Будь мне вечною женой.
Ты, ведь, тоже одинока.
Вижу: все тебя дичатся.
Буду я твоей подмогой.
Вместе мы добудем счастье».

И она, в слезах, стыдливо
Укрывалась волною.
Одиноко, сиротливо
Стоял Тополь над рекою.
И тогда Кай-Куш идущий
Вынул кай-комус поющий
И запел *такпах* им дивный.
Лился песней лебединой
Среди гор голос Кай-Куша.
Пел он звонко и надрывно,
Будоражил ум и души
Песней, как полет орлиный.

И река слезой залилась,
Заплескалась волною.
Брызгая, о камни билась
Серебристою рукою.
Задрожал в волненье Тополь,
Листвой трепетно захлопал.
Глядя на нее, страдал,
Глухо стоны издавал.
И от умиленья камни
Оросились слезою,
Захлебнулись в рыданиях,
Уйдя в воду с головою.

Переполнившись слезами.
Чистыми от светлых мыслей,

Распроставшись с берегами,
Кыз-река к альпу вышла.
Робко тронула рукою,
Нежной, ласковой волною,
Стан могучего альпа
И, смущаясь, спела тихо:
«Перед вами, сини горы,
Пред тобой тайга родная,
Свое сердце я открою,
В нем - моя любовь большая.

С первых дней мне стал опорой
Лишь один Тополь могучий.
Невзирая на укоры,
Он сошел в долину с кручи.
Рисковал ради меня,
В жертву принеся себя.
Как могу я оттолкнуться.
От альпа отвернуться?
Он теперь судьба моя.
Ему я себя вверяю.
Женой верной буду я.
Твердо это заверяю».

Вот как высказала в песне
Дева Вод свое согласие.
И шелка лугов окрестных
Затопила морем счастья.
Жених-Тополь упивался
Этим счастьем и плескался
В волнах, словно одержимый,
Кыз, не знавшей свое имя.
А когда порыв любовный
С альпа и с девы схлынул.
Успокоил Кай-Куш добрый:

«Найду, дева, твое имя».

И, покинув двух влюбленных,

К двум таскылам отдаленным.
 Что границы стерегут.
 Там, красавица сказала,
 Будто бы берет начало.
 «Чтобы время обмануть,
 Надо сократить свой путь», -
 Решив так, певец бывалый
 Шел к таскылам напрямки,
 Сквозь таежные завалы
 И гольцы-курумники.

У Кай-Куша в его деле
 Появилась и другая,
 Кроме первой, доброй цели -
 Благородная, благая.
 Обе цели совпадали
 И друг друга дополняли.
 Много надо кайчи знать,
 Чтобы имя деве дать.
 Ведь Обычай налагает
 На Любовь такой запрет:
 Тогда свадьбы не бывает,
 Когда имя еще нет.

Именами нарекают
 Тех, кто это заслужил.
 Тот родился, означает,
 Кто уж имя получил.
 В жизни случаи бывали,
 Когда имя не давали-
 И до старческих седин
 Жил тогда кижин один.
 Так сурово обходился
 Закон с теми, кто лишь жил
 Для себя, кто не стремился
 Быть с людьми, их не любил.

Вот поэтому Кай-Куш
 Торопился достичь цели.
 К тем таскылам, что белели
 Ожерельями снегов,
 Жемчугами ледников.

Вот, взобравшись на вершину,
 Осмотрел Кай-Куш низину:
 Меж зеленых гор лесистых,
 Меж обрывов желтых скал.
 Озорно и голосисто
 Голубой поток скакал.

Сразу понял: это кыз
 В солнечных лучах сверкает
 И задорно мчится вниз;
 Змейкой горы огибает.
 Свет струится над рекой
 Серебристо-голубой,
 Брызги блещут хрусталем.
 Камни млеют янтарем.
 И Кай-Куш к реке лучистой
 Споро пошагал с таскыла.
 Вот уже водой искристой
 Со лица усталость смыл он.

Двинулся Кай-Куш пытливый
 Берегом реки проворной.
 Слушал лепет шаловливый
 Чистых струй в потоке горном,
 Звонких родников напевы,
 Что питали воды девы,
 Говор бойких ручейков,
 Шепот трав, шелест кустов.
 «Видишь, вон идет Кай-Куш, -
 Шепчет серебристо Ива,
 Трогая курчавый куст, -
 Хочет разгадать он диво.

Интересно, сможет ли
 Докопаться он до сути?
 Тайгу знают лишь они.
 Ставшие горами, люди.
 Говорила тетя Ель мне.
 Что альпы онемели....»
 «Да-а, попробуй разгадай,
 Кай-Куш смелый, тайну тайн», -
 Прошептал в ответ курчавый.

Тихий куст крушины ломкой,
И глядел на величавый
Таскыл с зубчатою кромкой.

Знал кайчи: познаний яма
Может больше тогда стать,
Коли много и упрямо
Будешь из нее ты брать.
Расчищая слой за слоем,
Многое познаешь внове.
И Кай-Куш дальше шагал;
Слушал, все запоминал.
Подошел кайчи к подножью
Гор скалистых и могучих.
Сердце колотилось дрожью,
Глядя на утесы - кручи.

«*Эзенок-тар*, вам, алыпы, -
Молвил им певец народа. -
-Вы к горам уже привыкли,
Камenea год от года.
Вот подарки: айран свежий,
Окорок лапы медвежьей.
Шлют привет вам все кижы,
Братья *Тегри-Таш-Теши*!
Помнят шорцы подвиг ваш
И семи сестер-красавиц.
В вашу честь таскылы, кряж
На века, видать, назвались».

Молчал алып *Тегри-Теши* -
Они с братом онемели -
На большом лице *Таш-Теши*
Ручьи-слезы заблестели.
Камни окропив айраном,
Подкрепившись сам толканом,
Он сквозь заросли осоки
Шел искать реки истоки.
Забирался выше в горы
Вдоль речушки-ручейка,
Искал место цепким взором
Коренного родника.

Наконец, он разыскал
Коренник с водой хрустальной.
На колени перед ним встал,
Опершись о берег скальный.
И хотя большим тот не был,
Но вместил, казалось, небо.
И Кай-Куш к нему приник -
Долго целовал родник -
И, испив вволю водицы,
С изумлением приметил -
К роднику бежит - струится
Стая ручеечков светлых...

«Значит, не был он истоком,
Этот родничок-красавец!,-
Думал Кай-Куш, сбитый с толку,
У виска держа свой палец.
-Был, казалось бы, у цели,
А ее уж волки съели.
Надо, все же, продолжать
Исток кыз-реки искать».
Выше на утес взобрался.
Все исследовал кайчи.
Разобраться он пытался.
Как возникли те ручьи.

Уже скал достиг отвесных
Любознательный Кай-Куш.
Но не мог найти ответа,
Хоть и ползал, словно уж.
Ручейки те разветвлялись.
По гранитам разбегались,
Словно бы рога маралов,
И размеров были малых.
Из больших, тяжелых капель
Ручейки те собирались.
Дождь-то девять дней не капал,
Так откуда они брались?

Голые стояли скалы -
Рядом не было снегов.

А ручьи, все же, бежали...
 Вовсе не из родников...
 Трое суток пролетело.
 Но не продвигалось дело.
 Оставалась тайной тайна
 Кыз прекрасной и печальной.
 Неужели не найдет
 Он, Кай-Куш, ее истоки?
 И Обычай к Деве вод
 Будет навсегда жестоким?

В небе уж рассвет забрезжил,
 И восток румяно рдеет.
 И волнами ветер свежий
 Наплывает, с вершин веет.
 Он в тиши дремотно-мгlistой
 Шепчется с тайгой ветвистой,
 Гладит темных скал граниты
 И щекочет порфириты.
 Пену с волн легко срывает
 Он невидимой рукою,
 В краснотал ее бросает,
 Что склонился над рекою.

Вот уже лихой задира
 И к надье ночной подкрался.
 Дунул - пламя в небо взмыло -
 Он за искрами помчался.
 Вся от гнева золотая,
 С возмущением пылая,
 Загудела вдруг надья,
 Треском шор-кижи будя.
 И Кай-Куш тут же проснулся.
 Сел, кобенясь, у костра,
 И, зевая, потянулся,
 Сбросив вмиг остатки сна.

Вот Кай-Куш достал из *кана*

Мех с душистым куском мыла.
 (Тот кусок, с медвежьей лапу,
 На дорогу прихватил он).
 В реку выше переката
 С дном, от плиточника гладким,
 Он вошел почти по пояс.
 Стал плескаться, с мылом моясь.
 И, взбивая щедро пену,
 Он измылил весь кусок -
 И покрылся шапкой белой
 Чистый голубой поток.

До полудня он купался
 В белоснежной, легкой пене -
 Так с усталостью прощался
 Наш певец пред восхожденьем
 Чтоб до сути докопаться,
 Он решил-таки подняться
 На макушку Тегри-Теши.
 (А купался, чтоб быть свежим).
 Выбрался на берег быстро.
 Халат-шабыр свой надел.
 И, казалось, лет на тридцать
 Кайчи враз помолодел.

Говорят, когда с верховий
 Пена белая плывет
 Невесомую шугою -
 Миг купанья настает.
 Суг-Эзи наш подобрел -
 Воду в реках подогрел.
 Весь черноволосый род
 Бодрость черпает из вод.
 Так сородичам подал
 Кай-Куш смелый и отважный
 Добрый знак, призыв-сигнал.
 Первый сделал он шаг важный.

Зачерпнув воды хрустальной
 Из прозрачного ручья,
 На огонь казан поставил,
 Стал варить целебный чай.

Дичь на углях запекал.
Смазав перья глиной. Ждал.
Взгляд его блуждал неспешно
По вершине Тегри-Теши.
Что она ему сулит?
Неведенье, весть печальну?
Иль догадкой озарит
И раскроет реки тайну?

Вот чудесный аромат
От костра плывет-летит,
Возвратив мысли назад
Возбуждая аппетит.
Съел всю дичь он без остатка
(Мясо было нежным, сладким).
Кермезек свой угостил.
В чашку чай-бальзам налил.
Чай настоем исходился
Чудных, ароматных трав.
Запашистый парок вился
Вкрут притухшего костра.

Наведя кругом порядок
Он залил костер водой.
В сторону курумных грядок
Козьей двинулся тропой.
А к вершине путь ведет
Там, где солнышко встает
Покорить с востока пеший
Может гору Тегри-Теши.
Неприступно с трех сторон
Таскыл вперся в поднебесье.
В Шории зовется он
Верхним Зубом Поднебесным.

Обогнул Кай-Куш косой,
Полуночный склон таскыла.
Путь прокладывал он свой
Взором, точным и пытливым.
И, передохнув немного
Он пустился вновь в дорогу.
Шел кайчи помолодевший

На вершину Тегри-Теши.
Вот уж позади оставил
Он альпийские луга
Юркнул уж из разнотравья
В скалы, словно *албыга*.

Золотого солнца диск
Спрятал каменный алып
Лишь лучей закатных брызг
Не укрыл его изгиб.
Солнце опускалось вниз,
А кайчи стремился ввысь.
Он взобрался на вершину.
Пройдя каменную спину.
Выше лез Кай-Куш по кручам,
По гранитам диких скал -
Поднебесный Зуб могучий
Гостя смелого принял.
И Кай-Куш, как-будто птица,
Руки-крылья распустив,
В высоте стоит, дивится
На красу таежных нив.
Впереди пред ним алеет,
За хребтами пламенеет
Зари красная полоска

Тусклым золотом неброским.
 Даль таежная темнеет.
 Синь туманами повита.
 Гладь озер, блестя, сереет,
 Чернью серебра покрыта.

Позади край неба синий
 Фиолетовым уж стал,
 И сквозь дымку-пелерину
 Звездной россыпью блистал.
 На таскылах пограничных
 Гор прекрасных, кыз-сестричек,
 Жемчуга снегов белели,
 В лучах зорьки розовели.
 Серебром внизу искрилась
 Безымянная река.
 Голубою лентой вилась.
 Прячась в темные лога.

Вот последний луч заката,
 Дрогнув, медленно угас.
 И искать ночлег куда-то
 Ушло солнце, скрывшись с глаз.
 Лишь блистали временами
 Зарниц вспышки над горами.
 Перламутр их ожерелья
 Таял, медленно бледнея.
 Ночь-хозяйка расправляла
 В высоте вечных небес
 Черный войлок-покрывало.
 Рассыпая звездный блеск.
 Кротко звездочки мерцали,
 Излучая тихий свет,
 И Кай-Кушу посылали
 Чудо-звуки, как привет:
 И плывя из звездной дали,
 Они в душу западали.
 Звуки были, как загадки.
 И кайчи, строя догадки.

Бросил на утес кошму.
 Растянувшись на спине,
 Всматривался в свет и тьму.
 Слушал звезды в тишине.

Звуки сверху наплывали
 Плавно, вкрадчиво и тихо,
 И Кай-Куша призывали
 К встрече чуда или лиха.
 До конца понять не мог
 Вдумчивый кайчи намек,
 Ему высказанный песней
 Золотистых дев небесных.
 Их неверные напевы
 В душе, все же, зарождали
 Легкую тревогу. Девы
 Смутно мысли выражали.

Музыке небес внимая,
 Певец все запоминал.
 И в руках комус сжимая.
 Тут же звуки повторял.
 Звуки эти неземные -
 Всплески звездные ночные -
 Повторял он горловым
 Чудным голосом двойным.
 Ближняя тайга и горы
 Чутко слушают в ночи
 Мелодичные узоры.
 Льющиеся от кайчи.

Смолк певец, но его песня
 Шла мелодией ответной,
 Исчезая в поднебесье,
 В тьме искристой, звездносветной.
 Оборвав внезапно пенье.
 Он застыл в оцепененье.
 А душа, покинув тело,
 Вслед за музыкой летела.
 Певец края и утес
 Были как бы неделимы.
 Кай-Куш будто в него врос,
 Став вершиной побратима.

Сколько времени промчалось,
Как он впал в оцепененье -
Сам не знает. Как подкралось
То волшебное затмение,
Кай-Куш сразу не заметил.
Первое, что он отметил,
Верхом сидя на утесе -
Он сидит простоволосый.
Видно, ветер шапку сбил,
Хулиганишка привольный,
И сознание возвратил.
Сам утих собой довольный.

Кай-Куш поднял свою шапку,
И, ругая ветра шалость.
Чувствует: не может шагу
Сделать - верх взяла усталость.
С изумленьем ощутил он,
Что теряют ноги силу -
Подчиняться не хотят
И на месте не стоят.
Вдруг растерянный певец
Растянулся, как лягушка,
И вцепился за конец
Глыбы острой на макушке.

Шаря вокруг себя рукою.
Обнаружил, что гранит
Орошается водою.
Словно бы из мелких сит.
Поглядел Кай-Куш на небо -
Дождя нет и, вроде, не был.
Может, проползал туман?
Тоже нет. Что за обман?
«Может быть с ума я спятил? -
-Думал он, сев на кошму.
Не стирая крови пятен,
Всматривался в полутьму.
Там внизу, на порфиритах,
Тусклые огни мерцали,
Тьмой прозрачною укрыты.
Свет неверный излучали.

Кажется, что каждый камень
Был унизан светлячками.
И они попеременно
Вспыхивали и мгновенно
Гасли, издавая всхлипы.
И Кай-Кушу показалось,
Будто плачут те алыпы.
Или это ветра шалость?

...В это время над хребтами
Взошла поздняя Луна.
Над притихшими горами
Льет волшебный свет она.
И спешили звезды скрыться
С глаз долой ночной Царицы.
Многие из них поблекли,
А иные вовсе смеркли.
Лишь отдельные блистали
Изумительной красой
И наперсницами стали
С прекрасною Луной.

Не спеша, Царица ночи
Уж к зениту поднялась.
Как агаты с дымкой, очи
Приоткрыла. Занялась
Ласковой полуулыбкой -
И загадочной, и зыбкой.
Серебристый взгляд свой бросив,
Задержалась на утесе.
На утесистой громаде
Заплясали ей в ответ
Звезд искристых мириады,
Отражая лунный свет.

И тогда Кай-Куш пылливый.
Сам себе уж не веря,
Стал ощупывать обрывы,
Все обследовал - проверил:

Каменной громады тело
 Сплошь водою отпотело.
 И в плену певца держали
 Крошки-капли, отражали
 Свет красавицы ночной,
 Звезд загадочных мерцанье...
 Вдруг кайчи рядом с собой
 Ощутил чье-то дыханье.

Взглядом цепким он ощупал
 Близлежащие откосы,
 В свете лунном все уступы
 Оглядел он на утесе.
 Ничего там не заметил -
 Лишь в ущелье ближнем ветер
 Дунул и тихонько свистнул,
 Серебристой водой брызнул.
 Не дает певцу покоя,
 Поселившись в голове,
 Мысль главная. «Отколе
 Было взяться той воде?»

Думу думая такую.
 Певец верил, что поймет
 Он разгадку золотую -
 Имя кыз-реке найдет.
 Пробовал послушать ветер,
 Знающий про все на свете,
 Но умчался тот в ущелье
 Поиграть ночной капелью.
 Лишь Луна ему шепнула:
 «Будь внимателен, кайчи.
 Не покинь ты караула -
 Может статься все в ночи».

Но кайчи, к всему готовый,
 И не думал засыпать -
 Безымянной реке новой
 Певец должен имя дать.
 Шел за этим в сердце гор
 Кай-Куш славный рода Шор.
 Ему первенство отдали.

Его с вестью кижки ждали.
 Должен он на самом деле,
 Тайну эту разгадать:
 Точно знать реки рожденье,
 Чтоб потомкам передать.

Рассуждая сам с собою,
 Чутким ухом уловил:
 Кто-то чмокал под скалою
 Иль шлепком по воде бил.
 Стали слышны эти звуки
 В тишине по всей округе.
 Темное утеса тело
 Заискрилось, заблестело:
 Каплями утес покрылся,
 Словно рыбьей чешуей,
 И поэтому искрился
 Под серебряной Луной.

Звуки эти были схожи
 С поцелуями влюбленных.
 Кай-Куш замер в своем ложе,
 Слыша шепот потаенный.
 Все яснее певец слышит.
 Будто кто-то рядом дышит.
 Вздохи между поцелуев
 Раздаются и, воркуя,
 Кто-то, вроде бы, смеется.
 Недвижим Кай-Куш сидит:
 Сердце молотами бьется.
 Зорко он за всем следит.
 Не заметил никого он.
 Но, однако, там и тут
 Поцелуи, смех и гомон
 С четырех сторон идут.
 И взяла певца досада:
 Нельзя выйти из засады,
 С места не сойти ему -
 Находился он в плену.
 На кошме, как в заточенье,
 Сидит пленник добровольно.

Во власть времени теченья
Он отдал себя невольно.

А пока такие мысли
В голове его бродили,
И пока сомненья грызли,
На утес меж тем наплыли
Ни туманы и ни дымки,
А сырые невидимки.
Вновь обильно оросилось,
В свете лунном заискрилось
Горы каменное тела.
Вместе с ним певец промок.
Вся одежда задубела
Так, что двигаться не мог.

Кай-Куш видит: дело худо -
Дрожью стало его бить.
Чтобы выбраться отсюда.
Сухим надо, все же, быть.
Сбросил он одежды все.
И остался гол совсем.
Но едва успел отжать
Он свой шабыр, как опять
На макушку Тегри-Теши
Хлынула волной прохлада.
И Кай-Куша рукой нежной
Кто-то гладить стал с усладой.

И от жути мелкой дрожью
Он зубами колотил.
И покрыт гусиной кожей
От озноба кайчи был.
От объятий его тело,
Как Мус-таг похолодело.
Он стоял, что было сил -
Липкий пот его пробил.
По спине его холодной
Ручейки к ногам стекали.
В голове ж неугомонной
Мысли бешено скакали.

Вновь певца с утесом вместе
Кто-то крепко обнимает -
И вода ручьями-песней
Мелодично вниз сбегает.
И тогда Кай-Куш озябший,
Тайну тайн уже понявший,
В ночи громко крикнул вдруг:
«Ты - Небесная! У-Суг!
Ты - утеса дочь и Неба.
Ты рождаешься из мук
Ежедневно и волшебно,
Благородная У-Суг!»

Кай-Куш вынул торопливо
Из мешка запас одежды.
Быстро и несуетливо
Их надел, и стал, как прежде,
Бодр и смел, в себе уверен.
Он толкан, благоговей,
Разбросал в одно мгновенье.
Горе сделав подношенье.
Вынул *жертвенник походный*.
Вздул огонь на алтаре.
И в порыве благородном
Сжигал жертву в том огне.

Жег толкан, ветки душицы,
Богородскую траву.
Смазал кермезекам лица,
Вновь осыпал вниз тропу.
Взяв комус, он струны тронул.
Влажный воздух мягко дрогнул.
С дымом жертвенника ввысь
К небу звуки понеслись.
Певец края Духам Неба
Благодарный спел такпах.
Песня, как незримый лебедь,
Скрылась, смолкнув, в небесах.

Поцелуи, шепот, гомон
 Снова скрытно раздавались.
 Слух Кай-Куша был прикован
 К звукам, что вокруг рождались.
 Снова он попал в объятия
 Неба влажного - и платье
 Его снова оросилось.
 Каплями росы покрылось.
 И тогда певец смегливый,
 Дабы не заоченеть,
 Сидя в выси сиротливо,
 Начал кай слагать и петь.

Струны вновь зарокотали.
 Голос креп, то замирал.
 Уносясь в ночные дали
 С высоты небесных скал.
 О чудесной деве пел он,
 Что явилась к людям смело.
 Той, что имени не знала,
 И в тайге приют искала.
 Что внезапно появилась
 На Подлунной в одночасье.
 Людям и тайге открылась,
 Как невиданное счастье.

Слушали с большим вниманьем
 Песню звезды и Луна,
 Одобрительным мерцаньем
 Подтверждая все слова.
 Слушая кайчи напевы
 О рожденьи реки-девы.
 Ветерок витал-играл.
 Его волосы трепал.
 Слушали его напевы
 Темно-синяя тайга,
 Ставшие горами девы
 И альпийские луга.

Неба край уже сереет.
 Потухать и звезды стали.
 Лик Луны вдали бледнеет,

Льет на землю свет усталый.
 Неустанно только песня
 Льется с Зубьев Поднебесных.
 Легким ветром над тайгой
 В дымке серо-голубой.
 Над изломом спящих гор,
 С благодатного востока
 Слышен розоватый хор
 Лучей, бьющих издалека.

Голосу певцов внимая,
 Кое-где в таежных пушах.
 На крыло не поднимаясь,
 Птицы цвикали идущей
 Утренней заре с востока
 Бледно-розовым потоком.
 Это - утро с ночью спорит
 И себе дорогу торит.
 Зорьки тощая полоска
 На глазах будто жиреет,
 Изменяется неброско,
 Превращаясь в ожерелье.

Все быстрее рассвет приветный
 Над тайгою наступает.
 И зарею разноцветной
 Чары ночи разгоняет.
 В небе звезды исчезают,
 Под напором зари тают.
 И сама Царица ночи
 Стала бледнолицей очень.
 От смущенья она прячет
 Бледный лик за перевалом.
 За высоким темным кряжем.
 Там, где солнце ночевало.

А утес в объятьях Неба
 Своим счастьем упивался -

Нелюбимым теперь не был,
Одиноким не остался.
На его могучем теле
Вновь сверкали и блестели
В лучах утренней зари
Поднебесные ручьи.
Сдвинуться не мог утес
В поисках своей любимой -
Дух небес ему принес
Неизвестный облик милой.

А хозяин Гор, *Таг-Эзи*,
Хранил тайную любовь.
Подарил им Дух Небесный
Для укрытья ночи кров.
Девы, что горами стали.
Тоже тайну сохраняли.
И болтливый ветерок
Охранял любовь, как мог.
Радовался Дух Суг-Эзи
Появлению ручьев -
Он водою всегда грезил
И на все пойти готов.

Под покровом ночи, тайно.
Воду собирал с утеса.
И с журчанием хрустальным
Вниз под гору ручьи нес он.
Он, Суг-Эзи - вездесущий:
Может спрятаться и в тучи,
Застрясть в капельках, слезинках,
В пар проникнуть невидимкой.
Бескорыстен он, беззлобен.
Но безумным может быть.
Завладев водой, способен
Обещанья позабыть.

Так вот и теперь случилось:
Позабыл про уговор,
Чтобы тайна не открылась
О любви небес и гор.
С горы собранную воду

Он послал в тайгу, к народу,
А не утонул арканом
В подземелья *Ирлик-Кана*.
Этим самым он невольно.
Но бездумно выдал тайну.
Но собою был довольный -
Водой грезил не случайно.

А когда его оплошность
Обнаружена была,
Он сказал, что невозможно,
Чтоб река назад текла.
На подъем он легок был:
Много родников пробил,
Чтоб запутать любопытных
Шор-кижи и Духов скрытных.
И с красавицей-рекою
Мчался он во весь опор,
Прикрываясь волною.
Средь тайги и синих гор.

Из-за темных гор рассвет,
Словно лук из *саадака*.
Вывался - и брызжет свет,
Разгоняя силы мрака.
Он лучистой тетивой,
Как натянутой струной.
Лучи-стрелы посылает.
Те летят, искрясь-пылая.
Испугавшись света, тьма
Лихорадочно бледнеет,
Лишь обрывками кайма
В краю северном темнеет.

Кай-Куш, сидя в поднебесье,
Поет кай, не умолкая.
Лебедем несется песня,
Гимном новый день встречая.
В его песне - жажда жизни.
В его песне - радость жизни.
В ней - участие и милость,
Мудрость, счастье, справедливость.

В ней воспет огонь желаний.
От какого бурлит кровь,
Как источник первозданный.
Тайна Вечности – Любовь.

Бубен солнца золотого
Приподнялся из-за гор.
Жаркими лучами снова
Он ласкал земной простор.
Первыми в его объятьях
Оказались горы-братья
И Кай-Куш, певец отважный,
От небесной ласки влажный.
В утренних лучах сверкала
Спина мокрого утеса,
Словно кто-то в эти скалы
Россыпи алмазов бросил.

Поднимается все выше
Златоликое Светило,
Будто песню лучше слышать
Венценосное решило.
А певец неутомимый
Поет, словно одержимый,
О большой Любви слагая
Музыку и слова кая.
И от этой чудной песни
Вспыхнуло сильней Светило.
А кайчи от такой лести
Сразу жаром охватило.

Он заметил, что одежды
Мигом высохли на нем.
Мириады капель свежих
Не пылают уж огнем.
Быстро высохла тропинка.
Ручейки, как невидимки,
Как слезинки на щеках,

Исчезают на глазах.
Где искрилась под Луною,
Отражая свет, вода,
От нее этой порою
Не осталось и следа.

Отложив комус в сторонку.
Призадумался кайчи:
«Где ж вода, что пела звонко,
Собираясь в ручьи?
Разве может так случиться,
Чтоб исчезла вся водица?
Видел сам: она стекала
Там, внизу, в отвесных скалах».
Долго он стоял и думал.
Размышлял и так, и эдак.
Но в конце концов надумал.
Решил все как есть разведать.

А тем временем Суг-Эзи
Укрывал Любви ручьи
В щелях, сделанных Таг-Эзи
На утесе. Их лучи
Иссушить теперь не смогут;
И ручьи пробьют дорогу
В каменной коре утеса,
Найдут место водосброса...
...На прохладном склоне скальном,
С полуночной стороны,
Струи чистые стекали,
Звонкой радости полны.

Кай-Куш все это приметил,
Понял хитрость Водяного.
Взял комус - и, словно ветер,
Понеслася песня снова:
Как полет стрелы волшебной,
Мчится меж землей и небом.
То парит орлом свободным
Над тайгою первородной.
Всколыхнув за далью, даль,

Всю туманами повиту,
Разгоняла вмиг печаль,
Грусти облачную свиту.

Как сошел в тайгу с утеса -
С радости он не заметил,
Он очнулся, когда бросил
В него брызги свежий ветер.
Баловник играл с водою,
И невидимой ладонью
Сыпал с крутизны на скальной
Россыпь брызг воды хрустальной.
...Вот Кай-Куш и на привале.
На котором отдыхал он
Перед восхождением дальним,
Где плескался в водах шальных.

Подошел кайчи к потоку
Молодой реки игривой.
Кыз, ластьясь прозрачным боком,
Встретила улыбкой милой.
Заплескалась серебристо,
Зазвенела звоном чистым -
- Певца доброго узнала
И почтенье выражала.
Кай-Куш к кыз-реке нагнулся
И губами к ней приник;
Прошептал: «Вот и вернулся
Я, покинув горный пик.
Тот, что вперся в поднебесье
Величавою вершиной.
Там рождение, как песня.
Твое, дева, совершилось.
Ты - горы и неба дочь!
И рождаешься ты в ночь.
Каждый раз бесперестанно
Ты бываешь первозданной.
Теперь тайну твою знаю.
Знаю точно, а не вдруг.
И тебя я нарекаю
Дивным именем - У-Суг!»

Грусть изменчивая девы
Буйной радостью сменилась.
И она от счастья пеной
Бело-розовой накрылась.
Горный ветерок гульливый
Над рекою говорливой
Взад-вперед кружил-летал.
Пену легкую срывал.
Радовался забияка,
Гонял волны вверх и вниз.
Повод был к тому, однако, -
Он любил младую кыз.

Отдохнул певец немного;
Наспех сделал легкий плот,
И собрался в путь-дорогу,
Помня, ждет его народ.
Приняла в объятья вод
Дева деревянный плот,
Вниз помчала по горбатым.
Каменистым перекатам.
Тихо волны о плот бьются,
Брызжут мелким серебром.
Струи величаво льются
И блистают за бортом.
Певец видит: все деревья,
Горы ближние, тайга
Стали к новой кыз добрее -
Нравилась им кыз-река.
Видит это и У-Суг,
Ставшая бурливой вдруг,
И уверенней, смелее.
Но прекрасней и милее.
Мчит в межгорьях дочь утеса.
Извиваясь станом гибким,
Улыбаясь кротким плесам
Поднебесной улыбкой.

Хоть быстра в верховьях речка,
 Все ж, молва-опредила
 Добродушно и сердечно
 Ей тайга приют дарила.
 И спешили к ней по взгорью
 На поклон и к водопою
 Величавые маралы,
 Круторогие архары.
 Раздвигая елок лапник.
 Выбирались из тайги,
 Неуклюже косолапа,
 Молодые *атиаки*.

А река бежит, петляя
 Меж лесистых гор и скал.
 На плоту, все подмечая,
 Кай-Куш мудрый восседал.
 С двух сторон по берегам
 Белки мчались по кустам.
 Их выорки сопровождали.
 Козы резвые бежали
 По уступам желтых скал.
 А над ними в поднебесье
 Молодой орел летал,
 Слушая Кай-Куша песню.

Получалось, что царь-птица.
 Властвуя в небесных далях,
 И У-Суг что внизу мчится,
 Побратимами вдруг стали. -
 - Так поется в новом кае,
 Что слагает певец края.
 В нем поется: все на свете
 Матери-Природы дети.
 И Кай-Куш, смотря на волны,
 В окруженьи птичьей стаи,
 Средь тайги лесистой-горной
 Путь свой славный продолжает.

Он плывет в небесном свете
 В синюю родную даль.
 Над рекой влюбленный ветер

Развевает грусть-печаль.
 Ласково волны коснется,
 И в смущении несется
 Он к береговым откосам,
 Дергая тальник белесый.
 То волну плеснет на камень,
 Озагат-траву взберошит.
 То кусты над родниками
 Пыльцой желтой припорошит.

Вот уж подплывает плот
 К той излучине красивой,
 К тому месту, где живет
 Алып-Тополь, сын Осины.
 Взволновалась кыз У-Суг,
 Выдавая свой испуг
 Пенистыми бурунами
 Над подводными камнями.
 В берег бьет волной и плещет,
 Чистоструйно трепещет.
 Брызгами под солнцем блещет,
 Родниково верещет.

Но Кай-Куш кыз успокоил
 Взглядом добрым и лучистым.
 Плот, что сам вверху построил,
 К берегу причалил быстро.
 Молодой красавец-Тополь
 Листвой радостно захлопал,
 Гостя смелого встречая,
 Дорогого певца края.
 Шли сюда кайчи послушать
 Люди из далеких мест -
 Все хотят из уст Кай-Куша
 Слышать ту благоую весть.

Шор-кижи Кай-Куша ждали
 И готовы к встрече были:

Обряд Ак-Сыр соблюдали -
Халат вышитый дарили,
Перюк, соболем подбитый,
Пояс, золотом расшитый.
Двое юношей красивых
Ему вещи подносили.
А другие парни-служки
Подвели его к застолью.
Усадили на подушки
На почетном месте тоя.

Он сидел на видном месте
В окруженьи аксакалов.
А внизу река-невеста
Чистым серебром блистала.
На нее зеленым взглядом
Смотрел Тополь, стоя рядом.
Взгляд красавицы-невесты
Был искристым и небесным.
Кайчи выпил без остатку
Теплого айрана чашку.
Подкрепился, крикнув сладко.
Боком нежного барашка...

И - запел певец народа.
Имя кыз провозгласив
На наречье древнем рода,
К У-Суг голову склонив.
А она внизу текла.
Красотой к себе влекла,
Быстроструйна и легка,
Благородная река.
Весь народ на этом тое,
Жадно слушавший певца,
Нареченьем был доволен, -
Ликованью нет конца!

На пригорке весь осинник
Радостно листом играл,
А в логу зелено-синем
Пышный ельник танцевал.
Серебристо пела Ива,

Что была всегда унылой.
И младенец-краснотал
Тоже что-то лепетал.
Изумрудная трава
Звон зеленый разносила...
Недовольна всем была
Лишь сварливая Осина.

Не могла она смириться
С тем, что сын покинул кров
Ради пришлой кыз-девицы.
«Что за странная любовь?
Рассуждала вновь Осина, -
Не пойму никак я сына.
Не было такого сроду,
Чтобы в жены брали воду.
Неужели в роду нашем
Не нашел бы он невесты?
Но ему милей и краше
Не сидящая на месте.

Вишь, как блещет и струится.
Все бежит, бежит куда-то.
Из-под рук уйти стремится,
Будто в чем-то виновата», -

Старая Осина злилась,
Сделав вид, что веселилась.
«Не к веселью тебе хмель, -
Ей сказала тихо Ель. -
-Что ж, у пьяного, известно,
Что язык наружу выдал,
То хранилось в тайном месте».
Молвила с печальным видом.

Слова старой, мудрой Ели
Захватили ту врасплох.
Мысли, что внутри сидели.
Ей же сделали подвох.
Разве могут быть виною,
Чувства, бьющие волною,
Красота и благородство
Не всем это все дается.
Но в Осине продолжали
Чувства с разумом бороться.
Сердце, будто, черви жрали,
И душа, как лист, трясется.

В это время к реке вниз
Сошли девы с пенопением.
Шестьдесят косичек кыз
Расплели в одно мгновенье.
Косы - мелкие потоки -
Собирали в две протоки,
Что на деле означало:
Двое вас - одно начало.
Но, едва успели девы
Вверх подняться, на откос.
Как потоки с пеной белой
Суг-Эзи с верхов принес.

Успел, все-таки, на той
Суг-Эзи, Хозяин Вод,
Принести подарок свой,
Чтоб порадовать народ.
Переполнившись, река
Затопила берега.
В свадебный водоворот

Всех увлек Хозяин Вод:
В пляску вплавь пошли деревья,
Островки кружились в танце,
И Осина-мать, пьянея,
Пошла к кыз-реке купаться.

Уже месяц стал ущербным,
А веселье не кончалось
На пайраме том волшебном.
Заря ранняя менялась
Много раз зарей закатной.
И котлы неоднократно
Мясом жирным наполнялись,
Вертела не раз менялись.
Сорок дней играли свадьбу
В свете Солнца и Луны -
Сорок лет про эту свадьбу
Разговоры потом шли.

Разъезжаться стали гости -
С удивительного тоя -
Кто сидит на шкуре лося,
Кто стремненным шел, а кто и
Зацеплялся за тороки,
Иль пешком шагал по тропке.
Каждый кижки шел прощаться,
Пожелать большого счастья
Голубой реке Небесной,
Тополно - богатырю.
А Кай-Куш своею песней
Провожал кижки в зарю.

Пел красиво он, как прежде,
Голосом двойным гортанным -
На высоком побережье
Песня льется неустанно.
Воспевал он в песне той
Дивный и чудесный той.

На высоком побережье
Песня льется неустанно.
Воспевал он в песне той
Дивный и чудесный той.
Рокотал комус трехструнный
Звоном гулким на Подлунной.
Начал петь он на закате,
А закончил на рассвете.
Никогда подобных свадеб
Не справлял никто на свете.

Не было во всей Вселенной
Свадьбы дерева с водой.
Это место точно, верно
Именуют *Шуг-агаи-той*.
Но семейного покоя
Не настало после тоя.
И не для того в те годы
Замуж выходили воды.
Узы брака заключали
Долгу верные альпы,
Реки чтоб не иссыхали,
Горы чтоб были открыты.

Чтобы древняя тайга
Оставалась бы бескрайней,
Чтобы каждая река
Была полною до края.
Их деянья благородны.
По тому их чтут в народе.
Все - от мала до велика -
Знают подвиги альпов.
А Кай-Куш и все певцы
О них память берегут.
Как достойные отцы
Нам наследство отдают.
Много лун прошло с тех пор.
Со дня свадьбы Тополиной
С дочерью Небес и гор
Появилось в долинах
Много поросли зеленой -
Семьи дружной Тополевой.

Запах головы, пьянящий,
Топольков, толпой стоящих.
Будоражит в жилах кровь.
Мысли делаются чище,
Из души большой Любовь
Рвется в небо белой птицей.

Высоко, в дали небесной,
В чистой, голубой тиши.
Плывет лебедем чудесным
Птица белая души.
С высоты полета птица
Красотой У-Суг дивится,
Тополя-альпы статью.
Сыновей-красавцев ратью.
Видит, как У-Суг струится
К Тоом-реке, бегущей к морю.
Вот, обнявшись с посестрицей,
Осветляет ее горе.

Их теперь сопровождает,
Украшая берега,
Топольков-альпов стая -
Горда ими мать-река!
...Быстрая, как мысль, птица
В горы вдоль У-Суг стремится.
Видит: кроме сыновей,
Статных, дружных тополей.
Появились речки-дочки,
На У-Суг во всем похожи,
Быстроструйные сыночки
Плещут в колыбельках-ложах.

Старшей дочерью довольна
Мать, красавица У-Суг -
Много вод в горах привольных
Собирает дочь *Чыг-Суг*.
Стала правой рукой
Чыг-Суг матери родной.
В растопыренные пальцы
С гор бегут ручьи-скитальцы,
И доверчиво стекают

Ак-Кушак - благая птица.
Оперением блестя,
Над Кай-Кушем вновь кружится.
Нежным пухом шелестя.
Ее шепоту внимая,
Все до слова понимая,
Кай-Куш в кай переводит,
Чтобы спеть потом в народе.
Он, комус не выпуская,
В свой аал бредет тайгой;
Берегом У-Суг ступая,
Восторгается рекой.

Шел кайчи тропой знакомой.
Но она оборвалась
Бережком речушки новой,
Что, журча струей, лилась.
Из тайги меж гор бежала
Голубым потоком шалым.
Огибая мочажины,
К матери У-Суг в долину.
Радость блещет и искриться
Из ее лучистых глаз.
Улыбаясь, к У-Суг мчится
Дочка младшая *Наа-зас*.

По камням синим, скальным
Перешел кайчи поток.
Зачерпнув воды хрустальной,
Он испил ее глоток.
И знакомою тропую.
Что бежала под горою,
Бодро шел в улус родной;
Тот ютился над рекой.
Кай-Куш знает: ждут его
В юртах или на Поляне,
Певца края своего,
С новой песнею - сказаньем...

1962-78 гг.

Междуреченск – Кемерово

ПОДНЕБЕСНЫЕ ЗУБЬЯ (ТЕНГРИ-ТЕШИ-ТАШ) Шорское героическое сказание

Героическое шорское сказание “Поднебесные Зубья” (Тенгри-Теши-Таш) рифмованное произведение. Автор пытался сохранить информационный пласт древнего кая, передав по-русски его своеобразие с тем, чтобы читатель почувствовал дыхание тех далеких времен, понял мысли, чувства народных сказителей – кайчи, для которых групповые (народные) понятия, как жизнь и смерть, любовь, долг, родина, домашний очаг были такими же важными, как и для нас, современных людей.

Иногда рифма и ритм меняются в сказании. Это чаще всего происходит из-за применения беглых ударений в шорских словах. Местами “чистая рифма” заменена “созвучиями” – строфическая аллитерация – что характерно для жанра кай. Ритм меняется из-за того, что нельзя, например, представлять лирическое описание природы в ритме борьбы, боя и наоборот. От этого меняется настроение, восприятие.

Из кая “Поднебесные Зубья” читатель не только узнает о происхождении тех или иных топонимов Горной Шории, но и познает жизнь, быт, разгадает и откроет для себя мудрость его.

Шор-кижи! Все это было,
 Когда в горной стране нашей
 Были низкими *таскылы*.
 Климат был намного мягче.
 Тайга только проросла
 На покрытых землей скалах.
 Поднялась стеной зеленой
 В местах, кизи заселенных.
 По пологим горным склонам
 Кедры только рвались к небу,
 Пухом оперясь зеленым,
 Что колючим еще не был.

А среди мохнатых елей,
 Пихточек пушистых, нежных,
 Тонкие стволы белели
 Берез стройных, белоснежных.
 Много гор было покрыто
 Бузиною, волчьим лыком.
 И черемушник пахучий
 Укрывал таскылов кручи.
 Много горного пространства
 Буйствует в лугах альпийских.
 Много трав служит лекарством
 Для *анчи* и всех их близких.

В тех лугах *маралий корень*
 Растет густо и обильно.
 Пользуется оленей в гоне
 Кизи делает он сильным.
 Много *корня золотого*,
 Силой тайной налитого,
 Прячется по тем лугам -
 Шор-кижи берет их там.
 Между гор долины, степи
 Высланы зеленым шелком.
 Слышен ветра тихий лепет
 Над полынною метелкой.

То была пора мгновений.
 Когда радость жизни новой
 Прорывалась из тени

Клейким листом тополевым.
 И когда в распадах прелых
 В кипени черемух белых
 Запахи хвои мешались.
 Когда горы оглашались
 Клекотом четы орлиной,
 Криком коз, маралов ревом,
 Трубною музыкой лосиной
 Среде тайги в наряде новом.

В высоте, в небесной сини,
 Над бескрайнею тайгой
 Стаи с криком пронеслись,
 Будоража наш покой.
 А внизу, меж гор скалистых,
 Лентой голубой, искристой
 Река чистая струилась -
 Шории душа и милость.
 По реке довольно ходко
 Рыбаков челны скользили.
 На *долбянках* - узких лодках -
 Они рыбу привозили.

С туесами в тайге ходят
 Собирательницы - шорки.
 На зиму они находят
 Для засушки и засолки
Колбу, корни и *кан-дык*
 С помощью своих мотыг.
 Становятся на колени,
Абылом в одно мгновенье
 Они корни добывают -
 Кладут в *туес* берестяный,
 А серпами подрезают
 Травы в *кан-от* полотняный.

В степях тучные отары,
 В заливных лугах стада,
 На горах, у самых яров -
 Много разного скота
 На земле шорцев паслося.
 По тайге гуляют лоси.

Бродят тощие медведи
В густых зарослях соседних.
Наедают стать свою
Косолапые корнями
На полянах, как в раю
Хрумкают борщевиками.

Солнце блещет в небесах,
Льет в *страну рыжеволосых*
Свет с улыбкой на устах.
Путаясь в ресницах сосен,
Елей, пихточек и кедров,
Луч, попав в глазницы - недра,
Вытекает вдруг слезою -
Липкой, солнечной смолою.
На морщинистой коре
В желтых ласковых наплывах.
Лучи пляшут в янтаре
Сотней зайчиков игривых.

Искры солнечные блещут
В струйках жаркого металла,
Золотом в плавильнях плещут
И рубином в слитках алых.
А из слитков раскаленных,
В местах скрытых, потаенных,
Рудознатцы - шор-кижи
Куют сабли и ножи,
Стремена и груды бляшек,
Для *альтов* их доспехи.
Молоты в руках их пляшут,
Будто в танце, без помехи.

То была пора затишья
От набегов *чабалтеев*.
Давно дани не плативши
Жили шорцы веселее.
В их *аалах* больше стало
Кыз, оолов, детей малых.
И еще бы больше было,
Кабы дани не платил он,
Бедный и бесправный род,

Девушками и парнями -
Много их из года в год
Враги в рабство угоняли

Защищали свой народ
Мужественные алыпы.
Их *Каанами* нарек
Шор-кижи - почетный титул!
Приходилось часто Канам
Против воли, нежеланно,
Покидать аал родной,
Защищая народ свой.
Часто, облачась в доспехи,
Ездили алыпы в горы.
Не для собственной потехи -
Там несли они дозоры.

Среди гор в одном *улусе*
Жили-были, подрастали
Два алыпчика безусых -
Оолами недавно стали.
Как и все, однако, дети,
Бегали алыпы эти
По тайге родной с лучками,
Стрелы тратили пучками.
Но в отличие от других,
Поражали стрелы метко
Глухаришек, птиц глухих,
Пролетая мимо редко.

Назывался *Тегри-Геши*
Первый алып, а второго
Называли же *Тау-Геши*.
Крепки были оба оола.
С детских лет они дружили,
Но запальчивыми были.
Большой силой обладали
И ни в чем не уступали
Юноши тогда друг другу.

И зубами могли оолы
Тянуть конскую подпругу -
Лопалась та, кончив споры.

И на всех богатых *тоях*
Парни в силе состязались.
Победителями двое
Они часто оставались.
Казаны в зубах с водою
Доставляли к месту тоя.
(Нужно было так бежать,
Чтоб воды не расплескать).
И отказывались парни
Поднимать, как все, руками
Валуны, большие камни -
Поднимали их зубами.

Состязались оба Теши
В шорской силовой борьбе
Под названием «*Кюреши*»,
В беге по тайге в гурьбе.
Были смелы и ловки,
Быстроноги и легки.
Сметкой тоже обладали,
Оолов всех опережали.
И старались попасть
К древней свадебной игре.
Где невесту надо красть
И умчать, коня огрев.

Вот во время состязаний
Заприметили они,
Что стреляют в них глазами
Кыз, стоящие одни,
Стайкой, ото всех в сторонке,
И смеются смехом звонким.
Оолы в грязь лицом не пали -
И повсюду побеждали.
Увидав гостей прекрасных,
Потеряли покой оолы.
И от лиц открытых, ясных
Отвести не могли взоры.

Девять дней *пайрам* тот длился.
Девять дней парни играли.
И в красавиц круглолицых
Взоры пылкие метали.
Семь сестер, красавиц этих,
Были краше всех на свете.
По земле они ходили -
Будто лебедями плыли.
Их глаза - мерцанье ночи.
Щеки - словно две зари.
Губы - розы лепесточки
С белым жемчугом внутри.

С этих пор парни мечтали,
Часто думали о кыз.
Мысли их порой витали
Легким ветром у границ.
Там, где жили семь сестер.
Меж собой их разговор
К дивным кыз всегда сводился,
Иногда часами длился.
Засыпали оолы с думой
Только о прекрасных кыз.
И в тревожных снах безумных
К ним являлись снова кыз.

Много лун в небе сменилось.
Вот уж оолы возмужали,
В альпов преобразились,
И в дозоры ходить стали.
Но любовь их не угасла
К девушкам, как день, прекрасным.
Думы их одолевали
И покоя не давали.
Рвались души в те края,
Где шатры в степи стояли,
Где красой Теши маня,
Девушки цвели, блистали.

Уходя в свои дозоры,
Парни не переставали
Устремлять, вздыхая, взоры
В дымчатые сини дали.
Им пока не удавалось
(Случая не представлялось)
Посетить степной простор -
Родину семи сестер.
Но альпам не пристало
Для себя красавиц красть.
Надо было знать сначала,
Чья душа к кому рвалась.

Мучаясь, себя терзали.
(Ведь случился такой грех:
Выбора они не знали
И любили сразу всех).
Но известно, что на свете
Всех объять лишь может ветер.
И стрела, коль цели нет,
Попадет лишь в белый свет.
И Светило, что сверкает
В ясный, летний, долгий день,
Сразу всех не обласкает -
Помешает ему тень.

Вот однажды два альпа,
Облачась в свои доспехи.
Не позвали коней криком -
Шли пешком, прихватив вехи.
В гору поднимались ходко
Легкой, быстрою походкой,
Трав пахучих не сминая,
Пыльцы с цвета не сбивая.
Взобрались на вершину
Невысокого таскыла.
И, подставив ветру спину,
Смотрят на аал тоскливо.

Там виднелся холм высокий.
И с холма бегут, кудрявясь,
По ковру острой осоки,
Белоствольно улыбаясь,
Резвоногие березки,
Распустив свои сережки.
Между ними на полянах
Гурт кас-угов деревянных
Убегает к низу клином.
Над кас-угами в отверстия
Вьются тихо струйки дыма,
Исчезая в поднебесье.

Вон *кас-уг* их деревянный,
За мохнатой елью скрытый.
Сруб его был восьмигранный
И корою крыша крыта.
Полог юрты из досок
Был подвешен на штырек.
На восток он смотрит входом.
Чтоб зимою в непогоду
Было легче выходить,
Отодвинет кижки полог
И начнет сугроб дробить,
И откинет снегу ворох.

В стенах шорского кас-уга
Для окошек есть проемы.
А когда закружит вьюга,

Закрывают чурбаком их.
 Служат те проемы также
 Для образования тяги,
 Чтобы дым выходил весь
 Сквозь дыру, что в крыше есть.
 А очаг в кас-уге том
 Посередке расположен.
 Заглублен он в пол при том,
 И бульжником обложен.

Вкруг костра приспособленье -
 Называется *шаал*.
 В нем в морозы утешенье
 От огня и покрывал.
 На полу постелен войлок.
 Теплых шкур навален ворох.
 Утвари домашней много:
 Начиная от порога,
 Стоят полны короба
 И одежды, и оружия,
 Туесов из серебра,
 Серпов гнутых полукружья.

На стенах ковры висели,
 А на них укреплены
 Сабли острые. Блестели
 Там кольчуги и шлемы.
 В *саадаках* висят луки,
 Тетивой согнуты в дуги,
 И щиты, и колчаны,
 Оперенных стрел полны.
 Низкие у стен топчаны,
 Крыты шкурами они.
 А на них стоят *кумганы*,
 В серебро облачены.

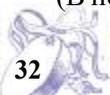
Рядом с юртой есть землянка,
 В гору вся заглублена.
 То кладовка с провиантом.
 Ледник названа она.
 А поодаль зимник - *стая*
 (В пору ту стоит пустая).

В ней кошары для овец,
 Хлев-коровник. Наконец,
 С отдельным входом
 Есть конюшня для коней,
 С той особенной породой,
 Годной для богатырей.

Как во всех аалах шорских
 Есть *Поляна Родовая*
 С большим гонгом на пригорке,
 Что гудит, кижы сзывая.
 Здесь шаман вершит *камланья*,
 Здесь проходят все собранья
 Шор-кижи и *аксакалов* -
 Всех зовут: больших и малых.
 Ставят здесь столы для тоя,
 Собирают ополченья,
 Ждут алыпов с поля боя,
 Преподносят угощенья.

За ложка по склону бродит
 Жирных лошадей косяк.
 Их скакун Таш-Теши водит,
 Чалый опытный вожак.
 На другой стороне лога
 (Был он более пологим)
 Лошадей гнедых косяк
 Вел Тегри-Теши вожак.
 Табуны паслися вольно
 По долинам и лугам.
 Не было коней, прикольных -
 Все послушны жожакам.

Вдруг порывом ветер свежий
 К табунам принес с таскыла
 Запахи обоих Теши -
 Коней с толку это сбило.
 Чалый приостановился,
 С места вдруг в аллюр пустился;
 Крутя мордой, опять встал
 И тихонечко заржал.
 Непонятная тревога

Слышна в ржанье скакуна,
Но, теперь, уже Гнедого,
Тегри-Теши скакуна.

Кони, табуны покинув,
Скачут, мечутся по склонам,
Гривы в стороны откинув,
Ищут альпов влюбленных.
Гривы их по ветру вьются,
Будто волны, в море бьются.
Ноздри, фыркая, трепещут.
Как агаты, глаза блещут.
И в волнении бока
Двигутся вперед - назад,
Как кузнечные меха.
Мелко мускулы дрожат.

Смотрят альпы на них -
И поют от счастья души
За друзей, коней лихих,
За их преданность, послушность.
Ну, а кони все метались,
За порывом ветра мчались,
Ловя запахи парней
Трепетанием ноздрей.
Ржали лошади тоскливо,
Будто что-то ожидали,
И копытами ретиво
Землю брызгами взрывали ...

И не выдержав терзанья
Своих преданных коней,
Альпы, сдержав страданья,
Пошли в горы поскорей.
Пешим шли они дозором,
Восходя к вершинам горным.
С них, просматривая дали,
Взгляды зоркие метали.
Среди гор, доступных глазу,

Было все кругом спокойно.
Не сверкнул нигде ни разу
Отблеск сабли непокорной.

Тишина кругом стояла.
Не видать чужих костров.
И не топчут, как бывало,
Орды вражьи степей кров.
Но обманчивой бывает
Часто эта тишина -
Чабалтеев прикрывает
Иной раз собой тайга.
Иной раз враги, скрываясь,
Прячутся в зеленой пуще,
Змеями в траву вжимаясь,
Чтоб ужалить кижки пуще.

Но от зорких глаз Теши
Ничего не ускользает:
Вон в логу ручей бежит.
Стадо рогачей гуляет
Девять резвых маралят,
Голенастых оленят,
Скачут носятся по кругу,
То сбегаются друг к другу.
Важенки им не дают
Покидать заветный круг -
То их мордой подтолкнут,
То сердито бякнут вдруг.

На таскыле, что напротив,
Вдруг заметили движенье.
Неужели оборотни
Пробрались для вторженья?
Но с сурчаньем громкогласным
Выкатились на свет ясный
Трое малых медвежат
И, барахтаясь, визжат.
Альпы чуть подивились,
И дозорною тропой
Дальше в горы удалились,

Не нарушив их покой.
Шли они, легко ступая,
По ковру истлевшей хвои,
Стволы кедров раздвигая,
Шли дозором оба-двое.
Что повыше - Тегри-Теши,
А пониже был Таш-Теши.
Для рыжеволосых рода,
Для печального народа
Были альпы опорой.
Полагались на них шорцы,
Как на каменную гору,
Им судьбу вверяли горцы.

Вот пришли они к распадку.
(Он от взгляда укрывался
Невысокой горной грядкой,
И не сразу появлялся).
Вел к нему среди низких скал
Ложок узкий, что петлял
И укрыт был белой тучей
Сплошь черемухи пахучей.
И, вдыхая теплый запах,
Горьковатый и густой,
Альпы пошли на запад
Средь осоки молодой.

Попетляв меж елей синих
И смородины душистой,
Вышли альпы к долине
У подножья гор скалистых.
Много тайн она хранила,
Там диковин много было.
На полянах изумрудных -
Заросли соцветий чудных.
Ярким пламенем пылали
Огоньки и горицветы,
И сапфирами играли
Медуницы, в пух одеты.

А в лощинах вдоль опушки,
На листьях зеленых сабель,

В цвете грустном слез кукушки
Капельки росы блистали.
Распустив свободно косы,
Белоствольные березы
Поднимаются по склонам,
Словно по коврам зеленым.
Кажется: идут принцессы,
Дочери Тайги - Владыки,
И альпам двум чудесным
Дарят светлые улыбки.

А за ними к ногам оолов
Мантии принцесс спадали,
Мягким бархатом зеленым
Всю долину укрывали.
Бархат мантий тех роскошных,
В позументах всевозможных,
Делала еще красивей
Россыпь королевских лилий.
Дальше по ковру предгорий
Только-только зацвечал
Золотой целебный корень.
Ярче золота пылал!

Вон разлапистые ели
Вроде что-то прикрывают
И, качаясь, еле-еле
Такпах будто напевают:
«Нет под солнцем лучше края,
Чем ты, Шория родная.
Обойди весь белый свет -
Лучше нашей тайги нет».
И, пропев альпам песню,
Ели в сторону шагнули,
И видением чудесным
Оолов души всколыхнули.

За изгибом живописным
Сплошь заросшего таскыла,
За шиповником волнистым
Чудо им тайга открыла:
Белорозовым туманом

Обволакивал поляны
Чудодейственный *бадан* -
Исцелитель многих ран.
Облаками уплывали
Те туманы вверх по взгорью.
Словно пеной укрывали
Волны зелени, как в море.

И альпы увидали,
Как над розовой пеной
Силуэты кыз витали
Пыльцой легкой, желто-белой.
Платья их - полувоздушны,
Ветерку были послушны,
Колыхались и играли,
В солнечных лучах сверкали.
Вдруг они от дуновенья
Озорного ветерка
Скрылись в одно мгновенье
В хвойных дебрях сосняка.

Околдованные оолы
На лугах стоят в молчанье,
Зачарованные взоры
Отвести не в состоянье
От тех сосен, где исчезли
Кыз - красавицы. И лезли
В головы их молодые
Мысли разные. И ныли
Души альпов в томленья.
От любви они сгорали
И терзались в смятеньи -
Выбора они не знали!

В душах Теши нет покоя,
С ним они давно расстались.
Любят оолы, оба - двое,
Сразу всех сестер-красавиц.
Не залечишь этой раны
Корнем чудного бадана.
Нужен бой духовных сил,
Чтобы разум победил.

Нужно оолам разобраться
В чувствах путанных своих.
Следует им попытаться
Выбрать двух из семерых.

И хотя оолы страдали,
Прятали смущенно взоры,
Все ж, они не забывали,
Зачем вышли вместе в горы.
И со вздохом сожаленья
Об исчезнувшем виденье,
Оолы продолжали путь,
Не пытаясь отдохнуть.
Шли они, пересекая
Многоцветные луга,
Ароматы трав вдыхая
И обследуя лога.

Вскоре альпы поднялись
К перевалу горной цепи.
И оглядывать принялись
Горы ближние и степи.
Задержали оолы взгляды
На лежащей почти рядом,
В большой круглой котловине,
Той, загадочной долине.
Там на облачных полянах
Гулял ветер озорной,
Разгонял пыльцу обмана
И дразнил пчелиный рой.

Повернулись оба Теши
И пошли прочь с перевала.
Стали альпы поспешно
Вниз спускаться вдоль завала.
Вышли оолы на откос.
Что шиповником порос,
И стояли на крутине,
Взоры обратив к долине.

Та долина была чудом
Из чудес на свете белом,
И редчайшим изумрудом
Средь тайги она блестела.

Среди гор, доступных глазу,
Средь таежной синевы.
Облака ползут по кряжу.
Укрывая все холмы.
Яркой дымкою зеленой
Обволакивают склоны
Невысоких гор они,
Тайн загадочных полны.
Заполняют всю низину
Эти кроны-облака.
Кажется теперь долина
И воздушна и легка.

Тихо ветерок колышет
Стаи чудных облаков.
Кажется - долина дышит,
Слышен каждый ее вздох.
Альпы, спустясь с откоса,
Ощутили как разносит
Ветер дивный аромат,
От которого в сто крат
Прибавлялося в них силы.
И, казалось, мотыльками
Легкокрылыми носило
Их над пестрыми лугами.

Их приветствует долина
Серебристым пеньем птичьим,
Гулом бархатным пчелиным,
Соколиным криком зычным.
Как *комуса* рокотанье,
Стрекоз слышно стрекотанье.
Дятел в дерево дробит,
Как шаман в бубен стучит.
И стоят среди долины,
Закрывая поднебесье,
Найдовы исполины.

Нет их в Шории чудесней!
В землю сильными корнями
Прочно дерева вцепились,
Словно крепкими ногами
В подземелья провалились.
Мощными, как кедр, телами
Вверх возносятся столбами,
Будто чаши с облаками
Держат ветками-руками.
Облака же те извечно
Были сотканы природой.
Из листков резных сердечком
И цветков, богатых медом.

Тела гибкие имели.
Стройны были и прекрасны.
В бурю лишь стволем скрипели,
Поводя корой атласной.
Долго еще любовались,
Красотою восторгались
Чуда Шории альпы -
Островком древнейшей липы.
Не хотелось расставаться.
Полдень уж давно настал.
И решили здесь остаться,
Сделав небольшой привал.

Отошли чуть-чуть в сторонку,
К речке, что невдалеке
Говорила с ручьем звонким
На хрустальном языке.
Лагерь маленький разбили.
Костерок тут же сложили.
Чай поставил Тегри-Теши
На корнях и травах свежих.
Вдруг увидели: *атишак*
На другом конце поляны
Лизал лапу сладко так,
Брел к кустам как будто пьяный.

За медведем следом мчится
Смерч - гудящий и живой -

Злобным облаком клубится
Мстителный пчелиный рой.
И с опаскою алыпы
Подошли к огромной липе.
Напроказил косолапый!
Крепко приложил он лапу!
Из дупляной старой борти
С развороченной корой,
Что медведь вконец попортил.
Мед струился золотой.

Парни, борть с трудом
подправив,
Прикрепили туеса,
Струи вязкие направив,
Чтобы мед стекал в них сам.
Струи медленно поплыли
В туеса берестяные.
Наполняли диким медом -
Даром сказочной природы.
Чистый воздух был напоен
Сильным терпким ароматом.
Он, казалось, был настоен
На букете трав богатом.

Туеса захватив, оолы
Подалися на стоянку.
Там их ждал уже готовый
Чай на лагерной полянке.
Подкрепилися *маханом*
С аппетитом оба Кана.
Каждый алып подкормил
Кермезек свой, что хранил
Под кольчугой в месте тайном.
Прячут шорцы кермезеки.
Суеверье не случайно
В жизнь кижки вошло навеки.

Вот черед настал у оолов
Мед-бальзам отведать чудный.
И хоть донимали пчелы
Их гуденьем злобным, нудным,

Все же всласть они поели.
Чай испив - осоловели.
Утирая платком пот,
Гладили рукой живот.
И решили отдохнуть
После тоя на приволье,
Чтоб держать дозорный путь,
Охранять родное взгорье.

В настроении чудесном,
Растянувшись на боку,
Затянул Таш-Тешу песню
(Хоть не пили *араку*):
«Шория! Мой край родной!
Я люблю тебя душой.
Горы синие твои,
И долины, и ручьи.
Шория! Ты и я -
Мы навек с тобой друзья!
Шория! Ты и я -
Мы навек с тобой друзья!
В свете нет тебя чудесней.
О тебе пою я песню.
Не расстанусь я с тобой.
Ты навек мой дом родной.
Шория ты моя.
В свете нет лучше тебя.
Шория ты моя.
В свете нет лучше тебя».

Песня альпов звенела,
Как струна в комусе звонком.
Над тайгою полетела,
Как на крыльях с ветром бойким.

В это время в черном доме
Под гранитною скалою,
На секретном черном тое,
Вертя птичьей головою,
Восседала на подушках
Черная, как смоль, старушка.

Ее люди окружали
И почет ей выражали.
Все, одетые по-хански.
Все имеют важный вид.
Замолкают же по-рабски,
Когда бабка говорит.

То - хозяйка чабалтеев,
Злобная *Кара-Арыг*.
Черну кровь она имеет
В жилах скрученных своих.
Эта древняя старуха -
Острый глаз и чутко ухо! -
Слышит все и примечает.
Угощая гостей чаем.
Собрала она за тоем
Черных воинов - алыпов
Решить дело не простое -
В страну Шорию проникнуть.

Думала, кого отправить
Ей в страну рыжеволосых.
Кто сумеет тонко справиться
Ту разведку из раскосых.
К ней подходит тенью служка,
Шепчет что-то бабке в ушко.
Та рукою знак дает,
Чтоб продвинулись вперед
С дальнего угла алыпы,
Что намного припозднились.
Подошли они к *паитыку*,
Низко в пояс поклонились.

Им старуха указала
Занять место рядом с ней.
Аракою угощала -
Хошь-не хошь, садись да пей.
«Расскажите, где бывали,
Видели чего, слышали?»,-
Вкрадчиво спросила их
Хитрая *Кара-Арыг*.
Парни, араки испив,

На вопросы отвечали,
Низко головы склонив:
«Мы у шорцев побывали.

Были мы у *Кара-Кана*.
Стал он очень вольно жить -
Не желает больше дани
Кан оолами платить.
Мы настаивать не стали.
Дескать, в гости приезжали.
Это его усыпило,
И на той нас пригласил он.
Много съехалось алыпов
На *Поляне Золотой*.
На пайрам и мы проникли.
Знатный состоялся той!»

«Чем же, все же, знаменит был
Этот ваш хваленый той?»
«Выступали там алыпы,
Что взрастил народ простой.
Победителями тоя
Средь алыпов были двое.
Некому сравниться с ними
Ни в умении, ни в силе.
Мы прожили много лун
Среди них, рыжеволосых.
Знаем точно - некому
С ними сладить из раскосых».

«Говорят, что все алыпы
Из страны рыжеволосых, -
Молвила *Кара-Арыг*, -
Поразъехался в гости.
И удобно, может быть,
Нам набег туда свершить?
Да не ждет нас в это время
Презираемое племя».
«О-о! Имеющая косы!
Разрешите мне возразить», -
Перебил второй раскосый,
Руку к сердцу приложив.

Тут старуха встрепелулась
Вся от дерзости альта.
Но, сдержавшись, улыбнулась
И кивнула чуть сердито.
«Ходят постоянно в горы
И несут свои дозоры
Те альпы молодые,
Сильные и удалые.
Мышь - и ту они приметят,
Глядя с высоты нагорной.
Сразу нас в тайге заметят
И смешают с камнем горным».

Приздумалась злодейка -
Выхода она искала.
У раскосых чабалтейка,
Все ж, допытываться стала:
«Нет ли у альпов тех
В чем-нибудь каких прорех»?
И раскосые сказали -
На пайраме примечали
-Юноши влюбились двое
В семерых красавиц сразу,
И что часто они спорят,
От любви теряя разум.

«Так, - сказала чабалтейка, -
Это только нам поможет».
И, задумавшись, злодейка
Развалилась в своем ложе.
Зашуршав шелками платья,
Поднялась она с палатей.
Взяла чашу с аракою -
Жгучей огненной водою.
Мигом ее осушила.
На всю залу громко крякнув.
Колбой смачно закусила.
Залихватски трижды чавкнув.

«Хоть я стала уже старой,
Поседели мои косы,
Все же, буду я *кайдаром*,

Поведу в набег раскосых.
Торопиться мы не станем
И шор-кижи, все ж, обманем.
Надо будет так устроить,
Чтоб альпов тех поссорить.
А потом набег свершим,
И богатства все захватим.
Кыз, красавиц тех, - пленим,
Оолов, скот с собой прихватим».

И она, покинув залу,
Бросилась к покоям дальним.
Примыкали те овалом
К порфиристам гладко-скальным.
Ткнула тощею, сухою,
В черных жилочках рукою
В большой гладкий серый камень,
Сделав вмиг его зеркальным.
Стала черная колдунья
В зеркало смотреть большое.
Вот она в мерцанье лунном
Видит всех гостей на тое.

Она боком повернула
 То волшебное зеркало -
 Перед нею промелькнуло
 Степей ближних покрывало.
 А за ними - сини дали,
 Где туманы лишь витали.
 Вот уж перед ее взором
 Предстают тайга и горы.
 Среди гор видит долину,
 А в долине двух альпыв ...
 Быстро зеркало задвинув,
 Буркнула она сердито:

«Что ж, посмотрим, смогут ли
 Защититься те альпы
 От оружия - чар моих,
 Коли в них они проникнут»-
 Закрутившись, ведьма злая
 Космами пыль разметая,
 Превратилась в ворону,
 И взлетела вверх с разгону.
 Летит черная ворона.
 Горы сверху озирая,
 Ищет средь тайги огромной
 Альпов - надежду края.

Между тем, альпы снялись
 Со стоянки в той долине.
 Дальше в горы удалялись,
 Вновь тайгой шагая синей.
 Шли альпы шагом быстрым,
 Словно по коврам пушистым.
 Шли они, не задевая
 Трав макушек, не сбивая
 С них пыльцы мучнисто-желтой.
 Шли чащобой, раздвигая
 Рукой твердой лапник колкий,
 Хвойный аромат вдыхая.

Подошли они к таскылу
 С белой сахарной вершиной.
 Встретил их там ветер стылый
 Своей песней заунывной.
 Но альпы шли упрямо,
 Не сворачивая, прямо
 Ветру буйному навстречу,
 Головы чуть вжавши в плечи.
 Сжав ладони козырьками,
 Защитив от ветра взоры,
 Смотрят зоркими глазами
 На темнеющие горы.

Там, за темными горами
 И за синей дымкой мгlistой,
 Ходят облака стадами,
 Блестя шерстью серебристой.
 Кажутся альпам горы
 Волнами в таежном море,
 Светлые хребтов вершины -
 Гребнем пенным, а долины -
 Темною морской пучиной.
 Но не видно в той пучине
 Блеска сабель. Паутиной
 Лишь ручьи бегут с крутины.

В высоте все звуки слышны,
 Отражаемые эхом.
 Вот могучий кедр колышет
 Шапкою с зеленым мехом.
 Вот, звеня, бегут потоки,
 Вот тайги бескрайней вздохи:
 Зверь в урманах ворошится,
 Распевают в дедрах птицы.
 Снова ветер хулиганит,
 Паутов, мошку гоняя.
 Муравей-трудяга тянет
 Ношу в дом, не уставая.

Путь с холодного таскыла
 Ведет прямо в седловину
 Той горы, что чуть прикрыла

Наготу наполовину.
Альпы пошли по склону,
Что травую чахлой тронут.
Прошли рыжие плешины.
Вот уж скоро и лощина.
Но тропа вдруг оборвалась
Над разломами утеса,
И прерывисто спускалась
Вниз по камням и откосам.

Так сошли они к подножью
Неприветной горы этой.
Смотрят: вход в скалу заложен.
Давно - видно по приметам.
И тогда Таш-Теши мигом
Сдвинул каменную глыбу.
И ступил в тот грот герой -
Пол зиял черной дырой.
Удержаться за край смог
Альп цепкою рукою,
Лишь столкнул скалы кусок
Соскользнувшею ногою.

Тегри-Теши помог брату,
И прислушался - ни звука
Не доносится обратно...
Пай! Как будто где-то стукнул
Камень в бездне приглушенно.
Словно громом отдаленным
Из дыры на них дохнул
Вместе с эхом стон и гул
Оба поняли, что тут
Были входы в подземелья,
Где хозяйничал *Юзут* -
Были здесь его владенья.

Не сговариваясь, оолы
Глыбами дыру забили.
Безо всяких разговоров
Вход в пещеру завалили.
Все вершили Теши молча,
Чтоб не вышла в деле порча.

Неожиданно со стоном
Выпорхнула вдруг ворона.
В темный бор из перелеска
Полетела, злобно каркнув.
В глухомани криком дерзким
Подняла, вспугнув, кабаргу.

Молча шли от пещер жутких
Два альпа, оба Теши.
Шли, прислушиваясь чутко,
Наготове копыя - веши.
Стоны их сопровождали
И покоя не давали.
Чудилось: зовут их братья,
Что находятся там в рабстве.
Мучались альпы день весь.
И не знали, как избавить
Оолов тех из заточенья.
Как такое дело справиться?

Солнце уж почти цепляло
Острровершие верхушки
Елей стройных и блистало,
Ярость сбавив, на макушке
Кряжистого кедра-кана.
Словно бы в руках шамана
Сверкал бубен золотой,
Низвергая свет дневной.
Вот уже легло на плечи
Гор уставшее Светило,
Предвещая скорый вечер,
Ласково лучи дарило.

От пушистых пихт и елей,
Кедров и ближайших гор
Темные ложились тени
На предгорья простор.
И широкие долины,

И распадки, и лощины
Тихо тень та укрывала
Томным, сонным покрывалом.
На болотах горной тундры
Стлались дымякою туманы.
Комариным звоном нудным
Наполнялись поляны.

Пересвистываясь, птицы
Для себя ночлег искали.
Стая уток вон садится
На воду *курьи* зеркальной.
А край неба уж темнеет.
Над горами пламенеет
Зари алая полоска
Тусклым золотом неброским.
Выбрав место на полянке,
Что в распадке, у ручья,
Оолы сделали стоянку.
И пылает уж *надья*.

Вот уже скворчит в казане
Мясо нежного козленка.
Всыпан тертый рог маралий
(Благо рядом камень-терка).
В ход пошли колба, кандык.
С детства к ним кижы привык.
Надья ярко огнем дышит,
Жаром золотистым пышет.
Чай исходится в настое
Из упревших разных трав.
Все готово для их тоя.
Сели, ноги чуть поджав.

В казане, в приправе, густо
Мясо ломтиками млело.
Оно было таким вкусным,
Что само в нутро летело.
И насытились оолы
Той едою очень скоро.
Слушая напев ручья,
Пили ароматный чай

С густым медом запашистым,
Наполняя все вокруг
Дивным запахом душистым.
Слышат вдруг какой-то звук...

Алыпы чуть-чуть привстали.
Звук тот странный повторился
За ближайшими кустами.
Вот утих... Вновь появился.
И не медля, оба - двое,
Держа луки наготове,
Ринулись в кусты лихо,
По-кошачьи, очень тихо.
Звуки слышатся из чащи,
Различаются сильнее.
Кажется, что кто-то плачет -
Всхлипы громче и звончее.

Шаг прибавили алыпы
На влекущие их звуки.
Глаза оолов уже привыкли
К очертаниям округи.
Вон в чащобе среди елей,
Колыхаясь, бредут тени.

Слышат явственной алыпы
Очень жалобные всхлипы.
Теши, шагу прибавляя,
Нагнать тени те пытались.
Тени, кыз напоминая,
Все быстрее удалялись.

«Кыз прекрасные, постойте!
Красавицы, погодите!
Горе нам свое откройте», -
Крикнули им вслед алыпы.
Не слышали в ответ
Юноши ни «да» ни «нет».
Только эхо повторяло:
«Ой-те..., ой-те...», с перевала.
Обыскали впотьмах оолы,
Чашу ближнюю и низ,
Куда скрылись так скоро
Силуэты ночных кыз.

Были поиски бесплодны -
Больше кыз не появлялись.
И они, совсем беззлобно,
Тумаками обменялись.
Себя парни укоряли:
«Ведь могли, но не догнали
Плачущих девиц в ночи.
Тихо, братец, помолчи...»
К ним с покинутой стоянки
Докатился, будто, шорох,
Потом звук какой-то склянки,
И прокаркал в ночи ворон.

Пока юноши в потемках
Призраки в тайге искали,
Пряталась в мохнатых елках
Злая ведьма на привале.
Напустила свои чары
На алыпов Кара-Арыг.
Ведьма время не теряла -
Зелье в мед им подливала.
Из бутылки, из трехгранной.

Тем же зельем оросила
Пустой туес берестяный.
И закрыла, все как было.

Кара-Арыг заспешила,
Услышав идущих оолов.
В чашках мед не отравила,
И вороной стала снова.
Вот в тревоге на стоянку
Вышли алыпы. Полянка
Хорошо видна была
(Ведь костер на ней пылал).
Вдруг заметил Тегри-Теши
Ту ворону - старушонку.
Чтоб себя хоть чуть утешить,
Он пустил стрелу вдогонку.

И стрела вмиг поразила
Злую черную колдунью.
Каркнув, дух свой испустила
Ведьма в образе летуньи.
И на землю камнем - брык! -
Тело злой Кара-Арыг ...
А алыпы чай допили
И про кыз тех говорили.
Думали они, гадали -
Не могли никак понять,
Куда девушки пропали,
Можно ли их днем догнать.

Вот уже зарей рассветной
Приближая новый день,
Запылал восток приветный,
Отгоняя ночи тень.
Небосвода бархат черный,
Звездами раззолоченый,
Уж светлеет, отцветая.
Звезды тихо, робко тают.
Лишь одна звезда искрится

На поблекшем поднебесье
И блестит алмазом чистым,
Слыша утреннюю песню.

А восток вовсю пылает,
Изгоняя мрака чары,
Лучи-стрелы посылает
Он вдогонку ночи старой.
Чистым золотом очерчен
Хребет горный и увенчан
Он сиянием лучистым,
Голубым и золотистым.
А над ним лебяжьей стаей
Облака плывут вдали,
Оперением сверкают
В лучах утренней зари.

А внизу тайга уж тонет
В легкой и прохладной дымке,
И в лощины, как в ладони,
Собирает туман зыбкий.
И, клубясь, ползут туманы
По распадкам и урманам,
Все рососою покрывая,
И худеют, быстро тая.
Шорцы знают теперь твердо:
Коль туман сползает книзу,
Значит, нынче будет ведро,
Небо будет не капризным.

Вот поднялся солнца бубен
Выше гор, тайги окрестной.
Альпов беззвучно будит
Он мелодией небесной.
И небесной песне вторя,
Кажется поют все горы,
Птицы, звери и тайга,
И хрустальная река,
И роса на лапках елей.
Серебром гудят былинки.
Колокольчиком звенели
Все листочки на осинке.

Вся тайга росой умылась,
И блестит свежо, искристо.
Лишь долина - та томилась
Под туманом бело-мглистым.
Альпы, надью подправив,
На огонь казан поставив,
У ручья плескались долго,
И пошли к стоянке бодро.
Съели мясо и чай пили,
Что на травах был настоен
(И добавить не забыли
К травам тем маралий корень).

Лагерь привели в порядок.
В путь-дорогу собралися.
И вдоль каменистых грядок
Вниз оолы подалися.
Отойдя шагов на десять,
Очутилися на месте,
Где ворона пала камнем
От стрелы совсем недавно.
Почему-то это место
Птицы краем облетают,
Муравьи обходят лесом,
Мухи рядом не летают.

Падальщики - воронье -
И те с криком облетают
Место проклятое то.
Альпы не понимают,
Что отпугивает всех
От камней, развалин тех?
Парни место оглядели.
Среди глыб и груды перьев
Лужей растеклась огромной,
Заполняя щели в склоне,
Атласом лосняся темным,
Мантия из черной крови.
Кровь та, впитываясь в склоны,
Пузырилась, издавая
Запах дурноты зловонной,
От себя всех отгоняя.

Под землею кровь густела.
Набухая, каменела,
Набивая камнем черным
Подземелья страны горной.
В то же время Кара-Кан,
Что предателем был тайным,
Под землею увязал.
Став таким же черным камнем.

Таш-Теши и Тегри-Теши
Сразу поняли, в чем дело -
И гранитами поспешно
Завалили ведьмы тело.
Так покончили алыпы
С чабалтейкой ненасытной.
Повернулись - и дозором
Уходили дальше в горы.
Путь алыпы свой держали
На границу перевала.
Прямиком шли иль бежали,
Прыгая через завалы.

Вот они и на границе.
Видят с высоты оолы:
Там, внизу, река струится,
Разрезая лентой горы.
К ним доносится с низины
Гул грохочущей стремнины.
Слышен буйной волны плеск,
Виден брызг веселый блеск.
Ниже алыпы спустились
До гранитного *челтана*
Сапоги их оросились.
Растерялись оба Кана.

Видят алыпы: река
Катит валуны играя,
Покидает берега,
Всю долину затопляя.
Пожалели о том Теши,
Что пошли дозором пешим.
Их лихие скакуны,

Не задев шальной волны,
Вмиг смогли б перенести
На тот берег через реку.
Суждено теперь брести,
Опираясь на веху.

И сказал тогда Таш-Теши:
«Разве ж не алыпы мы,
Что река нас крепко держит.
Почему мы ждать должны?»
И с высокого утеса
Тегри-Теши глыбу сбросил.
Таш-Теши швырнул другую,
За ней третью ..., шестую...
И ложились глыбы эти
Поперек русла реки.
Так, играючи, как дети,
Навели они мостки.

И по камням оба Теши
На тот берег поскакали.
Опирались на вешки,
Как на трех ногах шагали.
А вода в реке клокочет

И пороги снести хочет.
Ничего не выходило –
Не хватает реке силы.
С ревом бешеным потоки
Меж гранитов проносились.
Совершая вновь наскоки,
Пеной белой исходились.

Те гранитные пороги
Будто зубы в дно вросли.
Их Алыповы в народе
Называют в наши дни.
Хоть река веками бьется,
Но никак не удастся
Победить пороги те
Тоом-Томной воде.

И на побережье стоя.
Долго слушали альпы
Стук камней на водном тое
И ворчанье струй сердитых.
Вновь альпы пошагали.
Шли - дорог не выбирали.
Шестьдесят дорог в Подлунной -
Шестьдесят путей у юных.
Много раз они взбирались
На ближайшие таскылы.
И внимательно взирали
На тайгу с высот вершинных.

Вот уж солнце в зенит встало,
Припекло альпов пеших.
За зубчатым перевалом
Встали на стоянку Теши.
Чай в котле из трав варили,
В туесе толкан залили.
(Наш толкан - питье-еда,
Не приносит он вреда).

Запекли на углях птицу.
С аппетитом ее ели,
Подцепив куски на спицу,
Когда те уже поспели.

Пили чай они душистый
(Он готов уже давно)
С медом диким золотистым,
Ложкой задевая дно.
Меду было всего малость,
Но зато какая благодать!
Уже чистым стал туес,
А глаза все хотят есть.
Не догадывались оолы,
Что отравлен мед колдуньей.
Заблестели дико взоры,
Становились все безумней.

Задирать друг друга Теши
Дерзкими речами стали.
И обидные насмешки
Будто сами вылетали.
Нежеланно, против воли
Увязали в глупом споре.
Вот уж в ход они пустили
И тычки. Как будто в силе
Истину найдут они.
Стали альпы бороться.
Жилы их напряжены.
Пот тремя ручьями льется.

Тегри-Теши за оплечье
Ухватил своего друга.
Разорвалися колечки -
Лопнула на нем кольчуга.
И тогда схватил Таш-Теши
Цепко, сильно Тегри-Теши.
И его кольчуга, лопнув,
Расползлась по плечам потным.
Долго альпы боролись,
Разметав ногами камни.
Дробно валуны кололись,

Рассыпались песками.
Падали, скрипя, деревья
От шального камнепада.
Разбегались в страхе звери
Прочь от бешеного града.
А альпы горячились,
Меж собою всерьез бились.
Разгорались жарче страсти.
(Не уйти им от напасти!)
Вся окрестная тайга
Полею битвы для них стала.
Жмутся речки в берега,
В ужасе немеют скалы.

Кто ж альпов остановит
И удержит от напасти?
Кто им может слово молвить,
Чтоб угасли мигом страсти?
Все ж была такая сила -
Семь сестер, красавиц милых,
Смогут их угомонить.
И красую усмирить.
Но находятся далеко
Девы от тех диких мест.
Только на хвосте сорока
Сможет донести им весть.

Вдалеке от мест обжитых
Женщина в тайге скиталась.
На горах, в лугах обширных
Травосбором занималась.
Лишь восток зарей забрезжит,
Уходила в горы *Тейшер*.
(Так ее в народе звали).
Для нее таежны дали
Были будто родной юртой.
Устали она не знала.
Словно белка была юркой.

Козочкой в горах скакала.
Тейшер была очень зоркой -
Ночью видела она
В ветках каждую иголку,
Будь то кедр или сосна.
Силу травок Тейшер знала,
И не раз кижы спасала
От недугов, хворей разных,
От болезней всех заразных.
Чем могла, тем помогала
Шорцам добрая старуха,
Но бедою ее стала
Глухота на оба уха.

Как всегда она бродила
Средь высоких елей, кедров.
Вдруг неведомая сила
Затрясла земные недра.
Гора словно заплясала
Под ногами, где стояла
Тейшер, травница глухая,
Видит: мчится птичья стая.
В беспорядке летят птицы.
Ведь такого не бывало -
Рядом с ястребом синицы,
Рябчики, тетерки - валом.

Легким ветром мчались козы,
Гор едва-едва касались.
Вслед за ними апшак грозный.
Рядом с ним архары мчались.
И проворная старуха,
Что туга была на ухо,
Взобралась на верх таскыла,
И, разинув рот, застыла.
Видит Тейшер: два альпа,
Упершись ногами в склоны,
С двух сторон к скале прилипли
И руками ее клонят.

Поняла - альпы в ссоре,
И хотят они друг друга

Той скалой засыпать. «Горе! -
 Вопит травница белугой,
 И кричит алыпам Тейшер, -
 Стойте, юноши, зачем же...»
 Но слова ее тонули
 В каменном громовом гуле.
 Скала медленно поплыла,
 Рассыпаясь на глыбы,
 И обломками прикрыла
 Одного из тех алыпов.

Руки заломив, рыдала
 Тейшер, добрая старушка.
 На таскыл она упала
 И прижалась как к подушке.
 «Пай! Настигнет теперь горе
 Наш народ печальный, горный.
 Снова злые чабалтеи
 Наших шорцев одолеют.
 О, Таг-Эзи, справедливый!
 Ты всегда был к шорцам добрый!
 Усмири скорей строптивых,
 О, услышь меня, Дух Горный!»

Хоть в народе говорится:
 Как на каменную гору
 Могут люди положиться
 На Таг-Эзи. Но в ту пору
 Он в чужих краях скитался,
 С Духом гор Саян братался,
 Слышать Тейшер он не мог.
 Услышав всегда б помог.
 Но на ту беду случился
 Суг-Эзи, Водяной бог.
 (На алыпов еще злился.
 Что устроили порог).

Он, Суг-Эзи, туда мчится,
 Где появится вода -
 По щекам Тейшер струится
 Чистых, добрых слез река:
 Сам Суг-Эзи был строптивым,

Но отходчивым, слезливым.
 Ласковым он был и добрым,
 Кижки помогал он горным.
 Продолжая плакать, Тейшер
 Рассказала все Суг-Эзи.
 И помочь Водяной Тейшер
 Согласился, водой грезя.

Обратил потоком горным
 Слезы Тейшер Суг-Эзи.
 На него она проворно
 Взобралась, помчалась вниз,
 Прочь с высокого таскыла.
 И при этом голосила
 С тем, чтобы привлечь к себе
 Всех блуждающих в тайге.
 Голосу ее внимали
 Встретившиеся анчи.
 Ей в ответ они кивали,
 Покидая кедрачи.

Плакальщица дальше мчалась,
 На потоке верхом сидя.
 Голосить не унималась,
 Встречных шорцев чуть завидя.
 Вскоре он ее домчал
 В небольшой шорский аал.
 Людям новость рассказала,
 А сама горько рыдала.
 И никто из шорцев местных
 Не мог Тейшер успокоить.
 И она с потоком вместе
 Сделалась навек рекою.

Тейшер - Суг теперь зовется
 Громкогласая река,
 И с тех пор в горах тех вьется,
 Быстроструйна и легка.
 Шор-кижи, что здесь блуждают,
 Звоном струй предупреждает
 Об опасности серьезной,
 Что таится в горах грозных.

Так вот травница глухая
Смогла всех предупредить,
Что грозит беда большая -
Ее можно отворотить.

С быстротой хакаса - ветра
Весть промчалась по улусам,
Приводя шор-кижи в трепет,
Словно струны *кай-комуса*.
Донеслись слухи эти
И до юрт в ковыльной степи,
В белый шелковый шатер,
Там, где жили семь сестер.
Не сговариваясь, девы
Сразу в путь засобирались.
В убежденья людей веря,
Кыз надеждой возгорались.

Провожать красавиц вышел
Весь улус рыжеволосых.
Затаенный шепот слыша,
Девушки пошли к утесам.
«Будьте духом богатырши, -
Говорит вслед *Алтын-Нинжи*,
Пряча слезы в рукава.
Плачет мать - она права -
- Семь алмазов звездных пусть
С поднебесья черной ночью
Вам укажут верный путь,
Там, Где север полуночный.

Лента голубой Тоом
Будет спутницей в дороге.
Вера будет в деле том
Посохом в руках. Тревоги
Пусть трепещут в душах ваших
До тех пор, пока отважных
Вы алыпов не найдете.
Так себя и всех спасете» -
Молвит, плача *Алтын-Нинжи*.
Ведь в народе твердят так:
«Кто себе друзей не ищет,
Самому себе тот враг!»

Подошли девы к таскылам,
Сплошь кустарником поросшим.
На прощанье их порывом
Свежий ветер припорошил.
Взобрались они по склонам,
Крытым куржаком зеленым,
На один из тех таскылов.
Сердца девушек заныли.
С высоты таскыла кыз
Степь родную оглядели.
Они взором рвались вниз,
Где шатры вдали белели.

На полет стрелы от дома
Кыз-красавицы лишь были.
И тоскою незнакомой
Их сердца в груди заныли.
Чувства с разумом боролись,
Жгла и грызла души совесть.
Молчаливою гурьбой
Девы скрылись за горой.
Их пленительные взоры
Были вдаль устремлены,
Где в тайге толпились горы,
Неизвестности полны.

Вышли к логу за горою,
Где петляя среди скал
Серебристою волною,
Голубой поток блистал.
Ласково переливаясь,
Чистоструйно улыбаясь,
«Эзенок-тар», - он сказал
И в долину приглашал.
Подошли к потоку девы,
С нежностью к нему нагнулись,
Налитой брусники спелой
Губы их воды коснулись.

Так впервые повстречали
 Кыз красавицу Тоом.
 Судьбу сестры ее знали
 От кайчи в краю родном.
 И, испив воды хрустальной,
 Сестры, словно дань отдали
 Подвигу любви земной
 Кыз, что сделалась рекой.
 И передохнув чуть-чуть,
 Девы берегом на скальном
 Дальше продолжали путь
 В край таежный и печальный.

Шли красавицы в тревоге
 По долинам и урманам.
 Шли, не выбирая дороги,
 Дни и ночи неустанно.
 Комары им досаждали.
Пауты в кровь искушали.
 Платья изорвались в клочья.
 Ссадины болели очень.
 Но отважные сестрицы.
 Шли без отдыха, спешили.
 Вот уж пятая граница
 Тут недавно Теши были.

Из засад коварно звери
 На красавиц нападали.
 В свои силы твердо веря,
 Девы им отпор давали.
 Вот прошли улус большой,
 Что ютился над рекой.
 Шорцы путь им указали;
 Чтоб спешили наказали.
 Вскоре девы очутились
 На высоком косогоре.
 Под ним волны в берег бились -
 Тоом разлилась, словно море.

Обойдя косогор с тыла.
 Повернули на восток.
 Шли ложиной вдоль таскылов -

Путь их был еще далек.
 Младшая сестра отстала
 (Очень девушка устала).
 Вот она остановилась,
 К сестрам старшим обратилась:
 «Стойте!» - крикнула им кыз.
 В тот же миг она сомлела,
 Медленно сползая вниз,
 Оседая, каменела.

Но в тревоге бесконечной
 Сестры шли, прибавив шаг.
 Младшая же кыз навечно
 Превратилась в *Одур-Таг*.
 Та гора стоит и ныне,
 Препраждая путь, в долине.
 Привлекает своим видом -
 Треугольной пирамидой.
 Спихватившись, оглянулась
 Старшая сестра - погодка.
 Взглядом лишь горы коснулась
 И расплакалась горько.

Услыхали ее девы,
 Кучкой сгрудились, столпились.
 Шесть красавиц, сестер верных,
 В плаче горестном забились.
 Ручьи льются по ланитам.
 От горячих слез пролитых
 Земля быстро набухла
 И болотной жижей стала.
 Слезы девушек прекрасных
 Затопили той водою -
 Вся долина в кочках разных
 Тундрой стала под горою.

Но громовый звук раскатный
 Вывел дев тех из забвенья.
 Эхо мощно, троекратно,
 Прокатилось в отдаленьи.
 И, как птицы, встрепенулись
 Девушки. Переглянулись.

И, простившись с сестрой младшей,
Двинулись на звук угасший.
Взоры девушек в тревоге,
Лица их напряжены.
И, не разобрав дороги,
Бегут кыз, забот полны.

А алыпс, став безумны,
Ссорились между собой.
Ясным днем и ночью лунной
Побратимы ведут бой.
Уж неделю битва длится.
Пот ручьями с них струится,
Потемнели уж их лица.
Но никак остановится
Околдованные оолы
Все не могут, нет, не могут.
Вся тайга и сини горы
Давно ждут сестер в подмогу.

Горы стонут в этом месте,
Тайга сильно поредела.
Разбежался в мелколесье
Зверь. И птица улетела.
Кругом каменные глыбы
Разбросали те алыпс.
У подножий гор таежных
Вмятин много всевозможных.
Вот опять, как будто громом
Вдруг разбило тишину.
Таш-Теши утес огромный
На Тегри перевернул.

Увернулся Тегри-Теши,
Как архар он отскочил.
Изловчившись, он Таш-Теши
Крепко за руку схватил.
И швырнул его в утес -
Брат ступнями в камень врос.

Выбрался Таш-Теши еле,
С корнем выворотил ель он.
Замахнулся - и с размаху
Саданул он Тегри-Теши.
Тот успел лишь только ахнуть -
Щепки стонут, разлетевши.

Отбегая, алыпс с кожи
Щепки на ходу стряхнул.
Вынул быстро все занозы
И валун в брата метнул.
Таш-Тешг быстро пригнулся -
И валун переметнулся.
Пролетая перевал,
Он в тайге где-то упал.
Таш-Теши расхохотался
Смехом громким и обидным.
Как к нему Тегри пробрался
Таш-Теши того не видел.

Мигом алыпс оказался
В оберемке Тегри-Теши.
Лишь ногами он брыкался,
Но зажат был словно в клещи.

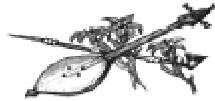
Тегри снес его к ущелью
И по пояс вогнал в землю...
...Как тому не было трудно,
Все ж он выбрался оттуда,
А беспечный Тегри-Теши
Этого не ожидал.
В замешательстве опешил,
Когда брат пред ним предстал.

Этого то и хватило
(Таш-Теши был разъярен)
И вогнал с огромной силой
Брата в землю. Тот вошел
И увяз в скале по грудь,
Что не охнуть, не вздохнуть.
Был пленен Тегри скалою,
Становился он горою.
Вот он к небу потянулся;
Вот расправил плечи шире;
Чуть вперед Тегри нагнулся,
И вздохнул... Глаза закрылись.

Возвышаясь над горами.
Он уперся в поднебесье,
Где шальными голосами
Распевают ветры песни.
С ними бы он тоже спел,
Но, к несчастью, онемел.
Полетел бы, словно ветер.
Но недвижимым стал навеки.
И стоит сейчас утесом
Величавым, неприступным.
Облака вершиной острой
Пробует теперь на зуб он.

Таш-Теши, себе не веря,
Что Тегри окаменел,
На утес полез проверить
И, сорвавшись, вниз слетел.
Глыбой каменною стал он,
Таш-Теши, безумный алып.
И теперь лежит скалою

Под огромною горою
В каменелой руке брата.
Так шор-кижи потеряли
Тех алыпов безвозвратно,
Что навек горами стали.

Девы были на подходе
К тем местам, где битва шла.
Там беда бездумно бродит
И в алыпов уж вошла.
Мимо дев, довольно близко,
Камень пролетел со свистом.
Не принес он им вреда -
Облетела их беда.
С трудом девы пробирались
По курумникам гранитным.
Вон алыпы показались
На смертельном поле битвы.

На глазах у кыз алыпы
В схватке роковой погибли.
Не смогли остановить их.
(С опозданием достигли
К ним призывы кыз несчастных,
Девушек, как день прекрасных).
Потемнело будто небо,
Будто бы закрыла девам
Туча солнца круглый диск -
Так в глазах их потемнело...
Заунывный ветра свист
Жалобно над ними веял...

Молодые девы в горе
По тайге брели, шатались.
Всхлипы их тонули в стене,
В слезах камни умывались.
Горько плачут, безутешно
Над алыпом Тенгри-Теши,

Над оолом Таш-Теши -
Стоны рвутся из души.
В скорби расплетали косы
Каз, склоняясь до земли,
И волной черноволосой
Распадалися они.

В плаче горьком, безутешном
Трое суток пролетело.
Панцирем окаменевшим
Покрываются стали девы.
Волосы, что смолю были
Стати пепельно-седыми.
А ручки из слез печальных,
Чистых, с голосом хрустальным,
Стали многих рек началом.
Стоят Вечные невесты,
Женихов своих встречая,
Братьев, Зубьев Поднебесных.

Верхним Зубом Тегри-Теши
Над тайгой родной вознесся.
Великаном Поднебесным
В Горной Шории зовется.
На его главу с востока
Путник заберется только.
Дальше гребня не пройдет -
С чем пришел, с тем и уйдет.
А Таш-Теши Зубом Нижним
В тех местах тепер зовется.
Был к Тегри он самым ближним,
С братом он не расстается.

Старшая из кыз-красавиц
В таскыл с горя превратилась.
Большим Зубом называясь,
Белой шапкою накрылась.
Шапка, словно бы, расшита.
Жемчугами и покрыта
Позументом золотистым
И краплением аметиста.
Ночью позументы эти

Месяц ясный отражают.
Днем, когда светило светит,
Золотом в руках сверкают.

Младшие ее сестрицы,
Смелые, лихие девы,
Возвышаясь на границах
В ожерелье снегов белых.
Среди гор и скал стояли
В синей грусти и печали.
Волосы их разметались
И с тайгой перемешались.
С каждой кыз, ставшей утесом,
Ручейки из слез стекали,
Шорию многоголосой
Сарынами оглашали.

В тех местах *кайчи* бродили
Слушая ручьев напевы.
Чутким ухом уловили
То, что им шептали девы.
Птицы им нашебетали
Все, что видели-слыхали.
Рассказал скиталец-ветер
Все, что знал и что приметил.
Только лишь *кайчи* доступен
Их загадочный язык.
Слышать слово в каждом звуке
Кайчи от роду привык.

Часто ходят по отрогам
Тех таскылов знаменитых
Все *кайчи*, но тем дорогам
Тех альпов именитых.
Видя, все запоминают,
Слушая, запечатляют.
На *кай-комусе* играя
Излагают в песнях *каи*.

Вот, взобравшись на зуб Верхний
Распеваает кайчи песню.
До рассвета льется сверху
Кай гортанный и чудесный.

Первыми рассвет встречают
Зубья в выси поднебесной.
Ледники на них сверкают,
Отражая свет небесный.
Вниз туманы уползают
И в ущельях диких тают.
Оседают легкой дымкой,
Превращаясь в невидимки.
На хвое тайги пушистой
Ночь стремительно светлеет -
Неба край уж золотистый,
А тайга, будто, седеет.

Солнце уж лучами брызжет.
Искрами в снегах играя.
Птицы снова Песней жизни
Новый день в тайге встречают.
И тогда тайга сверкает,
Серебристая, седая -
То блестят девичьи косы,
Ставшие седоволосы.
А могучий Тегри-Теши
И Таш-Теши молодой
Под лучами солнца свежей
Умываются росой.

А кайчи в руках с комусом,
Сойдя с тех Великих гор,
Поет кай по улусам
С давних дней и до сих пор.

*1964-1969
г.Междуреченск*

РЕКА БОГИНИ МАЙ (МАЙЗАС)

кай

шаманское предание (экзо- и эзотерическое)

Сказание “Река богини Май” или “Майзас”.

Сказание имеет признаки многих типов классификации (историзм заключается в описании времен Великой Засухи и т.п.; имеются сказочные, фантастические сюжеты и много чисто шаманских описаний методов (секретов) и обрядов). Миф о богине Май является главным, доминирующим, он напрямую связан с топонимикой. Очевидна связь с топонимикой в описании горы Катун (Кадын), двух вершин гор, с которых берут начало два потока - Большой и Малый Майзасы. Сказание записано В.Коллюпановым на реке Майзас от шаманки. Она назвалась Ай Чайзан. Ай-Чайзан - очень грамотная женщина лет 58-ми - привезла из Аскизского района трех молодых женщин на лечение от бесплодия на священную реку Майзас. Лечение представляло целый комплекс природных средств и “шаманотерапию”. Многие шорцы из Междуреченского района и Мысков тайно возят на лечение жен и детей до сих пор. Концлагеря и теперешние поселения для преступников создавали препятствия для открытого паломничества страждущих на Майзас. Еще и это заставляло не раскрывать тайну поверия. Думается, что это наипрочайший пример стойкой жизненности мифа, вошедшего в современную действительность. Таким образом, “Майзас” вполне можно переводить как “Река богини Май” или “Молоко богини”.

Песнь 1

То была пора на свете,
 Когда люди перестали
 Древним следовать Заветам,
 Когда часто нарушали
 Все Законы и Запреты,
 Данные Богами предкам;

Когда ставить себя стали
 Дерзостно с Богами вровень;
 Когда браки заключали,
 Будучи родней по крови;
 Когда стали неприветны
 К мудрецам и их советам.

Отвернулись тогда Боги
 От людей, давая время
 Всем безумным и убогим
 Скинуть пригрешений бремя,
 В своем жизненном укладе
 Соблюдать во всем Порядок.

Но не вняли упованиям
 Мудрых, знающих шаманов
 Люди на Больших *камланиях* -
 Шли Путем бездумных ханов,
 В чьи тела вселились *айны*
 По велению *Эрлик-Кана*.

С новой силою у многих
 Прорастали жадность, зависть.
 Злоба дикая в народе
 Вновь пожаром разгоралась.
 Силой шли на брата брат
 Жен, богатство отбирать.

Но никто из них могучим
 И богатым стать не смог:
 Уходили стада - тучи,
 Словно бы вода в песок,
 В руки чужих ханов, *бегов*,
 Совершающих набеги.

Пришла в быстрое движение
 Степь Великая тогда.
 Для *чьиштанастар* спасеньем
 Стала милая Тайга.
 Уходили в чернь глухую,
 Прятались от *Куюн-Хунну*.

С этих пор Богов проклятье
 Над народами нависло.
 С этих пор исчезло, братья,
 Радужное Коромысло.
Каан-Тегри в пыли и гнев
 Иссужал Степь Суховею.

Спрятались под землю реки,
 Бороздившие простор,
 И закрылись навеки
 Синие глаза озер.
 Шерсть степного покрывала,
 Как у верблюдицы стала.

Чаще стали проноситься
 По Степи Великой смерчи.
 Над Тайгой стали клубиться
 Злые Вихри, неся смерти;
 И она от горя стала
 Клочковатою и старой.

Теперь кровью орошались
 Наши горы, наши степи.
 Теперь юрты наполнялись
 Горем горьким, скорбью терпкой.
 Оглашали доли, сопки
 Песни-плачи по уопшшим.

Белоснежные *таскылы*
 В тихом плаче исходились.
 Но печальные долины
 Не блестели, не искрились,
 Потому что слезы эти
 Иссужал коварный ветер...

Песнь 2

Вот такую песню нам,
Кай - шаманское преданье,
Пел Великий Мудрый *Кам*
На Большом *Тайи* - *камланье*.
Камом был и его дед
В пору зачинанья бед.

После всех Больших камланий
Благодать к нам не приходила.
Вопреки всем ожиданиям,
Солнце яростно светило.
И опять в Голодной Степи
Гулял злобный, знойный ветер.

На Тайгу Степь наступала.
И по всей таежной кромке
Брели тощие отары,
Поедали тальник тонкий,
Обглодали все кусты,
Лапник ели и пихты.

В горах реки высыхали,
Осыпались кедры, ели;
Звери мерли - погибали
И пернатые не пели.
Лишь местами кое-где
Жизнь бродила по тайге.

Вновь на нашу землю мчались
Вихри черною бедой.
Вновь альпы наши дрались
С ненасытной ордой.
Но опять благие Боги
Не давали нам подмоги.

Издавна Владыко - Солнце
Почитаемо в народе.
Поклонялись ему шорцы.
Но теперь Оно приводит
К гибели сынов несчастных,
В грехах тягостных погрязших.

Люди знали Силу Солнца
И Огня - его посланца.
Оттого сжигали шорцы
На кострах забитых агнцев.
Кости-прах хранили год.
Обряд этот чтит народ.

В пламени костра, считалось,
Гибли все грехи людские.
От-Ээзи же почитался
Очищающей стихией.
И скакали, словно лани,
Люди сквозь святое пламя.

Так прошли сквозь войны, мор
Поколения четыре.
Из *кыргызов*, *асов*, *шор*
Только лучшие дожили -
Те, кто все сумел понять,
Стал Законы соблюдать.

Песнь 3

Медленно и невозвратно
Утекают к морю воды.
И не повернуть обратно
В Вечность канувшие годы,
Также, как ушли навечно
Жизни праведных и грешных.

Кто ушедших вспомнит лица?
Зримость редко в веках бродит.
И лишь может повториться
Кай-предание в народе.
Уж никто не помнит лика
Старца мудрого *Кюлюка*.

Он народа был Учитель,
Обладал Тайнами Знания;
Он был Мудрости хранитель,
Знал секреты Мироздания;
Посвященье прошел рано,
Став Всевидящим Шаманом.

Жил Кюлюк в своей пещере
В одиночестве могучем.
Шестьдесят дорог отмерив,
Рассуждать о жизни сущей
Старец в горы удалялся,
Где с Природою сливался.

Он давно себе ответил,
Проходя сквозь вихри, годы:
“Миром правит Добродетель
И Могущество Природы.
А когда же Злоба бродит,
К хаосу весь мир приходит”.

Мудрецы, ведь, бескорыстны,
И живут лишь Для народа.
Оттого их души чисты,
Как нагорных ручьев воды;
Оттого их мысли светлы
И глаза лучатся светом.

Знаменитый кам к тому же
Был еще певцом народным.
С луком, бубном и *комусом*
Он решил по тропам горным
Вновь идти в месяц Запаса
К *шор-кижи*, таежным асам.

Не боясь ветров и стужи,
Кюлюк-кам шел по *аалам*.
Знал *кайчи*: он людям нужен,
В них надежду поселял он;
И мог мудрый дать совет,
Как избежать многих бед.

Так, бредя по всем аалам,
Обошел он всю тайгу,
Созывая лучших камов
На Большую *Тайелгу*.
И туда должны собраться
От сеоков всех посланцы.

Сам пошел с учениками
Ко святой горе *Кадын*.
Молодых внизу оставив,
Взобрался наверх один.
Семь ночей и дней поститься
Должны все у ног Царицы.

Песнь 4

Вот уже прошла неделя
Их священного поста,
Их раздумий, размышлений...
И тогда Кюлюк позвал
Всех подняться вверх с низин
К Древу Жизни - *Пай-Казын*.

“Пай-Казын давно уснула, -
Говорили наши предки, -
Уж давно не слышно гула
Пчел и щебета на ветках.
Лишь ревелись злые ветры
В крепких оголенных ветвах.

А сейчас Пай-Казын дремлет.
Слышите, что шепчут ветви -
Скоро грядет Возрождение -
Это видно по приметам.
Видите: сверкают слезы
На лице Святой Березы”.

И умолкнув, мудрый Кам
Вглядывался прямо в лица.
И сказал ученикам:
“Нам придется потрудиться
Вырвать Пай-Казын от сна -
И тогда придет весна.

Тогда с камами, быть может,
Мы свершим поход в Обитель
(В этом Пай-Казын поможет).
Тогда главный Небожитель,
Ульген, Добрый и Великий,
Повернется к людям ликом.

Я вчера полет свершил
В Нижний Мир - Обитель Мрака.
Эрлик-Кана сговорил,
Жертвуя туюс *араки*,
Чтоб *Суг-Ээзи* согнал воды
К Кадын-таг в святые своды”.

И Мудрец распорядился
Собрать по склонам снег.
Этот скудный снег топился
Над кострищем в *казане*.
Так они добыли воду
У скупой тогда Природы.

Целый день Шаман и *оолы*
Кадын-таг мели *сыйбашем*.
И Священной горы склоны,
Словно бархат, стали краше.
И водою до заката
Семь наполнили *куспаков*.

Только лишь из темной дали
Серпик-месяц встал туманный,
И на черном покрывале
Хороводом звездным, странным
Ночь узоры выводила,
К небу ярко пламя взмыло.

То пылал Огонь Желанья
Жизни камского костра
Перед Древом Мирозданья -
Пай-Казын он пробуждал!
Мудрость с Молодостью вровень
Гнала в жилах соки крови.

“Дух Великий Земли-и-Воды!
Корни Жизни скорей пробуди.
Дух Великий *Чер-Суг-алты!*
Корни Жизни пои и корми.
Дух Великий *Чер-Суг-юсту!*
Прими влагу в свою борозду”.

Кам-Кюлюк пел эту песню,
Песнь-призыв и Песню Силы.
И с помощниками вместе
Колом землю бороздил он.
Борозда под этим плугом
Вкруг Березы шла по кругу.

Семь бороздок, семь кругов
Опоясали Березу.
Семь ночей моленье шло,
Усмиряя духов грозных.
Семь куспаков выливалось,
Той воды, что добывалась.

Песнь 5

В день восьмой, уже к полудню,
У Кадын-горы собрались
К тайелге Великой люди,
Ждали, что им скажет Старец.
Рог запел сигнал-призыв,
Всех сзывая к Пай-Казын.

“Аи, народ! Свершилось чудо!
Пай-Казын от сна восстала! -
Пел Шаман, играя в бубен,-
Много лет она дремала.
Вот проснулась, наконец.
Радость шор-кижи сердце!»

К Пай-Казын, Святой Березе,
Аксакалы несли *тосы*:
На ветвях крепились гнезда,
Птичьи чучела, а в косы
С лентами хвосты вплетались -
Лисы, волка, горносталя...

Предводители сеюков
Деревянными ковшами
Брызгать в сторону Востока
Абырткою - медом стали.
Так все стороны кропились -
Абыртка рекою лилась.

“Шог, шог, шог - родные горы,
Птицей-зверем наполняйтесь!
Шог, Шог, шог - реки-озера,
Белой рыбой наполняйтесь!
Шог, шог, шог - *Чер-Суг-Ээзи*,
Благость шорцам принеси!

Шог, шог, шог - *Ак Пай-Казын!*
Заступись за нас, несчастных...
Шог, шог, шог - Богам скажи,
Чтоб послали людям счастье.
О, богиня *Май-эне!*
Не бросай своих детей”!

Аксакал, обряд ведущий,
Паитыки от всех сеоков
Жертвенной, священной гушей
Вкруг Березы белобокой,
Кропя сильно, во всю мощь,
Вызвали обильный дождь.

Мудрый Старец, кам Кюлюк,
На стволе Святой Березы
Укрепил *Великий Лук*
И *Стрелу - Священный Образ*.
Все шаманы, встав по кругу,
Дружно заиграли в бубны.

Рокот бубнов, клич рогов,
Заклинанья пробудили
Изо всех семи кругов
Восходящий Поток Силы.
Пай-Казын зеленой ветви
Закудрявились приветно.

Так обряд - *найрам* Весны -
И шаманское камланье
Придал шорцам больше сил,
Радости и ликования.
И сегодня, как когда-то,
Шло веселье до заката...

Песнь 6

...Зорьки белая полоска
За горами потухала.
Следом золотую россыпь
Ночь по небу разбросала.
А вечерний, поздний ветер
Искры, словно звезды, встретил.

Яркое гудело пламя
И гудел горящий хворост.
У костра сидели камы,
Слушая чуть хриплый голос
Мудрого Кюлюка - Старца,
Кто собрал совет шаманский.
И шаманы так решили:
В странствие всем вместе выйти.
Больше приложить усилий,
Чтоб попасть к Богам в Обитель,
Для шаманов вход которой
Закрывал незримый Полог.

“Чтобы Новое создать,
Надо Ветхое разрушить.
Надлежит вам смерть принять,
Дабы Полог тот нарушить,-
Так сказал мудрейший кам
Семерым ученикам.

Не испытывайте страха
(С вами может все случиться),
Даже если в груды праха
Ваше тело превратится,
Даже если много дней
Будете гореть в огне”.
Юноши сломали стрелы,
К Пай-Казын их возложили,
Заявив тем самым смело,
Что они готовы были
К акту жертвоприношенья
И к обряду Посвященья.

Знак подал Учитель мудрый
- И шаманы, словно лани,
Легко, быстро встав по кругу,
Приготовились к камланию.
А в просветы между ними
Встали юноши нагими.

Кам Кюлюк четыре раза
Трянул звонко тетивой -
И гром бубнов грянул разом
Над священной горой.
Камы Песню Силы пели,
Гибко двигая всем телом.

Кам Кюлюк преобразился,
Будто вовсе не был старым.
В танце он парил, кружился,
Словно птица над горами.
И летя в полете гордом,
Издавал он крики горлом.

Все шаманы в вихре танца
Сделали большую лодку.
И по знаку Кама-старца
Сели враз лицом к Востоку.
На корме один стоял,
В бубен ритмы отбивал.

Вот Мудрец на днище лодки
Уложил учеников.
Сам запрыгнул в нее ловко,
Издав зычно птичий зов.
Левой рукой лук держал,
Правую стрелу сжимал.

Тетива и колокольцы
Задавали нужный ритм,
Чтобы вместе камы-шорцы
Дружно в Мир иной гребли.
Кам Кюлюк руководил
Лучшим приложением сил.

Песнь 7

Лодка быстро шла в Туннеле,
Что внутри кругов открылся,
Мчалась к Месту Посвященья
Многокрылой чудо-птицей.
Вот она и над горою
С черною большой дырою.

Там, внутри, туман клубился
И метались чьи-то тени;
Черный дым чадил и вился;
Над огнем котлы кипели,
Брызгая смолой горючей,
Превращая брызги в тучи.

И тогда Учитель старый
Высадил учеников.
И бесстрашно стали парни
Прыгать в пасти тех котлов.
И в полете оолов рвали
Птицы страшными когтями.

Кам Кюлюк в шаманской лодке
Плыл к корням Святой Березы.
Лодка шла легко и ходко.
Нападенья айнов грозных
Духи-тосы отгоняли.
(Они лодку охраняли).

Тосы мчатся впереди
И хранят покой шаманов,
Сюрюнлеры - позади,
Отбивают вредных айнов.
Духи служат камам верно,
Берегут от зла и скверны.
Проходя по корням древа,
Разгромили айнов племя.
Чтоб войти скорее в чрево,
Камы скоротали Время.
Лодка, попав в быстрый сток,
Неслась точно на Восток.

Путь в конце второго дня
 (А точнее: второй ночи)
 Шел рекою, чья волна
 Бесновалась, что есть мочи
 На коварных перекатах
 И порогах злых, зубатых.

Словно щепку, челн носил
 Поток бешеный и шальный.
 Выбивались уж из сил
 Смелые гребцы-шаманы.
 Вот, потряхивая лук,
 Песнь запел шаман Кюлюк.

Песня Силы шамана

О, мой волшебный, гнутый лук,
 Что стянут тетивой!
 О, мой надежный, старый друг,
 Что я держу рукой!
 Зачем в руке моей дрожишь
 И стонешь тетивой?
 Ведь ты со мной сейчас летишь
 Над бешеной волной.
 Ужель забыл, что птица ты -
 Не пена, не волна;
 Что полудужия твои -
 Крутые два крыла.
 Твой плотный, мускулистый торс,
 Как крепкая стрела.

Твой крепкий и подвижный хвост,
 Словно крыло орла.
 Мы - одно целое с тобой,
 Скорей войди в меня!
 Мы понесемся над водой,
 Стремглав, как молния!
 Шаманов лодка - твоё тело,
 А весла - два крыла.
 Неси меня, легко и смело,
 В Обитель вдоль ствола.
 Лети, серебряная птица,

Сквозь сумерки и мглу
 Туда, где Разум не мутится,
 К Священному Шатру.
 Лети, лети вперед мой Сокол,
 Стремительный, бесстрашный, зоркий

Эту песню - Песню Силы -
 Мудрого Большого Кама
 Тут же с жаром подхватили
 Дружные гребцы-шаманы.
 И быстрее ветра лодка
 Вверх помчалась, словно Сокол.

И шаманам чудо-Песнь
 В их полете помогла
 В третий день достичь Небес,
 Сводов Белого Шатра.
 Май-эне Жару смирила
 И в Шатер их пригласила.

Но Великая Богиня
 Не открыла людям Лица,
 И за занавесом синим
 Старца слушала, Кюлюка.
 В Песне высказал он Ей
 Все о бедствиях людей.

И тогда Богиня-Мать
 Согласилась непременно
 Помощь людям оказать
 И уговорить Ульгеня
 И отца, *Каан-Тегри*,
 Снять проклятие с Земли.

Покидали Шатер Белый
 Камы с радостью на лицах.
 Благодарный Гимн пропели
 Май-эне, Богам Великим.
 И под сенью Верхних куш
 Собрались в обратный путь.

Вот шаманы пятым днем
 Повернули свое судно,

Тем же следуя Путем,
Что опасным был и трудным.
Вновь в пути служили верно
Духи: тосы, сюрюнлеры.

Наконец-то, в день шестой
Лодка встала на причале
У горы с черной дырой.
Здесь шаманов ожидали
Семь учеников Кюлюка.
Свет струился от их ликов!

Пройдя Смерть, барьеры страха,
Они кучкой пепла были.
Из смолы и горсти праха
Они вновь себя слепили.
Этим самым и познали
Тайные крупницы Знаний.

Все запели Песню Силы
В честь собратьев Просветленных.
Старец знаком пригласил их
На места в шаманском челне.
И уже на седьмом дне
Всплыли на Кадын-горе.

Песнь 8

У ствола Святой Березы
Двигались шаманы в танце.
Словно краснотала лозы
Изгибались новобранцы.
Юноши теперь равны -
Стали камами они.

Их поломанные стрелы -
Символ прежней, старой Жизни-
В жертвенном костре горели,
С дымом уносились в выси,
Искрами витали в небе,
Превращаясь в серый пепел.

Камы юношам вручили
Новые прямые стрелы

С оперением орлиным
И упругим тонким телом.
А Учитель-кам вручил
Всем шаманские мечи.

“Помни, новый посвященный:
Мысль на острие стрелы
Превратиться должна в слово,
Только побывав внутри.
Стрелы острые пускай
Только через чрево Май!

Надо - будь тише воды,
Растворись в лежащем камне.
Надо - будь ниже травы
Иль в горах костром сигнальным.
Знания добывать умеи.
Будь опорой для людей”! -

Вот такой наказ давал
Мудрый Старец Посвященным.
Следом рог запел сигнал
К сбору Тайелги нагорной.
И пришел в движенье лагерь
У подножья Кадын-тага.

Змейкой медленно тянулись
Снова люди к Пай-Казын.
Спины их от ноши гнулись -
Ни один не шел пустым.
Молодые камы лихо
На горбу несли *изыхов*.

Шесть барашков масти белой
И один черноголовый
Должны жертвой стать
священной,
Как игренево-багровый
Конь, семи годов от роду,
Что ведут Богам в угоду.

На лугу, вдоль кромки леса,
Стан паломников возник.

И указывал всем место
Аксакал, седой старик.
С паштыками он готовил
Провиант, питье для *тоя*.

Вновь призыв рога запели
Зычно над Кадын-горой.
Дружно бубны загремели
Над Священной Тайелгой.
Подхватило гром и рев
Пламя жертвенных костров.

И под музыку шальную
Вверх, треща, несутся искры.
К главному костру, танцую,
Все шаманы скопом вышли.
Вышел на Начальный танец
И Учитель - Мудрый Старец.

Кюлюк звонкой тетивой
Прозвенел четыре раза -
И костры над Тайелгой
Ярко вспыхнули все разом.
Это жадный *От-Ээзи*
Первым жертву запросил.

В пламени Огня горели
Арака, *кумыс*, *айран*,
Талкан с медом, лапки ели,
Богородская трава,
Та, что гонит айнов вредных,
Очищает всех от скверны.

Чтоб задобрить Духа злого,
Усмирить Огонь верглявый,
В ход пошли масло коровы
И курдюк овечки сальной.
Дух Огня сразу смирился -
Ярко, ровно засветился.

Пламя жертвенных костров
Вызвало Потоки Силы,

Чтоб они в Небесный кров
Души жертв переносили.
(В это время вход открытый
Покаянью и молитвам).

Семеро шаманов юных
По веленью Кюлюк-кама
Под уздцы *Кызыл-Куюна*
Ввели с песней на Поляну.
Конь, потряхивая гривой,
Шел, танцуя чуть игриво.

Он, изящно шею выгнув,
Гибкой тетиве подобный,
Шел на свой последний выгул
С перебором копыт дробным.
Лишь глаза сверкали дико
У священного изыха.

Красотой и диким нравом
Конь соперничал с огнем,
Но не наносил потраву,
Хоть был Огненным конем;
Был, как ветер, непослушен,
Но имел белую душу.

Жертвенным конем священным
Он был выращен с рожденья.
Конь считался совершенным,
Белым олицетвореньем.
Лишь такие жертвы могут
Принимать благие Боги.

Песнь 9

Когда все было готово
К древнему, как мир, обряду,
На Поляну вышел снова
Кам-Кюлюк в другом наряде -
В колпаке берестяном
И с серебряным лучком.

Конь-изых Кызыл-Куюн
С перевитыми ногами

Стоял мордою к огню,
Стриг встревоженно ушами.
В глазах пламя заплясало,
Тело трепетно дрожало.

“О, Тегри! Святое Небо!
Ты для всех единый кров, -
Пел, курлыкая, как лебедь,
Кам-Кюлюк под гул костров.
- Возьми дар в свою Обитель,
Всеумудрейший Повелитель!”

Молнией стрела сверкнула.
Люди не успели ахнуть,
Как она в коня воткнулась
И сразила его махом.
А невидимая сила
Коня навзничь повалила.

Кровь священная из раны
Брызнула струей горячей.
Жертвенный поток багряный
Наполнял золотые чаши.
Душа вверх с Потоком Силы,
Отделившись, уносилась.

Флейты своей нежной песней
Путь навстречу сопровождали.
И торжественно, чудесно
Бубны гулко рокотали.
Пел Кюлюк - и вслед за ним
Звучал Вечной Жизни гимн.

Кам-Кюлюк и все шаманы
На семь ярусов Небес
Богам жертвы посылали
И молитву, просьбу-песнь,
Подходя поочередно
К жертвам, Божествам угодным.

Семь барашков - кураганов
В чистоте непомятой

Пали под рукой шаманов
От стрелы посеребренной.
(С главой черной курагана
Посвятили Эрлик-Кану).

Мощною шаманской пляской
Продолжается камланье.
Жертвенных животных мясо
Пожирает костров пламя.
Главы закланных ягнят
На гранитах возлежат.

Кровь восьми белых изыхов
В чашах кам Кюлюк смешал.
В сторону Востока брызгал -
Обряд древний совершал.
Каждому кизи в межбровье
Ставил мету свежей кровью.

В то же время на Поляне
Представители сеоков
С песней щедро выстилали
Молодой травой-осокой
Место Главной Тайелги,
Там, где конь-изых забит.

А народные умельцы
Чучело коня набили
И на этом святом месте
В торжестве установили,
Не сломав осанки гордой,
Повернув к Востоку мордой.

Шерсть изыха огнем блещет;
В зубах ветка зеленая;
Грива черной волной плещет,
Вьется хвост, с ветром играя.
Кажется: коня вот-вот
Вихрем к Солнцу понесет.

Зари тонкая полоска
На Востоке заалела.

Покрывала край отбросив,
 Ночь испуганно бледнела.
 На последнее камланье
 Ввели девять *пустых ланей*.

На подобные камланья
 Женщин камы не пускали.
 Мудрый же из всех шаманов,
 Сокрыв лица сенью шалей,
 Взять бездетных повелел
 Для свершенья добрых дел.

Вновь зарокотали бубны,
 Флейты жалобно запели.
 А костров багряных угли
 Тоже, словно ночь, бледнели.
 Закурилась на кострах
 Богородская трава.

За руки поочередно
 Проводили жен сквозь дым,
 Бережно и благородно
 Подводили к Пай-Казын.
 Но под сенью белых шалей
 Женщины, как лист дрожали.

Вот, соперничая с флейтой,
 Кам Кюлюк дискантом звонким
 Затянул - и песня лентой
 Потянулась к ветвям тонким,
 Обвивая стан Березы,
 На которой блестят слезы.

Песнь Кюлюка подхватили
 Женщины, идя по кругу.
 Словно лебеди, поплыли
 Они плавно друг за другом,
 Скрыв под белым покрывалом
 Стрелы в танце ритуальном.

Молитва - просьба

“О, Великая Богиня!
 Матерь среди матерей,
 Скинь свой полог темно-синий,
 Вспомни про своих детей!
 Гнезда Древа Пай-Казын
 Снова птицей засели.

Чтоб апшак не жил один,
 Май, зародыш подари!
 Увеличь стада зверей,
 Стаи птиц в тайгу пошли!
 Матерь наших матерей,
 Всех на жизнь благослови!
 Чрева жен моих бесплодных,
 Май-эне, благослови!
 Материнством жен бесплодных,
 Мать-Богиня, одари!
 В белой щедрости своей,
 О, Великая Богиня,
 Никогда не оскудей.
 Май! Зародыши пошли мне”...

Женщины в священном танце
 Со стрелой акт вершили.
 И хотя в своем убранстве
 Лики ото всех сокрыли,
 Мечутся по кругу смело,
 Крепко держат в руках *стрелы*.

Май-эне пустила стрелы
 Своего благословенья.
 В тот момент земные девы
 Пели песню вдохновенно,
 В ритме благостного танца
Встретить жаждали посланца.

* * *

Завершилось то камланье
 Всенародным щедрым тоем.

И лишь мудрые шаманы
Отказались от застолья.
Предстояло им встречать
Май-эне, Богиню-Мать.

Песнь 10

Долгожданная Богиня
На *Подлунную* спускалась.
Покрывалом темно-синим
От людских глаз укрывалась.
И увидеть ее Лик
Могли камы и Кюлюк.

Май-эне с Небес спускалась
Медленно и величаво.
Предстоящим улыбалась,
Стоя в облаке курчавом,
Белом, легком и воздушном,
Словно пух лебяжий, пышном.

Вида лик степей унылых,
Рек, тоскующих, безводных,
Гор, безлесых, некрасивых,
И страдания народов,
Радости сошла улыбка,
Став задумчивой и зыбкой.

И Богиня окропила
Все серебряным дождем.
И Земля усталость смыла,
Вспыхнув радужным огнем.
В небе синем вновь повисло
Радужное Коромысло.

Шелк зеленых шароваров
Шириной в сто дней *пути*
Май по степям разбросала.
Скрыла горы *кок-тайги*
В чудных изумрудных складках
Драгоценного халата.

И, оставшись совсем голой,
С *саадаком* за спиною,

Май шагала по межгорьям
С непокрытой наготою.
Щедро стрелы рассылала
По *улусам* и *аалам*.

Пальцами одной руки
(Что зовется рукой левой)
Пробивала родники.
Правою рукой умело
Из туч воду отжимала
И озера наполняла.

Вздохом вызывала ветер,
Чтобы нес седые тучи,
Чтоб зеленый покров Степи
Белый скот топтал могучий;
Чтоб тайга ветвистой стала,
Чтоб ожили горы, скалы.

Злобные, сухие Смерчи
В степях дальних распались,
В дымку влажную, как в Вечность,
Исчезая, расползались
Иль, смиряя норы дикий,
Плыли вдаль, в туман безликий.

Вновь руками Май-эне,
Предобрейшая Богиня,
Собирала скот, зверей,
Птиц сгоняла с Небес синих.
Рады Степи и Тайга,
Реки плещут в берегах.

Стрелы Май-эне, Богини,
В пустоту не попадали.
Даже у худой Осины
Серьги вновь затрепетали.
Все кругом преобразила
Ее Жизненная Сила.

И чем больше Май давала
Тайге, Степи худосочной,

Тем быстрее пробуждала
Силы Жизненной источник.
Становясь сама прекрасней,
Всех одаривала счастьем.

Вот Добрейшая Богиня,
Трижды обойдя Тайгу,
Подошла к Кадын-вершине,
Где справляли Тайелгу.
Дождем белого айрана
Встретили ее шаманы.

Но Великая Богиня,
Стоя в высоте нагорной,
Вглядывалась в две долины
Взглядом долгим, взглядом зорким.
Среди гор видит улысы,
Где дымы сверху не вьются.

Деревянные *кас-уги*
Разбрелись по горным склонам.
“Где ж хозяева, где люди?
Где детей веселый гомон?
Почему я их не вижу?
Почему я их не слышу?”

Вновь Богиня взглядом зорким
Оглядела те долины.
И заметила под горкой
Кости мертвого мужчины.
Он с копьем в груди лежал
Средь обломков серых скал..

Возле юрт, за шалашами,
Крытых берестой с жердями,
Бездыханно возлежали
Жены с тощими грудями.
Лишь обласканные ветром
Копошились меж них дети.

Лица женщин истощенных
Ничего не выражали.

А комочки из пеленок
Слабо, тихо верещали.
Не было в них жизни силы -
Смерть глаза на них косила.

Тридцать три дождя молочных
Над улусами пролила,
Тридцать женщин худосочных
Май-Богиня оживила.
Силой Жизни молодецкой
Тридцать подняла младенцев.

Те младенцы, оказалось,
- Все до одного мальчишки.
Чудо-молоко сосали
Жадно все, без передышки.
И хватило им трех дней
Возрасти в богатырей.

Песнь 11

Май-ичези возложила
Полные тугие груди
На две горные вершины.
Два потока белых бурно
Из сосков ее струились,
В две долины устремились.

Лицо Матери сияло,
Осветив лучами счастья
Девяносто перевалов.
Глядя на парней прекрасных,
Май решила в то мгновенье
Дать красавцам нареченье.

Нарекла она *альтов*
Именами тех сеоков,
Из которых родом вышли
Матери их, жизни соки
Им последние отдавши,
Смерть во имя их принявши.

Удуг Сос Богини (Великое слово Богини)

“Получивши имя рода,
За людей алып в ответе.
Имя целого народа
С гордостью носите, дети!
Светлой чести не теряйте,
Зла в Страну не допускайте!

Смелы, бдительны и зорки
В Светлом Мире будьте вы.
Свет не сквозь ушко иголки
Вы рассматривать должны.
Назначенье вам особо,
Но и спрос за то особый.

Жизни срок я назначаю
В Мире дивном, в Мире Светлом
Словом твердым, Высочайшим:
Всем - по семь долгих столетий.
Путь борьбы незримо долг -
Миг побед чрезмерно дорог!

С этого святого места
В даль пускайте свои стрелы.
Так, найдя себе невесту,
Умножайте свои семьи.
Видите: Потоки эти
К жизни возрождают третий.

А когда к обрыву Подвиг
Примчат кони-скакуны,
То продлить вам ваши годы
Кедры стройные должны.
Здесь, в бессмертных двух долинах,
Превратитесь в исполины.

Коли все из вас согласны,
Коли все из вас готовы

Повести борьбу за счастье
Против зла в обличье новом,
Выпейте по семь куспаков
Молока грудного махом”.-

Так сказала Май-Богиня
В месяц Истинно Весенний.
И алып жадно пили
Молоко, встав на колени.
Сил набрались побратимы -
Май-эне их отпустила.

КРАСАВИЦА ТООМ

(Томь)

**древнее эпическое сказание
(космогоническая мифология)**

Для народов, живших рядом, в постоянном контакте, схожесть мифологических мотивов и сюжетов, образов естественна. Так, в шорской мифологии присутствуют не только образы и мотивы из других мифологических систем, но и заимствованы целые мифологические произведения других племен. Примером может служить сказание о Томи, основанное на мифологическом сюжете другого племени.

Томь современные шорцы называют Томда. Значения этого топонима большинство из них не знает. В одном из объяснений топонима, говорится, что люди одного древнего племени, выйдя на берег реки-преграды, воскликнули: “То-о-о-о-ом!”, что якобы, начало “большая вода”. В другом объяснении говорится, что топоним означает “темная вода”, из-за того, что глубокая и чистая река отражала своим “зеркалом” темные берега и горы, поросшие темнохвойным лесом. Впервые в литературе река упоминается как “Том”, “Тоом” в конце 17 - начале 18 вв. Другие исследователи говорят о связи “Томь” с энецким to - “озеро”, с селькупским to, tu - “зеро”, с тата, теме, tim – “сток”, “рукав”.

Последнее кажется более правдоподобным, хотя бы и потому, что их предки - самодийцы, некогда находились в бассейне реки и контактировали с предками шорцев.

Так давно все это было,
Когда горы поднимались.
Их неведомая сила
Из земли, не унимаясь,
К небу лунному толкала;
Разным камнем набивала
Их огромные подвалы,
Ненасытные увалы.
И тогда, плескаясь, море
В край холодный отступало.
Оставляя на просторе
Ровной степи покрывало.

Высоченные *таскылы*
Покрывались снежной шапкой,
А тела тайгой укрылись
От чужих глаз, чтоб украдкой
Оборотни - *чабалтеи*
Тех богатств не разглядели.
Суг-Эзи хозяйским взором
Воду собирал в озера,
Чтоб могла тайга питаться
Благодатью чистейших вод;
Чтобы мог в ней расселяться
Славный, но печальный род.

Зверь в тайге заворошился,
Стало птиц невпроворот.
Вот с тех пор и поселился
Здесь *Кыргызов* древний род.
Сорок горных перевалов
Наш народ оберегало.
Но завистливое племя
Досаждало нам все время.
Брали дань с шорцев веками,
В рабство гнали *шор-кижи*.
Вот поэтому, как камень,
На нас грусть-печаль лежит.

Слушают кижы, внимая
Песне старого *кайчи*.
Кай летит, не умолкая,

С переливами в ночи:
“Вот, однажды, чабалтейка,
Кыязым-Арыг, злодейка,
Подлость новую свершила -
Всех *алыпов* заманила
В край полуночный, холодный,
К острым ледяным таскылам.
Ветер там, как волк голодный,
Воет злобно и уныло.

Много лун прошло с тех пор.
Шорцы бились смертной битвой.
А в *аалах* среди гор
Стала жизнь совсем не сытой.
Кыязым, в победу веря,
Разогнала птиц и зверя,
Мор на шорцев нагоняла,
Многих прятала в подвалы.
И тогда Шаман созвал
Гонгом шорцев на Поляну.
Исступленно он *камлал*,
Потом рухнул, словно пьяный.

Молча ждали шор-кижи... -
Шаман с духами общался.
Ждут - пождут, а он лежит.
Вот он встал и зашатался.
Бубна бубенцы дрожат,
Звоном шор-кижи страшат.
Лица их, как лунный камень,
А глаза горят, как пламень.
“*Уга-Кан* тучи разгонит, -
Сказал Шаман шепотом, -
Кан-Мирген нужду прогонит...
Всех спасет краса Тоом”.

Пред людьми предстал подросток,
Кан-Мирген, Охотник Меткий.
Он ответил людям просто:
“Каплю я собью на ветке.
Но зачем в походе том
Мне красавица Тоом?”

Пусть в улусе остается.
Здесь ей много дел найдется”.
“Что ж, пусть будет по-сему», -
Помолчав, Шаман сказал.
Стрелы, лук подал ему,
Путь-дорогу указал.

И пошел алып со свитой
Юных, молодых *анчи*.
За спиной *колчан* набитый,
Лук из-за плеча торчит.
Провожал парней в поход
Весь *рыжеволосый* род.
Соблюдали все обычай,
Чтоб пришли *анчи* с добычей.
А Большой Шаман камлает
Уходящим *оолам* вслед.
Духов добрых призывает
Уберечь *анчи* от бед.

Опоясанный подвязкой
Ярких лент, бус из клыков,
Кам неистовою пляской
Созывал к себе богов.
Звуки бубна рокотали,
Горы эхом повторяли,
Ветры уносили вверх
Древний колдовской напев.
Вот Шаман к земле прижался,
Заскользил по ней ужом.
Когда бубна он касался,
То шипящий шорох шел.

Вдруг он молнией взметнулся,
Хорем прыг вокруг костра.
Бубна звук опять рванулся
В свод небесного шатра.
Мягко крался, словно рысь,
То стрелою летел ввысь.
То, как утка, он хромал -
Чабалтеев отвлекал.
Вот пошел он колесом,

Через голову летая.
Стучал в бубен он при том,
Заклинанья издавая.

Шор-кижи вокруг сидели,
Наблюдая за камланьем.
Их глаза огнем горели.
Повторяя заклинанья,
Красными волками выли,
По земле руками били,
Совой ухали в ночи -
Сберегали так *анчи*.
Стариков, детей и женщин
Захватил порыв единый,
Словно бы обычай вечный
Им прибавил больше силы.

А Шаман волчком вертелся,
Лисьей лапой в бубен бил.
Вот, вращаясь, он уселся,
Заклинанья повторил.
Резко выгнулся дугой,
В землю вперся головой.
Ноги по кругу бежали,
Руки бубен сотрясали.
Вдруг локтями оттолкнулся
Шаман сильно от земли,
И костром в небо взметнулся.
Прокричал, как журавли.

А кайчи, Шаману вторя
Криком - пеньем горловым,
Усиливали песню второе,
Будто эхом боровым.
От земли Шаман толчком
Оттолкнулся, круть волчком.
Бубен становя ребром,
Взмыл ногами вверх на нем.
Стоя так на голове,
Извергал он рокотанье.
И вдруг, рухнув, на траве
Завершил обряд - камланье.

Шорцы замерев сидели,
И дыханье затаив.
И во все глаза глядели
На Шамана, что утих...
Вот рукою дрогнул он -
Отозвался бубна звон.
Вытянулся, повернулся,
Медленно клубком свернулся
И издав протяжный стон,
Растянулся на спине.
В небо вглядывался он -
Слушал звезды в тишине.

В тот же миг звезда упала
С легким треском в стороне.
И тайга затрепетала
Чутким ветерком во сне.
Встал Шаман. Из рога тура
Оросил себя. На шкуру
Он медвежию присел.
Тихим голосом зашел:
“Дух явился мне, Суг-Эзи,
Он сказал, что дань возьмет...
Дух водою всегда грезит -
Мало кто его поймет”...

Он рукою знак подал -
Встал народ рыжеволосый,
И, прощаясь, кто-куда
Разошлись, Шамана бросив.
А Шаман один остался,
Спешно вдруг засобирался.
Уложил в мешок еду,
Что хранилась на беду.
Тайною тропой пробрался
Он в Святилище богов.
Долго с *тосами* общался,
Ел и пил, кляня врагов.

Алып, по тайге скитаясь
В поисках большого зверя,
Шел с анчи ватагой-стаей,
В счастье и удачу веря.
Прошли девять перевалов,
Восемь обошли обвалов.
Слышат трубный рев лосиный,
Дробный клекот глухариный.
Здесь охотиться решили,
Далеко в горах хакасских,
Разойтись в тайге пошире,
Больше заготовить мяса.

Прежде чем расстаться, оолы
Над кострищем наклонялись.
Зачерпнув ладонью золу,
К ней губами прикасались.
(Чтоб в тайге не заблудиться
И к стоянке воротиться).
Потерлись они щеками -
Пошли легкими шагами.
Вновь тайга их поглотила.
Каждый превратился в слух.
В их движеньях жизни сила.
Наготове держат лук.

Молодой алып тайгою
Дальше в горы удалялся.
А его наряд с корою
Желто - бурой сочитался.
Он одет в *шабыр* простой,
А не в *торгы* дорогой.
А обут был в сапоги,
Не боящиеся влаги.
Стан его был опоясан
Сыромятными ремнями.
К поясу *аркан* привязан -
Тянет *камусовы* сани.

На боку *манок* еловый,
Белой стали острый нож.
Врожах *трут* и кремьнь новый.

На загорбке - *осторож*.
 Прикреплен на поясок
 И с *толканом* туюсок:
 Преимущество в нем есть -
 Испей, коль захочешь есть.
 А когда анчи в засаде,
 Осторож его спасет
 От коварной рыси сзади.
 А толкан пить-есть дает.

Вот алып остановился,
 Чутко слушая тайгу.
 Трижды он оборотился,
 Сделав луком круг в снегу.
 Ждал, чтоб сгинул ветерок -
 У него болтлив роток.
 Взял за пазухой мешок.
 Вынул сальца он кусок.
 С суеверною опаской
 Алып амулет достал.
 Одарил словами, лаской,
 Жирным салом угощал.

Только дунет ветерок -
 Закрывал он тос рукою.
 (Не узнал бы болтунок,
 Пролетая над тайгою,
 Что есть у алыпа тайна.
 Чтобы кто-нибудь случайно
 Обо всем прознать не мог -
 Амулет алып берет).
 Долго он его ласкал,
 Гладил нежною рукою,
 Много слов ему шептал,
 Терся об него щекою.
 С амулетом пообщавшись,
 Он прикрыл его кошмой.
 И, тихонько попрощавшись,
 Спрятал его в мешок свой.
 Совершив обряд столь древний,
 Взял он в руки лук и стрелы.
 Дальше путь свой продолжал;

Тихо шел, то вдруг бежал.
 Слушая обилье звуков
 Вековой тайги дремучей,
 Уловил он дробный стукот,
 Шедший из-за горной кручи.

Алып сразу притаился,
 Вжался в ствол сухого кедра.
 Снова стукот повторился.
 Алып слушал земли недра.
 Топот верно говорит,
 Что огромный лось бежит,
 Иль марал-красавец мчится,
 Сзади снега пыль клубится.
 Подпуская ближе зверя,
 Изготовился алып.
 Про себя в удачу веря,
 Он пустил стрелу. Та - Бзык!

Рассекая опереньем
 Плотный воздух, чуть жужжа,
 Молнией, в одно мгновенье,
 Нервно мухой вереща,
 Та стрела вонзилась смело
 Прямо в царственное тело...
 Кровь струею засочилась -
 Лось бежал, теряя силы.
 Он не понял, что смерть-горе
 Уже впрямь его настигла.
 Бег он свой замедлил вскорее,
 Тычась мордой в елок иглы.

Вот таежный скороход,
 Тяжко-медленно ступая,
 Сбавил грациозный ход,
 Головой трясая, качая.
 И теряя жизни силы,
 Он, издав свой рев лосиный,
 Пошатнувшись, грузно рухнул
 На ковер травы пожухлой.
 Находясь у жизни края,
 Лось еще дышал надрывно.

Мутным глазом, не мигая,
Он попрощался с миром дивным.

Гордый, сильный сын природы,
Он, конечно, не мог знать,
Сколько он спасет народу,
Коль придется смерть принять.
Тяжело бока вздымались,
Как меха заколыхались.
Он, вздохнув в последний раз,
Дрогнул - и совсем угас.
Подошел алып к нему,
И сочувственно вздохнув,
С силой выдернул стрелу,
Кровь стерев о снежный пух.

Тушу вмиг освеживав,
Шкуру задубил отваром
Из коры и горных трав
Способом особым, старым.
Кость от мяса отделил,
Мясо в шкуру уложил
Вместе с листьями крапивы,
Ставшей от мороза сивой.
(Обладает лист крапивы.
Вроде бросовый на вид,
Той, неведомою силой,
Что и лечит и хранит).

Наконец алып покончил
С нужной хлопотной работой.
Голова ж его не хочет
Бросить думы и заботы.
Мысли все одолевают:
“Как там парни добывают
Среди гор свою добычу?
Зверем разжились иль дичью?”
Он испил толкана вволю.
И причмокнув сочно-сладко,
Пожевал *маралий корень*.
Пошел вниз дорогой гладкой.

Солнце клонится к закату,
Золотя макушки елей.
Кан-Мирген идет обратно,
Тянет груз свой еле-еле.
А с горы алып к распадку
Мчался лосем, без устатку. -
(Видно, молод еще оол,
Не налился силой он).
Вот алып остановился,
Осмотрел синие дали.
На груз глянул - удивился,
Что волок он *глыбы стали*.

“Что за диво-наважденье?
Как они сюда попали,
Эти глыбища-каменя?
Ведь, не с неба же упали!”
Догадаться он не мог,
Кто ему устать помог.
Лишь себя алып корил:
“*Кермезек* не покормил”!
Сбросив лишний груз с саней,
Он быстрее пошел к стоянке.
Вскоре оол добрался к ней,
К доброй ласковой полянке.

Солнце горы уж лизало,
Пряча лик за перевал.
И заря полоской алой
Украшала гребни скал.
В густом небе проплывало
Облако, как покрывало.
И в полете рядом с ним,
Молодой орел парил.
Вот уж синяя тайга
В сумеречной мгле темнела.
Лишь полянок жемчуга
Осветляли ее тело.

И насколько видел взор,
Сверху белые туманы
Расползались между гор
По лощинам и урманам.
Плотный воздух был настоян
На густом запахе хвои.
Тишина вокруг стояла.
Даже птиц не слышно стало.
Будто бы зверье и птицы.
Красно солнце провожая,
Обет дали, чтоб простится,
Тишины не нарушая.

Даже ветер-шалунок,
Юрко по тайге летая,
Где-то спрятался, умолк.
Тоже тишине внимая.
Вот уж лик горой закрыло
Венценосное светило.
Заря гуще становилась
И рубиново светилась.
Край ее чуть золотился,
Радужно меняя цвет.
Постепенно он сгустился -
И потух небесный свет.

Кан-Мирген полюбовался
Красотой родной природы,
И за дело споро взялся.
Чтоб укрыться в непогоду,
Стал шалаш сооружать -
Колья-жерди подбирать.
Он разжег костер-сигнал
И оолов подждал.
Вот срубил два сухостоя
Для большой ночной *надьы*.
И догадки свои строил,
Видя что-то впереди.

Там, в чащобе серо-мглистой,
Средь стволов березок стройных,

Среди елочек пушистых,
Мелькал кто-то посторонний.
То тихонько появлялся,
Мелькнув, быстро укрывался
Меж белеющих стволов,
Издавая тихий зов.
То туманом белым крался,
Приняв облик *кыз* прекрасной.
И вновь голос раздавался
Тихий, но влекущий, властный.

Оол глаза зажмурил плотно,
Резко головой тряхнул,
Стрельнул глазом - и свободно,
Радостно, легко вздохнул.
“Видно, просто показалось -
Ветерка игра и шалость!
Он подстроил все, проказник.
Для него ведь это праздник”.
Сделав несколько шагов,
Алып вновь остановился.
Но опять услышав зов,
Еще больше удивился.

Подтащил стволы к стоянке,
Вмиг на части разрубил.
Убрал травку на полянке,
Он надью соорудил.
Где горел сигнал-костер -
Водрузил шалаш-шатер.
Сохранился в нем тепло,
Что от жаркой земли шло.
Вот надью он запалил,
На огонь казан поставил,
В *туеса* толкан залил.
Ждал анчи и ужин правил.

Вот в логах ближайших склонов,
В зарослях калины скрытых,
Вдруг раздался говор оолов -
Звонкий, радостный, открытый.
Слышался веселый смех -
Выдавал он их успех.
Знать, идут анчи с добычей,
Коль хохочут они зычно.
Молодой алып вскочил.
От кострища прочь, скорей!
Издав рев, что было сил,
Побежал встречать друзей.

Зычный рев остановил
Молодых анчи внезапно.
Вот прислушались они
И поежились зябко.
Вдруг, откуда не возьмись,
Прыгнула на оолов рысь.
Прямо под ноги упала,
Села - и захохотала!
В замешательстве анчи
Лишь мгновенье простояли -
Дружный, звонкий смех в ночи
Всколыхнул таежны дали.

Кто ж тут вспомнит про обычай -
Молодость, ведь, бьет ключом!
Вместе все пришли с добычей.
Теперь голод нипочем!
Парни двинулись гурьбою,
Волоча груз за собою.
Поохотились прилично -
Тяжела была добыча!
Вышли споро на полянку,
Где вовсю пылал костер,
Освещая всю стоянку,
Оживляя разговор.

И пошли у них рассказы,
Как охотились они.
Говорят почти все сразу,

Ну, а слушает один.
“Оолы, оолы, погодите,
Вместе все не говорите!”, -
Укрошает алып их,
Торопливых, молодых.
Все чуть-чуть угомонились,
Стали соблюдать черед.
Слушая, толкан испили,
Алып мясо подает.

Каждый оол тихо, украдкой
Накормил свой кермезек.
(Чтоб охота была гладкой,
Чтоб добычлив был их век).
Каждый будто не заметил,
Кого друг его приветил.
Требовал того Чозак -
Не нарушишь просто так!
Ели все анчи досыта,
Наслаждаясь свежаниной
И беседою открытой.
Пили вкусный чай с рябиной.

Всю добычу посчитав.
Вместе все решили так:
День еще один отдав,
Обеспечить людям сак.
“А запасов, - сказал кто-то,
- Хватит до другой охоты”.
Все анчи вдруг замолчали -
Своих близких вспоминали.
Твердо знает каждый оол:
Жизнь родных людей зависит
Теперь прямо от него -
Надо дать скорей им пищу.

Надью жаркую подправив,
Улеглись поспать анчи,
Караульных лишь оставив -
Может статься все в ночи.
Вот уж оолы сладко спят
И на все лады сопят.

Кто, ворочая боками,
 Чмокает во сне губами.
 Молодой альп не спит.
 Смотрит в пламя, не мигая.,
 Без движенья он сидит,
 Явно о своем мечтая.

Вспомнил он *каз-иб* родной,
 Младших братьев и сестер,
 И что матери одной
 Нечем заполнять котел.
 Жажду ведь не утолишь,
 Коли на воду глядишь.
 Разве сможешь быть спокоен,
 Если род твой не накормлен?
 Все это гнетет альпа,
 Хоть еще и молод он.
 Но спадает думок глыба -
 Скоро род будет спасен!

Он откинулся на спину
 И смотрел в неба простор,
 В ту искристую долину,
 В черный с блестками шатер.
 Звезды золотом мерцают
 И алмазами блистают.
 Вот в ночи услышал он
 Серебристый перезвон.
 С неба дивный звук струился -
 Тихий, вкрадчивый, живой,
 Как родник водицы чистой.
 И альп стал сам не свой.

Он смотрел заворуженно
 На причудливый ковер,
 На бездонный бархат черный,
 Вытканый из звезд узор.
 Видится альпу в небе
 Золотой летящий лебедь...
 Дальше ловит его взор
 Силуэт двухгорбых гор...
 Бродит по ночной полянке

Мать-лосиха со лосенком...
 Вон ползет змея-медянка,
 Изгибаясь телом тонким.

Он уже давно приметил:
 Звезды водят хоровод.
 В зиму, в осень, порой летней
 Ходят звезды взад-вперед.
 Лишь одна всегда на месте
 В полуночном поднебесье.
 Льет свой свет она печальный
 На холодный север дальний.
 Слева от нее всегда
 Встает утренняя зорька.
 Смотрит прямо лишь туда,
 Где пылает солнце бойко.

Но шуршащий рядом шорох
 Обвалившейся надьи
 Сбил полет фантазий оола
 И на землю возвратил.
 Словно бы имея уши,
 Что могли мысли подслушать,
 Вся от ревности пылая,
 Синевой отдавая,
 Искры ввысь снопом бросая,
 Возмущением гудя,
 Пламенем изнемогая,
 Бесновалася надья.

С караульным вместе альп
 Стал сгребать в кучу угли,
 И в надье бревешки править,
 Чтоб распасться не смогли.
 Искры в небо посылая,
 Вспыхивая, замирая,
 Исходя щелчками, треском -
 Хочет стать она небесной.
 Не дано ей стать звездой
 И на небесах сверкать -
 Быть ей Вечною, земною,
 И горя, людей спасать.

Все же, ночь взяла свое -
Сон прилип к глазам альпа.
Повалилась на плечо
Голова его, как тыква.
Засыпая, видит он:
Той горы пологий склон,
Где стоит родной улус,
Где, звеня, поет комус.
Где кайчи, певец народа,
День и ночь слагает каи,
И в людей своего рода
Он надежду поселяет.

Видится на склоне том,
Посреди тайги дремучей,
Лик красавицы Тоом -
Он пылает солнцем. С кручи
Смотрит напряженно вдаль
И таит в глазах печаль.
Выдает тоску бровями,
Изогнутыми соболями.
От ресниц ее пушистых
Пала на ланиты тень.
Сердце бешено стучится,
Ожидая встречи день.

Оол в волнении проснулся,
Сладкой думою томясь.
Взгляд его луны коснулся,
Что над кедром поднялась.
И от призрачного света
В серебро тайга одета.
С каменного перевала
Раздается рев архара.
Вот проухала сова
В зарослях мохнатых елей...
“Жду-у тебя-а”- пришли слова;
Прозвучали еле-еле.

А средь пляшущих теней

На другом конце опушки
Он увидел - ей-же-ей! -
Тот же силуэт воздушный:
Меж стволов берез витал,
Колыхался, вот уж встал,
Поманил рукой туманной
И - развеялся обманом...
Вновь алып замороженный
Сидел, глядя на костер.
И огонь раззолоченный
С теплотою ласкал взор.

Ночь уже пошла на убыль.
Все тусклее звездный блеск.
И сереет неба уголь,
И бледнеет лунный плеск.
И Луна у перевала
Бледною, усталой стала...
Вот уж птицы кое-где
Робко цвикали в тайге.
И восток, зарей алея,
Наступал на мрак огнем.
Силы ночи, цепenea,
Таяли пред новым днем.

Все анчи уже проснулись.
Шли по-одному к костру.
Сладко-медленно тянулись.
Как бывает поутру.
И сказавши “Эзенок”,
Собирались в кружок.
Перебросились словами -
Почесали языками.
Быстроногою гурьбой
Побежали умываться -
И озерною водой
Стали весело плескаться.

И хрустальная водица
Свежесть-бодрость придала
Раскрасневшимся их лицам,
Сбросив с них остатки сна.

Вкруг костра расселись оолы,
Продолжая разговоры:
Как охотиться теперь,
Какой нынче будет зверь.
“Соберемся в полдень ровно.
Как войдет солнце в зенит.
Мы успеем хребет горный
До темна перевалить”-

Так сказал алып друзьям,
Прекращая разговоры.
Первый снарядился сам,
Проверяя оолов сборы.
Совершив обряд обычный,
Разошлись все за добычей.
Каждый шел своей тропою,
Тянув *камус* за собою.
Отойдя подальше вверх,
Каждый оол достанет тайно
Свой заветный кермезек,
Чтобы сбылись все желанья.

Кан-Мирген быстро и ходко
Удалялся вглубь тайги
Той особенной походкой,
Когда не слышны шаги.
Он не обходил валежин -
Ставил ноги по-медвежьи.
И не разгибал коленей -
Вовсе даже не из лени.
Был рыжеволосый оол
Истинным дитем Природы.
Был своим он среди гор,
Несмотря на свои годы.

Вот поэтому врожденным
Обладал алып талантом -
Мог скакать архаром горным
Для добычи провианта.
Мог подкрасться снежным барсом,
Не рискуя понапрасну;
Вступать смело в поединок

Мог с медведем без заминок.
Мог добыть он птицы тучу
(Ведь имел он точный глаз);
Соколом сорваться с кручи
И настичь добычу враз.

Солнце уж взобралось выше
Старых, темнохвойных елей.
И хотя не очень пышет,
Все-же лаской своей греет.
Воздух свежий, беломглистый.
Как бальзам, густой, смолистый,
Вдыхал грудью всей алып,
Ощущая сил прилив.
Радуюсь восходу солнца,
Птицы песни распевают.
Сквозь небесные оконца
Белки молнией мелькают.

Капельки росы туманной
В паутинах задрожали,
И, как *поос* кыз желанной,
В солнечных лучах сверкали.
На корявой коре кедра.
Изукрашенной столь щедро
Стоками смолы янтарной -
Вспышки искор лучезарных.
Над травой, уже пожухлой,
Над черничником курчавым,
Белым лебединым пухом
От лучей туманы мчались.

Прятались они в лощинах,
Куда солнце не проникло.
Таяли в седых долинах,
В тундре горной, в хляби зыбкой.
Росой тучной выпадали -
Травы, кочки орошали.
Кутались в болотной дымке

Чабалтеи-невидимки.
И манили они шорцев
Шелестящей тишиной
Шелка мшистого болотца,
Клюквой красно - кровавой.

Зазывают ближе к топям,
Скрытым ряскою зеленой.
Заезавшихся - утопят,
Спрячут вместе с головою -
И затянется оконце...
“Не увидишь больше солнца
Ты, доверчивый кижки!
Коль попался - здесь лежи”!-
Так злорадствуют злодеи.
Но погибшие кижки
В красной ягоде, алея,
Продлевают свою жизнь.

Отведя свой взор от тундры,
Где туманы лишь витают,
Алып вспомнил: теперь мудро
Шорцы в хлябях промышляют.
Ведь, воистину - Народ,
Где живет, не пропадет.
Ходят кижки в мокроступах -
Все болота им доступны.
Ходят ловко по трясине,
Вехой проверяя дно.
Тянут туеса-корзины,
Клюквы в них полным-полно.

Молодой алып, однако,
Дальше по тайге шагал.
Вот увидел след от лапок -
Видно, соболь пробегал.
Кора содрана на кедре -
Лазал медвежонок, верно.
Проторенною тропой
Козы шли на водопой.
Вскоре выбрался алып
На вершину перевала.

Видит: тропочка бежит
Среди каменных завалов.

Осторожно он спускался
К озерцу в распадке ближнем.
То бежал, то рысью крался -
Лицом ветер встретити лишь бы.
(Чтоб его козел-вожак
Не учуял бы никак).
Глазом расстояние смерил,
Не спугнув чуткого зверя.
На полет стрелы пробрался,
Достал лук из-за плеча.
И рассматривать принялся
Водопой и солончак.

Сильный, опытный вожак,
Охраняя свое стадо,
Приструнил двух забияк -
Возвратил козлят в распадок.
Сам пошел на водопой -
Заменил его другой.
Вот от стада отделились
Два козла, что лбами бились.
Поразил стрелой одну
Их алып. Второй - других
(Те сражались под горою,
Возле старых, стройных пихт).

Никто в стаде не заметил,
Что настигла их беда.
Лишь дозорный - тот приметил -
Не мелькают их рога.
Он спустился быстро к ним,
Подцепил рогом одним -
Недвижимы их тела.
В них торчала смерть-стрела.
И обнюхав оперенье,
Он всем телом задрожал.
Стадо вмиг привел в движенье,
Издав трубно рев-сигнал.

Ветром мчалось козье стадо
За ближайший перевал.
Мирген вышел из засады,
Споро туши свеживал.
Свежей печени отведал
(Кермезеку-тосу не дал).
Мясо в камус уложил,
На стоянку потащил.
Молодой анчи доволен:
“Быстро справился с охотой.
Можно еще дичи вволю
Настрелять вон в тех болотах”.

Там, за зарослями елки,
Рябчики шум издают,
Ходят жирные тетерки
Клюкву рясную клюют.
Солнце уж повыше встало,
Но до “полдня” не достало.
“К стойбищу - рукой подать,
Если весело шагать”, -
Рассуждал он сам с собой.
Прошел гребень перевала,
И знакомою тропой
Стал спускаться он с увала.

А пока анчи с алыпом
Добывали в тайге зверя.
Там, на севере на диком,
Били шорцы чабалтеев.
Чабалтеев была туча,
А алыпов только кучка.
Бились ночи, бились дни
С чабалтеями они.
Бились, сколько было мочи -
Лишь сверкали их мечи,
И огнем пылали очи,
Будто факелы в ночи.

Взмахом сабли алып срубит
Десять Недругов своих -
Сразу втрое их прибудет,
Шестьдесят против двоих.
Злится ведьма-чабалтейка,
Кызым-Арыг, злодейка.
Черных воинов сзывает -
Ничего не помогает.
Носится она над полем,
Приняв вид вороны старой.
Бело поле черным морем
От пролитой крови стало.

В крике вытянула шею
Злая, хитрая старуха.
Приказала чабалтеям
Повалиться всем на брюхо.
В помощь позвала подругу -
Лютую и злую Вьюгу.
Передышку дав сраженью,
Улетела черной тенью.
Кызым-Арыг летела
К югу черную стрелой,
К большой юрте, черно-белой,
В свои ханские покои.

Повалившись на подушки,
Приздумалась карга.
Планы строила, как лучше
Будет извести врага.
“Ни числом и не уменьем
Мне не выиграть сраженье.
И ни голод и ни мор
Не изводят кижичи-шор”...
Утешалась ведьма тем,
Что смогла она ослабить
Горную страну. И с тем
Стала шорцев сильней грабить.

Много кыз и много оолов,
Молодых и беззащитных,
Загнала старуха в горы
С алчностью ненасытной.
В рабстве оолы добывали
Драгоценные металлы,
Добывали ей камень
В сырых, мрачных подземельях.
Кыз для ведьмы много ткали
Золотой парчи чудесной.
Позументы этой ткани
Чтобы пели дивной песней.

В позументах ткани-песни -
Судьба Шории родной,
Красота тайги чудесной
И гнет боли вековой.
В золоте их - солнце, горы,
В серебре чернею - горе,
Слезы - в белых жемчугах,
А в агатах - как в глазах -
Печаль тихая струится.
В голубых прожилках яшмы -
Счастье шорцев только мнится:
Сковано в неволе тяжкой.

Оторвавшись от подушек,
Своевольная старуха

Призвала одну из служек,
Прошипела тихо в ухо:
“Позови ко мне сестру.
Пусть прибудет поутру,
С восходящим солнцем вместе,
Коли нет ее на месте”.
Другим слугам приказала
Принести *айран, араку*,
Стол накрыть в просторной зале,
А в *кальян* насыпать маку.

И едва старуха села
На подушках в белой зале,
К ней тотчас же подоспела
Сестра-призрак в покрывале.
“Садись, милая сестрица.
Буду рада поделиться
И вестями и едой.
Потом - слово за тобой”.
Ей поведала она,
Себя дергая за космы,
Что не может та война
Извести рыжеволосых.

“Пока силы еще есть, -
Прохрипела чабалтейка, -
Надо изводить их здесь,
И, однако, поскорей-ка.
Кыз и оолов уводить,
Табуны поуморить,
Напустить болезнь и порчу.
Только так с ними покончу”!
И она в угаре пьяном
Повалилась вдруг на бок.
(Накурилась из *кальяна*,
Аж глаза лезут на лоб).

Вот она уже очнулась.
Приоткрыв дико глаза,
Как ворона встрепенулась,
Сестре-призраку сказав:
“Говори, где побывала,

Видела чего, слыхала?"
И сказала та в ответ:
"По улусам много бед,
Там идет падеж скота.
Едят травы и коренья.
Но Большой Шаман сказал,
Что наступит избавление".

"Кто ж его им принесет?"
"Кан-Мирген, Охотник Меткий,
И краса Тоом спасет.
Оол тот, кстати, красы редкой.
И удачлив, и силен,
И умом он наделен.
Любит очень оол при том
Кыз, прекрасную Тоом".
"Не ее ль молва пророчит
Мне давным-давно в убийцы?"
"Кан-Мирген, однако, хочет
С кыз прекрасной пожениться".

"Надо нам им помешать.
Чем быстрее, тем и лучше.
Свадьбе этой не бывать!
Не бывать Тоом могучей!"
"Может быть, Хозяин Вод
В жертву их себе возьмет?
Ведь пока Шаман камлал,
Много лишнего болтал".
"Дельную ты мне, сестрица,
Мысль сегодня подала.
А хрустальная водица
Для Суг-Эзи так мила"...

Кызым-Арыг уж знала -
Может вправду стать врагом,
Дав ее концу начало,
Солнцеликая Тоом.
"Подкуплю-таки Суг-Эзи,
Что водою только грезит.
И поступок внешне будет
Вроде-бы как помощь людям.

Дух спасать начнет алып,
Кан-Миргена молодого -
Соберет из слез пролитых
Дани цвета голубого!"

Так придумала старуха
Поразить своих врагов.
И к Суг-Эзи белой мухой
Помчалась, покинув кров.
"Улетишь, Тоом, в дыру.
Я залью твою жару.
Пыл на время укрошу
И Ульгеню отомщу!"
Но готова злодеянье,
Знать откуда было ей,
Что всеобщим достоянием
Тоом станет для людей.

Молодой Мирген добычу
Свою щедрю оставил.
На болота к стаям птичьим
Вновь стопы свои направил.
Быстро юноша шагал.
Глядь, уж рядом перевал.
Миновал он водопой,
Что ютился под горой.
Сделав маленький привал,
Сплел себе он *мокроступы*,
Озагат перемотал.
Смазал жиром сапог ступни.

Прикрепив к себе на пояс
Аркан *с лодкой - туесом*,
Оол болотом, успокоясь,
Скользил, словно в воде сом.
Вот за зарослями ели,
Чьи стволы совсем замшели,
Слышит тихий клекот оол -

Поедают птицы корм.
Подошел алып поближе,
Прячась за стволы дерев.
Видит: перья чистит - лижет
Черно-синий тетерев.

А поодаль две тетерки
Чистят перьев легкий пух.
И за ними следит зорко
Распушившийся петух.
Клекотом их подзывает
И поклоном приглашает.
Дескать, ягодка вот тут.
Курочки к нему идут.
По всему ковру болот
Было очень много птицы:
Рябчиков - невпроворот,
Снуют юркие синицы.

Вот вспорхнула стая тучных
Птиц. Нашли они приют
На мохнатых ветках, сучьях.
Сыты, а глаза клюют.
Ну, захочет ли хоть кто-то
Улетать в тайгу с болота!
Перламутром оперенья
Шелестят они в деревьях.
Смотрит Кан-Мирген на них
Своим взором восхищенным
Из засады, где притих,
Словно бы замороженный.

А на клюквенную грядку
Села стайка птиц других.
Видит: ходит куропатка
Белоснежная среди них.
Ягоду клюет лениво,
А походка - просто диво! -
Плавно движется вперед,
Гордо голову несет.
По-лябяжьи тянет шею,
Выбирает и клюет.

Насладившись соком, млея,
Нежной головой трясет.

Вот она поворотилась,
Вверх чуть-чуть приподнялась.
Вот уж веером раскрылась,
Потянулась, затряслась.
Облачное оперенье
Пришло в легкое движение.
Вся - от лап и до макушки -
Кажется она воздушной.
Отливает пелерина,
Словно бы вчерашним снегом,
С каплей жемчуга в середине,
С перламутром бело-пегим.

Сразу начал пламенится
Пыл охотника в Миргене.
Захотелось ему птицу
Получить без повреждений.
Мечтал взять ее с собой,
Как подарок дорогой.
(Чтоб Шаману поднести
И Обычай соблюсти).
Выбрал он стрелу в колчане
С наконечником особым.
Все проделал он в молчанье,
Не спугнуть добычу чтобы.

От такой стрелы у птицы
Или у пушных зверьков
Оперенье сохранится,
Целым будет их покров.
В лук стрелу алып вложил
И в ту курочку пустил.
Но коснулась стрела краем -
Бежит курочка, хромает,
Тянет за собой крыло.
Алып следом потянулся.
Надо ж так, не повезло!
Ведь впервые промахнулся.

И за птицей в мокроступах
 Раздосадованный оол
 Бежал, прыгая с уступов
 И пыхтел, как будто вол.
 Мокроступы скинул с ног,
 Чтобы легче бежать мог.
 Не хотел ее терять,
 И решил-таки поймать.
 Куропатка мчится прочь,
 Крылом след свой заметая...
 ...На тайгу спускалась ночь,
 Зорька догорала, тая.

И не в силах бросить птицу,
 Он преследовал ее.
 Вот уж третию границу
 Пересек из-за нее.
 Она дальше убегала,
 Хриплый писк лишь издавала.
 И все боком, скок-поскок,
 Удалялась на восток.
 За ней следовал алып.
 Далеко беглянку видно.
 Отступать он не привык.
 Упустить было обидно.

Вверх идет алып по склону
 Высоченного таскыла
 Средь деревьев полусонных
 За беглянкой белокрылой.
 Вот пошел кустарник низкий,
 Значит уж вершина-близко?
 Но бежит, не уставая,
 Чудо-птица, чуть хромая.
 Поспешает и алып.
 Бежит, весь разгоряченный,
 (*Шабыр* уж к спине прилип)
 Оол, погоней увлеченный.

Птица, сделав крюк последний,
 За камнями быстро скрылась.
 Мирген бросился по следу -
 Перед ним сразу открылось
 Плато горное, большое,
 Ровное, как стол для *тоя*.
 Кое где лишь камни-глыбы
 Препраждали путь альпы.
 Потерял, однако, он
 Неуклюжую беглянку.
 Но вдруг видит: снежный ком
 Выкатился на полянку.

На кремнистом поле ровном
 Появилась вновь она.
 Прыгнула же, как ворона,
 На макушку валуна.
 На альпа оглянулась,
 Вскрикнула, перевернулась;
 Кинулась вниз оттуда,
 Рассыпая перья всюду.
 И перехватило дух
 У Миргена, ставшим вдруг
 Онемевшим... Только пух
 Медленно кружил вокруг.

Оол стоял в оцепененье,
 Широко раскрыв глаза.
 Грудь вздымалась в волненьи,
 Разум, будто, отказал.
 Ноги ему отказали.
 Руки, словно плети стали.
 Сказать слово не мог он,
 Издал лишь протяжный стон.
 Он глядел, глазам не веря,
 Удивляясь чудесам:
 Вместо птицы - груды перьев
 Рассыпалась по камням.

Груда будто бы дышала,
 Будто бы была живой,
 Будто бы воздушной стала,

Поднимаясь над землей,
Поднимаясь, колыхалась,
Белым пухом одевалась,
Принимая очертанья
Кыз в туманном одеянье.
Разглядеть лица не мог он
Из-за танца-колыханья.
Оно было бледно-блеклым,
Будоражившим желанья.

Мрака дочь, сестра колдуньи,
Аязым-Арыг, как призрак,
Тихим голосом вещуньи
Вдруг произнесла капризно:
“Подойди, Мирген, поближе,
Ведь тебя я не обижу.
Что стоишь ты, будто камень”?-
Вспыхнул тут же оол, как пламень.
Двинулся навстречу к кыз,
Сверкнув искрами-очами.
Исполнял ее каприз,
Одурманенный речами.

А она, играя с ним,
Отдалилась величаво.
Зовет голосом своим,
Манит сладкими речами:
“Подойди ко мне, не бойся.
Помоги найти мне пояс.
Посмотри, алып-красавец,
Как поранил ты мне палец”.
Он стоял пред ней, смущенно
Опустив ресницы вниз.
Он не знал, что злобой черной
Была призрачная кыз.

И в порыве страсти нежной
Кинулся навстречу к ней -
Силуэт кыз белоснежной
Соскользнул меж двух камней.
“Прежде, чем меня возьмешь.
К *Юзут-Кану* попадешь.

Знай же, глупенький алып,
Я, ведь, *Аязым-Арыг!*”
Так сказав, орлицей пегой
Она взмыла в бархат черный.
В бесконечный шатер неба,
Звездами раззолоченый.

И несла в лапах когтистых
Дева Мрака, сестра зла,
Большой камень серо-мглистый
(Твари дочь, но не орла!)
Высоко колдунья взвилась.
Вот уж в точку превратилась.
Оол ее достать не может,
И стрела тут не поможет.
Был недвижим Кан-Мирген,
В пухе белом утопая.
Уж увяз выше колен -
Стал свинцом пух, застывая.

Оказался оол плененным
И прикованным к горе,
Словно в путах мараленок,

Находящийся во сне.
 Молод он и легковерен,
 И в себе слишком уверен.
 Стал обманутым альп,
 Потому к скале прилип.
 Были руки лишь свободны.
 Мог бы он врага сразить,
 Но такие стрелы годны,
 Чтобы дичь лишь подстрелить.

Ведьма там, вверху, хохочет:
 “Что, поймал, красавец, кыз?”
 И бросает что есть мочи,
 На альпа камень вниз.
 С своем-свистом мчится камень,
 И горит в ночи, как пламень,
 Искры сыплет на ходу,
 Чертя в небе борозду.
 Смерти альп не боится,
 Смотрит прямо ей в глаза.
 Так в народе говорится:
 “Жизнь отдавший, жив всегда”.

Кто пожертвовал собою
 Ради жизни всех людей,
 Остается жить героем
 В памяти далеких дней.
 В мраке ночи камень мчится,
 Сзади хвост трещит, искрится.
 Воеет, словно красный волк,
 Рассекая небосвод.
 Тяжело вздохнул всей грудью
 Обреченный наш альп -
 Пламенем и искор грудой
 Напавал он был убит.

До сих пор на горном плато.
 Где сражен молодой альп.
 Средь камней больших, щербатых
 Чаша вдавлена в гранит.
 И скрывает она тайну,
 Где стоял альп печальный.

И ее в веках хранит
 Там оплавленный гранит.
 Говорят, что где-то здесь
 Небо край приподнимает.
 Ход к Светилу, будто, есть,
 Где Земля весну встречает.

Как пришел урочный срок,
 На привал анчи собрались.
 Каждый приволок, что мог.
 Все довольные остались.
 Рассыпались смех и шутки,
 Раздавались прибаутки.
 Вот и чай давно поспел,
 Из кореньев и трав прел.
 Глиной густо смазав перья,
 Дичь на углях запекли.
 Кажется, что все деревья
 Аромат тот обрели.

Солнце за полдень зашло -
 Кан-Мирген не появлялся.
 Вот уж время подошло
 В путь обратный отправляться.
 И анчи решили вместе,
 Коли был анчи на месте,
 Да принес добычи много -
 Не заблудится в дороге.
 И, оставив для него
 Дичь, печеную в кострище,
 Выполняя уговор,
 Подались в свое стойбище.

Отправляясь в свой улус,
 Знак особый оставляли.
 То был камень или куст -
 Так анчи путь помечали.
 Но никто их не догнал -
 Альп птицу все гонял

За девятым перевалом,
Где и смерть свою принял он.
А анчи тайгою шли,
В свой родной улус спешили,
Где их ждали шор-кижи
И одной надеждой жили.

Подошли анчи к границе
Стороны своей родной.
Вот уже видны дымницы
Юрт, *кас-ибов*, над тайгой.
Но не пахли их дымы
Вкусным запахом еды.
Горечью несло от них,
Но, все ж, милых и родных.
Бродит Тишина в улусе.
Не слышна брехня собак.
Лишь качается на брус
Гонг, мечтающий про сак.

Не видать людей в округе,
И не слышен говор их.
А притихшие *кас-уги*
Говорят, как голод лих.
Только там, у самой кручи,
Где виднелся кедр могучий,
Небо подперев столбом,
Их ждала одна Тоом.
Каждый вечер она пела
Шестьдесят такпахов грустных.
Их мелодия летела
Меж таежных лощин узких.

Как вечерняя заря,
Тоом дали освещала:
Глаза пламенем горят,
Лик прекрасный пышет жаром.
В груди сердце трепетало
И тоскливо замирало.
Мысли скачут в голове,
Как на бешеном коне.
Видит кыз: в лощину входят

Из тайги вечерней парни.
Песни распевают, вроде,
И с поклажей тянут сани.

Кыз глядит на них с тревогой -
“Жив Мирген мой иль убит он?
Может быть, отстал дорогой,
Отправляя вперед свиту?” -
Шепчут так в смятенки губы,
Открывая жемчуг-зубы.
По тропе бежит она,
Вся смятения полна.
Словно змейки, косы вьются,
Камчой хлещут по спине.
Складки платья плещут-рвутся,
Словно парус на челне.

Встретились. Анчи стыдливо
Вкратце рассказали ей
Про охоту, что на диво,
И про уговор парней.
Хотел каждый успокоить
Девушку. Чтоб не расстроить,
Говорили оолы Тоом:
“Ведь тайга Миргену - дом.

Видно, хочется альпы
Еще зверя настрелять.
Хочется ему, *паитыку*,
Больше всех напромышлять”.

Успокоив ее так,
Вышли оолы на Поляну.
Чтоб собрать людей на сак,
Гонг три раза призыв грянул.
Медленно шли люди к ним,
Ко спасителям своим.
Двое оолов на Поляну
Под руки вели Шамана.
Шорцы очень ослабели.
Но шли все до одного.
Много дней они не ели,
Кроме травок, ничего.

По обычью, асакалы
Дележ стали проводить.
Оолы мясо помогали
По кас-угам разносить.
Казаны в треноги встали,
И костры уже пылали.
Стали мясо варить в них
Для сородичей своих.
На резных низких балясах
Ставили столы для *тоя*.
Наполняли блюла мясом,
Чаши вкусною *шурпою*.

Сак - традиция, обычай,
Милосердия праздник, милость.
Что естественно, обычно
В души шор-кижи вселилось.
Нам в наследство отдан он -
Древний и святой закон.
Не зря шорцам он достался,
Что в веках не нарушался.
По сей день в таежных далях
Люди свято его чтут -
И несчастья побеждают.
Ведь друг друга берегут.

Начинался сак камланьем,
А окончили кайчи.
Над тайгою рокотанье
Кай-комуса вдаль летит.
Воспевают там кайчи
Каи у костра в ночи.
В каях: борьба ночи-дня.
Кривды с правдой, зла-добра.
И во всех народных каях.
Полных правды, чистоты.
Правда кривду побеждает,
Будит в нас полет мечты.

А альпы в это время
В стороне жгучих ветров
Добивали злое племя
Так, что только стоял рев.
Подцеплял альпы за пояс,
О врагах не беспокоясь,
Сразу десять - и швырял
Их на копыа льдистых скал.
А другой альпы сражал
Двадцать, не жалея нечисть.
Одним взмахом он срубал
Головы по самы плечи.

Продолжают шорцы биться -
Миру не пришла пора.
Снеговая пыль клубится,
И растет из тел гора.
Та гора - из чабалтеев.
И они уже не смеют
Даже пальцем шевельнуть -
К Юзут-Кану держат путь.
Вдохновенно шорцы бьются:
Благородства полна месть,
За сестер, чьи слезы льются,
За свободу и за честь.

Бьются, потому, что знают -
Донеслася до них весть -
Люди в юртах вымирают,
Нечего в аалах есть.
Мор сейчас у них и голод.
Онемели без птиц горы.
Нет в тайге теперь зверей,
И болезнь косит людей.
И алыпы, стиснув зубы,
Беспощадно бьют врагов.
В горькой складке сжаты губы,
Местью бродит в жилах кровь.

Сорок дней алыпы бьются
С ненавистною ордой.
Стрелы свищут, копыта гнутся,
Сабли тупятся порой.
Между тем, идет уж битва
У таскылов, что как бритва,
Режут острыми углами,
Расправляясь с врагами.
Шорцы, это все заметив,
Чабалтеев туда гнали.
Налетев на них, как ветер,
На таскылы те бросали.

Полководец, Черный Воин,
Кыязым-Арыг помощник,
На коне, как черный ворон.
Бросив север - полуночник,
Бежал в страхе с поля вон
Под сабельный перезвон.
Ну, а что в живых остались,
Те позорно разбежались.
Так победой обернулась
Та тяжелая война,
В Горную страну вернулась
Благодать и тишина.
Разъезжались все алыпы
С битвы той сорокадневной.
Не было средь них убитых,
Много раненых, то - верно.
И хоть воины устали,

Отдыхать они не стали.
Спешат ратники к народу,
Чтобы одолеть невзгоды.
Надо алыпам быстрее
Вернуть шорцам все стада,
Птиц собрать в тайгу, и зверя
Поселить в ней навсегда.

Проезжая по улусам,
Предводители народа
Видели: в улусах пусто -
Гибли люди из их рода.
Всюду голод, нищета.
Степь уныла и пуста.
Где стада буйно тучнели,
Теперь ветер только веет.
И алыпы оделяли
Обнищавших шор-кижи
Мясом, дичью. Возвращали
Понемногу в степи жизнь.

Богатырши молодые -
Смелые, лихие девы -
Саблями замки стальные
Обрубали на пещерах.
Вызволяли из подвалов
Стариков и детей малых,
Статных оолов, кыз прекрасных,
Аксакалов седовласых.
Те на волю выходили
В слезах радостных, счастливых.
Дев они благодарили
И алыпов справедливых.

А *Каан* - глава народа
Стал считать рыжеволосых.
Недосчитывалось много
Стариков, детей и взрослых.
У алыпа слезы сразу.
Затуманив оба глаза.
Скатываясь, потекли,
Смачивая лик земли.

Те слезинки превращались
В солончак у водопая.
И веками угощались
Звери этой горькой солью.

Завернув в аал последний,
Одна Дева узнает:
Молодой альп-наследник
Спас от гибели весь род.
Много для кижы он сделал.
Но никто не знает, где он.
И печалится о нем
Кыз прекрасная, Тоом.
Проглядела она очи
У сигнального огня.
Ждет альпыа дни и ночи,
Верность и любовь храня.

“Вот подвязка золотая,
С нею, кыз, его найдешь.
Ступай, время не теряя,
Может быть, еще спасешь”.
С этим Дева ускакала.
Тоом камчой стада погнала
На свой выпас луговой.
Что в долине, под горой.
До заката кыз стояла
На утесе, рядом с кедром.
И глядеть не уставала.
Обдуваемая ветром.

С утренней зарею вместе
В путь отправилась Тоом.
Твердо знала: ей, невесте,
Быть с альпом - женихом.
На Огне Тоом поклялась -
Разыскать, чтоб с ней не случилось,
Мертвого или живого
Кан-Миргена молодого.

И подарок драгоценный,
Тот, что Девой подарен,
Захватила. - Он, ведь, ценный -
Волшебством был наделен.

Провожая в путь неблизкий
Кыз, рыжеволосых род
На Поляну гурьбой вышел.
Парни двинулись вперед.
Проводив Тоом чуть-чуть,
Указали верный путь.
Брать с собой не согласилась
Оолов, и тепло простилась:
“Надо, оолы, охранять
Вам улус от чабалтеев.
И отпор хороший дать,
Коли сунуться посмеют”.

Сказав мудрые слова,
Лук, колчан быстро надела,
Подвязала рукава
И пошла тайгою смело.
Пробиралась тропую,
Знаки трогая рукою,
Что когда-то оставляли
Анчи там, где промышляли.

Бодро, легко шла она,
Трав ногой едва касаясь.
Верую была полна,
Шла, ни в чем не сомневаясь.
Перед нею расступались
Все таежные деревья.
Даже ветки не цеплялись
Злых акаций, в любовь веря.
Травы шелком расстилались,
Ласково ноги касались.
С пути камни уходили
И преград не городили.
Белки и бурундуки
Свитой кыз сопровождали.
Клесты, сойки и выюрки
Трескотней густь разгоняли.

Подошла она к границе
Гор, толпящихся, хакасских.
Даль таежная клубится,
В синей дымке солнце гаснет.
Кыз спускается в долину,
Видит добрую картину:
На поляне был привал,
Здесь же и шалаш стоял.
Кыз-красавица устала -
Шла три ночи и три дня.
Запалив надью кресалом
Спать легла возле огня.

Сон ее тайга хранила;
Надья жаркая теплом
Согревала облик милый,
Хищников гнала огнем.
Улыбалась во сне Тоом,
Шепча что-то алым ртом.
Ей Мирген явился, видно.
Жаль во сне, совсем обидно.
Пламя ровно трепетало
По ночной надье, бездумной.
Сном тревожным отдыхала
Девушка в ночи подлунной...

Только солнышко лучами
Первыми тайги коснулось,
Кыз прекрасными очами,
Блеснув, встала-встрепенулась.
Освежив себя водою.
Чистою и ледяною,
Чай с смородиной черной
Заварила в закопченном
Котелке, что здесь нашелся.
Мясом малость подкрепилась,
Что в улусах вялят шорцы.
Чаю вкусного напилась.

Погасив надью ночную,
В путь отправилась она
В сторону полуденную
По тропе, что чуть видна.
Вот достигла и вершины.
Вот тропа, где след козлийный
Уводил ее в низину
На болотную трясиину.
Там красавица нашла
Брошенные мокроступы.
Направленье поняла
И пошла вверх на уступы.

Прошла новый перевал -
След исчез и потерялся.
Кыз попала на завал,
Что внезапно открывался.
Глыбы камня здесь лежали.
Серыми покрыты мхами.
Были круглыми они,
Словно яйца иль шары.
Каждый камень был в обхвате
Рук на сорок-шестьдесят.
Десяти шагов не хватит,
Чтоб по камню пробежать.
Словно козочка скакала,
Прыгала по камням кыз,
Выбираясь из завала,
И спускаясь с горы вниз.

Еле дух перевела
И не знала, куда шла.
Долго Тоом еще блудила,
Но следов не находила.
Притомилась совсем Тоом,
И присела отдохнуть
Под калиновым кустом,
Чтоб потом продолжить путь.
Дальше в горы уходила,
Красотой зарю пленяя.
И огромной любви сила
Кыз влекла, не уставая.

У подножия таскыла
Пелена следы закрыла.
Вспомнила, что подарила
Дева ей подарок - диво.
И подвязка золотая
Заискрилась в руках кыз,
И сама, словно живая,
Заскользила к камням вниз.

Потерев ее о камень,
Видит кыз - свершилось чудо! -
Та подвязка, словно пламень,
Все в округе осветила.
Стала вмиг она тропюю
Серебристо-золотою.
Быстро Тоом по ней пошла,
Будто крылья обрела.
Шла тропюю в неизвестность.
Мысли роем в голове
Уносили в поднебесье,
Ввысь, к загадочной скале.
Наконец, она достигла
И вершины на скале.
Обогнула камень мигом.
Перед нею, как во сне,

Плато горное открылось,
Тусклым серебром светилось.
А в лучах зари вечерней
Камни в розовом свеченье.
Плато было, словно брошь
В обрамленьи тайги черном.
Вдруг по телу прошла дрожь -
И блестящий взгляд стал темным.

В небе тенью погребальной
С криком воронье кружится.
А на камне сером, дальнем
Жертву рвет черная птица.
И угрозу в крике том
Слышит бедная Тоом.
Предрекая ей несчастье,
Сердце рвется в кыз на части.
И плохих, лихих предчувствий
Душа девушки полна -
Ворон совершал кошунство,
Распустив оба крыла.

Вот он с карканьем противным
Отлетев, поодаль сел.
И стон криком журавлиным
Из груди кыз полетел.
Словно лист затрепетала,
Безутешно зарыдала.
Слезы льет она и стонет,
И, ломая руки, клонит
Стан свой тонкий к земле вниз.
- Там, у камня увидала
Поясок алыпа кыз.
Тот, который сама ткала.

Солнце в плаче быстро скрылось
За зубчатую горой,
Лишь Короною светилось,
Скорбно - красною зарей.
И качаясь, плача тихо,
С пояском в руках алыпа,
В горе горьком брела кыз,

Не услышав рядом писк.
Осторожно шла за нею
Кызым-Арыг, злодейка.
Кралась, прикрываясь тенью;
Радовалась чабалтейка.

Тоом, садясь в изнеможенье,
Не заметила опять,
Как колдунья черной тенью
Стала что-то прикрывать...
Тут Суг-Эзи любопытный,
Призванный колдуньей хитрой
В капельках-слезах застрял
И с восторгом повторял:
“Где ж я раньше был, туманный?
Не видал такой красоты!” -
И катился, словно пьяный,
Со слезинкой вдоль косы.

Суг-Эзи был поражен
Видом девушки прекрасной.
Дух Воды был опьянен
Красотой души несчастной.
Водяной сам прослезился
Так, что камень оросился
И старуху подмочил.
Та ползла, что было сил.
И открыла, что скрывала -
То была большая чаша
В форме ровного овала,
Выбитая камнем павшим.
Тоом вознею непонятной
Была, все ж, привлечена.
С чувством жутким, неприятным,
Обернулася она.

Видит чашу из гранита,
Что небесным камнем вбита
В плато. В ней было сокрыто...
Тело милого алып!
И - забила, как птица,
В силки вражие попав,
Тоом, красавица-девица,
С горя разум потеряв.

Сидит девушка, рыдает.
Слезы чистым ручьем льются;
Чашу скорбью наполняют.
Но ему уж не проснуться.
Вечно в памяти людской
Будет юноша живой.
Кто себя в борьбе сжигает
Для других - не умирает.
На колени Тоом встает
В платье голубом, небесном.
Клятву алып дает -
Быть навек его невестой.

Плакать не переставая,
СарынуТоом поет.
В ней любовь ее большая.
Словно синий небосвод:

Песня девушки.

“Вечерний сон окутывает горы.
Дремлет в ночи ветерок.
Уснул алып, мой красавец гордый.
Только мне усталость невдомек.

Мне не уснуть и не забыться.
Мне от любви не отойти.
Если поют, поют жар-птицы
В Млечном пути, в Вечном пути.
Твоя ладонь лежит в моей ладони.
Слышишь, как сердце мое
В тишине, задумчивой и сонной,
Эту песню грустную поет.

Как же мне спать и как забыться?
 Как от тебя теперь уйти?
 Если в душе Любовь жар-птицей
 Вечно сияет в Вечном пути”.
 Тоом несчастная сидела
 Над гранитной чашей той.
 Будто бы окаменела,
 Лишь журча ручьем-слезой.

Суг-Эзи в слезах залился.
 Очень уж он был слезлив.
 Добрым был и бескорыстным,
 Но беспечен и спесив.
 Шепнет хитрая старуха
 Жалобно Суг-Эзи в ухо:
 “Ты любви их помоги,
 И навек соедини...
 Раствори в слезах Тоом
 Славного алып кости -
 Так невесты с женихом
 Сделаешь союз ты прочным”.

И беспечный Суг-Эзи,
 Не подумав, сделал это.
 Спohватившись, завопил:
 “Зачем слушал я советы
 Твои, Кызым-Арыг?
 Делать зло я не привык.
 Зачем я тебя послушал,
 Распустив туманом уши?
 Ведь, Суг-Эзи - я! Владею
 Мертвой и живой водой. Гей!
 Однако, не умею
 Воду превращать в людей!”

“Да-да-да!” - вопила тоже
 Кызым-Арыг, хитря,
 Сделав вид, чтоб быть похожей
 На безвинное дитя.
 “О, Суг-Эзи, мог же ты
 Применить силу воды!
 Мертвой раны залечить,

А живую - оживить”.
 “Пай! Какой же глупец я, -
 Закричал Хозяин Вод -
 Когда слушаешь тебя,
 Делать - след наоборот”.

А пока Суг-Эзи спорил
 С хитрой Кызым-Арыг,
 Тоом-Красавица от горя
 В камень обратилась вмиг.
 И слезами все журчала,
 Чашу ими наполняла.
 Вот уж жарких слез поток
 Устремился чрез порог.
 Он, звеня, бежал-скакал,
 По камням катился вниз
 Меж горами, между скал.
 Был прекрасен, словно кыз.

“Как глаза мои посмеют
 Смотреть прямо на людей?
 И Таг-Эзи не умеет
 Людей делать из камней” , -
 Суг-Эзи все сокрушался
 И с потоком вниз помчался.
 А старуха вслед кричала:
 “Спрячь ее в дыру на скалах!
 Люди не бывают там.
 И Таг-Эзи здесь плутает
 Редко по своим делам,
 Так что, долго не узнает”.

Делать нечего. Суг-Эзи
 Повернул к скалам поток.
 Вот уже в пещеру лезет,
 Под скалой находит сток.
 Слезы Тоом в далеких скалах
 Пленницей-рекою стали.
 А душа ушла в полет -
 В темно-синий небосвод...
 Став рекою, Тоом сразилась
 С Силой Темною в пещерах.

Через много лун явилась
К людям из-под скал тех серых.

Подземелья, где Тоом билась,
Были царством *Ирлик-Кана*.
Множество диковин было
В царстве этом первозданном.
Там из камня луга были,
Облака из камня плыли.
А из туч росли сосульки,
Снизу к ним росли сосульки.
Все они переливались
Всевозможными цветами,
Радугами одевались,
И искрились, и блистали.

Там дворцы из камня были
С множеством огромных залов.
Тени в залах тех скользили,
Словно мрака покрывала.

Стены зал из малахита
Были синими. Покрыты
Лилиями, огоньками,
Золотыми мотыльками.
А столы из доломита
Незнакомыми цветами
Изумрудными накрыты,
И резными туссами.

Там причудливою формой
Радовали глаз деревья.
И жемчужиной огромной
Вдалеке шары белели.
А вверху, под потолками,
Вились змеи со крылами,
И, качаясь, как качели,
Головою вниз висели.
Душно стало, непривычно
Кыз, что сделалась рекой.
И она водой обычной
Просочилась под горой.

Просочившись, Тоом размыла
Выходы из подземелья.
И потоком мощной силы
Вырвалась из заточенья.
Устремилась вновь в лощину,
Заняла меж гор долину.
И бежит, волной играя,
К морю белому из края,
Где погиб молодой алып,
Где рекой на земле стала,
Где улус к горам прилип,
Где тайга росой блистала.

А пока Тоом бежала
К морю белому навстречу,
Шор-кижи известно стало,
Что в страну явилась речка.

На берегах ее собрались,
 Дивом этим восторгались.
 Из аалов горных, дальних
 Люди шли к реке начальной.
 Суг-Эзи благодарили
 Благодарные кижы.
 Тот, на радостях, как было,
 Возьми все да Расскажи.

И тогда Таг-Эзи добрый
 На Суг-Эзи зарычал:
 “Зачем ты, Хозяин Водный,
 Тоом в Темницу заточал?
 Ведь, все то, что в воду канет,
 Явным вскоре, все же, станет”
 И Таг-Эзи., людям верный,
 Поднял выше вход пещерный,
 Преградив под землю путь
 Чистой молодой реке.
 И помог ей повернуть
 В русло, что невдалеке.

Между тем, потоком мощным
 Встретилась Тоом с волною
 Далеко, в стране полночной
 И смешалась с прибоем.
 В дар несла хрустальны воды
 От рыжеволосых рода.
 К морю белому ласкалась
 И в волнах его плескалась.
 Вот вода в пучине синей
 Вздыбилась и забурила
 Пенной белою в стремнине,
 Шапкою волну накрыла.

Из пучины той поднялась
 Медленно Морская Дева -
 На коньке морском качалась
 В платье синем с пеной белой.
 Тоом с улыбкою встречая,
 Молвит ей Дева Морская:
 “Я твою кручину знаю.
 И тебя я нарекаю

Тем же именем твоим.
 Будешь Томною водою.
 Помогай шорцам своим,
 Оставайся навек Тоомью”.

Так сказав, Дева Морская
 Погрузилась в бездну волн,
 Стада рыбы посылая.
 Их погнал морской дракон.
 Были здесь ерши и окунь,
 Хариус размером с локоть,
 Налим, щуки и сомы,
 Таймень - принц Томной воды.
 Главною рекою стала
 Кыз, красавица-Тоом.
 Людям в жизни помогала
 В краю милом и родном.

Стала Тоом во всем опорой:
 Тайгу влагой сохраняла,
 Чтоб не стали пусты горы;
 Людям рыбу отдавала -
 В голод шор-кижи спасала.
 Путь к аалам преграждала
 Чабалтеям ненавистным,
 Что народ веками грызли.
 В лоне вод своих пречистых
 Тоом другим приют давала -
 Рекам и ручьям речистым;
Души в даль переселяла.
 Много лун сменилось в небе.
 Много раз покров зеленый
 Поменяли горы, степи
 На пушистый, отбеленный
 Войлок снежный. И река
 Панцирем соединяла каменистые
 берега.
 Много раз освобождалась
 Ото льда и вновь менялась...
 Время мчит неумолимо
 И летит за годом год.
 Мчит река неумолимо
 Струи чистых томных вод.

Много поколений разных
Поменял шорский народ.
Подвиг же Тоом прекрасной
В памяти его живет.
С нею Кан-Миргена чтут -
Нам кайчи передают
Кай о них из уст в уста.
Чтоб народ не перестал
Шор-чери, свой край любить,
Ненавидеть люто зло,
Честным, справедливым быть
И нести людям Добро.

Вот с таскыла, с самой кручи,
В небо гордо птица взмыла -
То летел орел могучий
К облаку, что мимо плыло.
Там, в высоком поднебесье,
Слушал о Любви он песню,
Что для нас кайчи играл
И гортанно распевал.
Видятся орлу с небес
Синяя тайга и горы,
Перекатов золотой блеск
Тоом-реки, бегущей к морю...

*1968-1974 гг.
Междуреченск-Кемерово*

ТОМЬ И МРАССУ

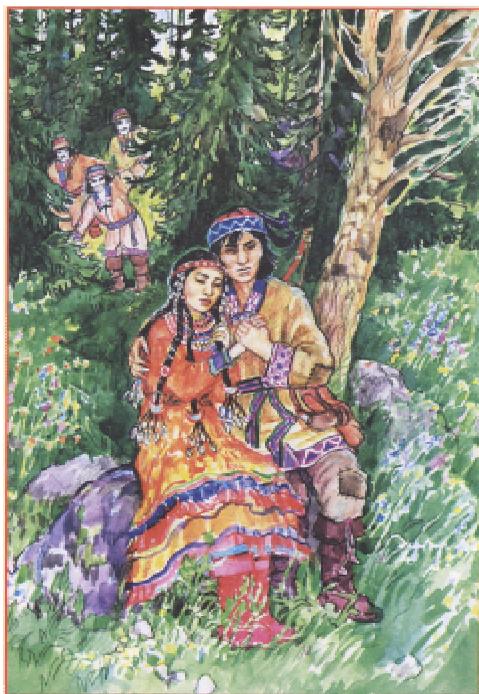
Три реки, сливаясь, образуют Мрассу. С горы Очагаш течет Соль-Мрассу.

С отрогов горы Кобес стекает Чор-Мрассу и соединяется с Ак-Мрассу. Мрассу - самый живописный приток реки Томи.

Был в Горной Шории охотник по имени Томь. И была красавица девушка, дочь богача бая. Звали ее Мрассу. Полюбил парень Мрассу и хотел на ней жениться, но не тут-то было. Воспротивился бай: не такого жениха он хотел для своей дочери. Заслал бай охотника туда, откуда берут начало ручьи и реки, и сделал его рекой.

Мрассу так горевала и плакала, что сама превратилась в реку и потекла к любимому. На пути суровая скала преградила ей дорогу. Мрассу грудью разбила скалу, и она рухнула в реку. До сих пор лежат в реке огромные камни, образуя пороги.

Мрассу стремительно и бурливо мчится через тайгу и пороги туда, где навеки сливается с Томью.

ТАЙНЫ МРАССКИХ КАМНЕЙ

Там, где Мрассу впадает в Тотьму, причудливо возвышаются древние скалы.

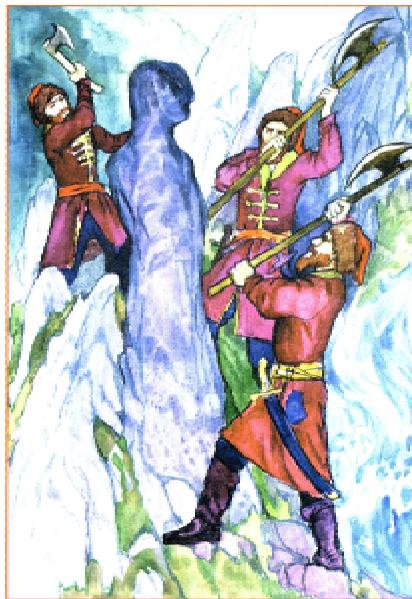
Высокие, стройные колонны с карнизами напоминают старинных богатырей, тесной стеной возвышающихся вдоль реки. Вся гора с каменными витязями называется “Улуг-таг”. Один камень, стоящий поодаль, носит название “Каролчук”, что означает “караульщик”.

Легенды утверждают, что камень этот имел форму человека и, кроме того, с годами он становился всё выше и выше. “Камень вверх растет!” - пугались люди.

Слух о растущем камне дошел до кузнецкого воеводы. Снарядил воевода отряд из десяти вооруженных солдат и приказал отрезать голову растущему каменному витязю. Долго маялись солдаты вокруг горы, но приказ выполнили. Упала срубленная голова к подножью Караульщика.

Зашумела тайга, забурлила Мрассу. Помрачнели солдаты от дурных предчувствий. Быть беде.

Так и случилось. Едва переправились через Мрассу, смертельная болезнь, внезапная и страшная, сразила солдат. Только один из них выжил для того, чтобы рассказать нам поучительную историю о том, что нельзя бессмысленно и грубо вторгаться в хрупкий и гармоничный мир живой природы: она обид не прощает.

МАЗАРАК

На правом берегу реки Мрассу, против устья реки Онзас, находится гора Мазарак. В давние времена гора Мазарак была богатырем.

Случилось так, что в реку Мрассу однажды заплыл кит. Из каких морей и океанов - никто не знает. Взмутил чистую мрасскую воду, выплеснул на берега, затопил прибрежные улусы. Большая беда пришла. Увидел это богатырь Мазарак, схватил два огромных камня и бросил в кита. Камни и теперь лежат в реке, образуя ворота. Большим искусством надо обладать, чтобы проскочить в эти ворота, не разбившись о камни.

Сильно израненный, кит смог доплыть только до небольшого притока Мрассу, да там и остался. С тех пор приток реки Мрассу напротив улуса Сосновой горы называется “Олчек” - “умерший”.

МРАССКИЕ ПОРОГИ

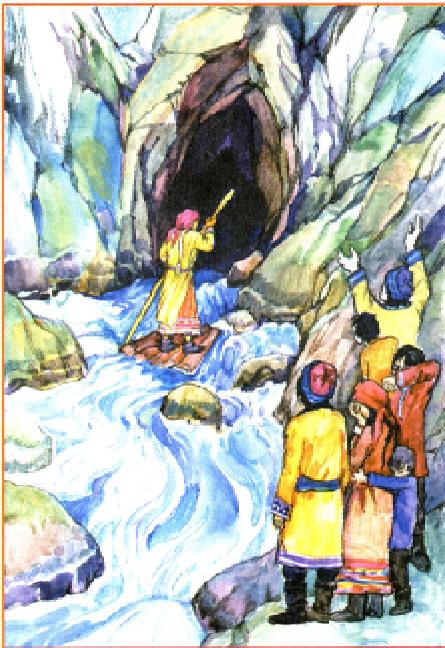
Тот, кто хоть однажды плывал по Мрассу, знает место, где бурлит и клокочет знаменитый Мрасский порог. В давние времена путники не решались плыть через порог на плотах и пускали их пустыми, а кладь переносили по тропе, проложенной вдоль берега. Осколки исковерканных плотов и лодок по обоим берегам реки свидетельствуют о небезопасности путешествия.

Легенды говорят, что когда-то Мрасских порогов не было.

Люди, живущие вдоль реки, помнят, что в древности Мрассу протекала сквозь мрачное ущелье в горе, узкое и темное. Пламя зажженных факелов выхватывало из темноты черные глыбы скалы, нависшей над путниками. Казалось, не будет конца этой пугающей тьме. Вздох облегчения вырывался у путников с первым лучом мелькнувшего впереди света.

Предки решили обратиться к Хозяину горы с просьбой, нельзя ли уничтожить это ущелье. Переговоры с Хозяином горы вели шаманы. Долгие были переговоры.

Хозяин горы потребовал от людей страшную жертву - старушку по

имени Манак, что проживала в соседнем улусе. Она была больной и старой, дни ее были сочтены, но сородичи впали в отчаяние, услышав приговор шаманов. Молчаливой толпой стояли они у дома Манак.

“Не печальтесь, - сказала старушка, - я с радостью помогу людям”. Манак села на маленький плот, не взяв с собой огня. Когда плот достиг середины ущелья, содрогнулась земля, рухнула гора, загрохотали по реке камни, образуя пороги.

С тех пор рухнувшая гора называется именем Манак. Проходят годы, но люди помнят, как всё случилось.

ЛОСИНЫЙ УТЕС

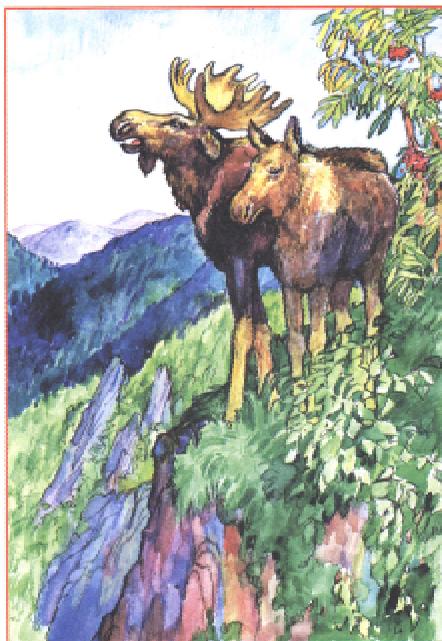
Близ города Междуреченска есть Лосиный утес. Когда-то он величаво поднимался отвесной стеной от самой кромки воды. При строительстве железной дороги Новокузнецк-Абакан утес частично был взорван, но красив и сейчас.

Давным-давно на берегах горной реки Бельсу жили лось и лосиха. Бродили они по тайге, питаясь сочной травой, душистыми цветами и сладкой ягодой. Летом родился у них маленький лосенок. Пока лосенок был мал и слаб, лосиха держала его возле себя.

Настало для лосенка время учиться крепко держаться на ногах. Повела его лосиха на высокий утес: “Смотри, сынок, как красива земля, на которой ты живешь!”

Огромный мир открылся лосенку. Конца и края не было могучей тайге, вольным рекам, снежным вершинам гор, синему небу. Замер лосенок на краю утеса: дух захватило.

Долго стояли они, любуясь необъятными просторами Горной Шории. С тех пор охотники часто видели на утренней заре или на закате солнца молодого лося, стоящего неподвижно на вершине утеса. Поллюбуется и уходит в тайгу по своим лосиным делам. Но завтра он обязательно вернется.

ЮГУС

шаманские песни (мифология)

Посреди тайги огромной
Меж высоких гор лесистых,
На пологом косогоре,
Что спускался к речке чистой,
Золотой шатер стоял -
Возвышался выше скал.

Его за день не обскачешь
И не обежишь в неделю.
Обойти пешком захочешь -
В поллуны успеешь еле.
Такой был шатер просторный
В нашей чудной стране горной.

В том шатре лишь обитали
Молодой алып - сын Солнца -
(Кун-Оглу алыпа звали)
Да его жена на сносях.

Обходилась Алыштаг-Ай
Служек малою ватагой.

Где шатра сходились своды
В караашлыг круглолицый,
Легким облаком огромным
Медленно парила птица.
То не лебедь, не орлица,
То благая чудо-птица.

Она, по кругу витая,
Едва крыльями шевелит,
Никогда не отдыхая,
Тихо-плавно в сводах реет.
Два крыла у птицы этой -
Черного и бела цвета.

Когда птица прикрывает
Караашлыг крылом белым,

Мрак бледнеет, исчезает,
 Прячется в покрове сером,
 Средь тайги гуляет сенью,
 Падает на землю тенью.

А когда же наплывает
 Черное крыло, в шатре
 Свет тихонько меркнет, тает,
 Сон крадется по земле.
 И тогда на крыле том
 Блестят искры серебром.

Звали эту чудо-птицу
 Кара-Кушем черно-белым.
 Одному ему не спится,
 Стражу верному Вселенной.
 Он один Порядок знает
 И все точно выполняет.

Кун-Оглу и Алыштаг-Ай
 Жили здесь уединенно.
 С беспокойством ожидали,
 Скоро ль явится ребенок.
 В гостях сами не бывали
 И гостей не поджидали.

Вот, однажды, Кун-Оглу
 На коне своем Мухортке
 Ускакал один в тайгу
 На маралию охоту.
 ...Алыштаг-Ай в это время
 Собралась сбросить бремя...

Наконец, в шатре раздался
 Долгожданный детский крик.
 Кун-Оглу в тайге метался,
 И там плач его настиг.
 В беспокойстве Кун-Оглу
 В первый раз коня стегнул.

Конь могучий богатырский
 Полетел к шатру стрелою.

Высекал копытом искры,
 Пролетая над скалою.
 Где копытом конь коснется,
 Там родник живой пробьется.

Конь без усталости несется
 Над пушистою тайгой.
 Грива, словно вихрь вьется,
 Бьют копыта вразнобой.
 Остаются после них
 Гладь озер или родник.

Вот уже скакун ретивый
 Седока к шатру принес,
 И, потряхивая гривой,
 Хрумкал золотой овес.
 Заходя в шатер, алып
 Услыхал вторичный крик.

“Неужели же их двое?” -
 Мысль мелькнула у отца.
 Видит: у жены в покоях
 Два горланят близнеца.
 Радость в нем бурлит и бродит,
 С близнецов он глаз не сводит.

На глазах росли малютки -
 Не по дням, а по часам.
 И всего за одни сутки
 Воцарился шум и гам!
 Всех лишили сна, покоя,
 Словно их тумен, не двое.

Если первый спать захочет,
 То второй ему не даст -
 Издерет всю кожу в клочья
 Иль поранит ему глаз.
 Первый тоже не спускает -
 Брата, словно рысь, кусает.

Только чуть угомонятся,
 И заснет близнец второй,

Первый бросится кусаться -
Снова разгорится бой!
И не могут их унять
Ни отец-алып, ни мать.

Но затишье наступает
Только лишь, когда едят,
Иль усталость с ног повалит -
Тогда вместе захрапят.
А проснутся оба-двое,
Начинается вновь бойня.

Следует за дракой драка,
Издирают в кровь друг друга
Из одной утробы братья,
Хоть обоим очень туго.
Бешенство их не проходит,
Кровь дурная в жилах бродит.

И становится не лучше
Ночь от ночи, день ото дня.
Даже тело Кара-Куша
В полосах от кровной бойни.
Оперенье брюха стало
Бело-розовым, кровавым.

“Так не может продолжаться, -
Алыштаг-Ай молвит мужу, -
Надо к мудрым обращаться,
Чтоб вернуть покой и дружбу.
Может, мудрый Кюлюк-Кам
Порчу снять поможет нам?”

“Мудреца приблизь к себе ты,
Откровенья чутко слушай,
Добродетель и советы
В жизни примени получше”, -
Так алып жене ответил
И умчался, словно ветер...

...Кюлюк-Кам, живя в пещере,
Знал что на Земле творится.

Как бытуют птицы-звери,
В дружбе ли вода-землица.
Беды у людей иль счастье;
Есть ли среди них согласие.

Молодой алып был встречен
Старцем просто и радушно.
И, волнуясь, в своей речи
Сказал все, что было нужно.
Старец выслушал с вниманьем,
Сложность дела понимая.

Помолчав, мудрец ответил:
“Залог счастья - в наших детях.
Вложишь в них ты добродетель -
Такой будет Жизнь на свете.
Сжать в кулак все невозможно,
Но поправить дело можно”.

Встав, мудрец к тому добавил:
“В деле этом есть преграда.
Чтобы я его исправил,
Получить согласие надо...
Нужен иногда и нам
Совет добрый, старикам”.

Взяв с собою бубен, флейту,
Кюлюк-Кам взошел на гору.
Шаман песню пел при этом,
Обращаясь к Духам Горным,
Чтоб приветливой была
И послушнее гора.

Оказавшись на вершине,
Он ударил трижды в бубен,
И запел призыв старинный,
Что вниманье Богов будит.
Распустив сизым-подвязки,
Закружился шаман в пляске.

Вдруг гора мало-помалу,
Сотрясаясь мелкой дрожью,
Подниматься кверху стала,
Бросив гостя у подножья.
А шаман все в пляске вился
И порхал вверху, как птица.

Вскоре стихли бубна звуки.
И в звенящей тишине,
Плывшей по горам в округе,
Кун-Оглу был как во сне.
А вверху шаман парил,
Как туман, как костра дым...

...Сколько времени промчалось,
Кун-Оглу уже не помнит.
Слышит: флейта зазвучала
И затмень с него гонит.
Звуки, что спускались с выси,
Привели в порядок мысли.

Алып вспомнил, для чего
Прискакал он в это место.
Теперь ждал он одного -
От шамана доброй вести.
Звуки флейты слышны ближе
И гора спускалась ниже.

Вот, ступая осторожно,
Невесомой, тихой тенью,
Кюлюк-Кам сошел к подножью,
Словно бы с Небес на Землю.
И алыпу молвил тихо:
“В нашем деле один выход.

Познав горестный улов,
В счастье, все же, надо верить.
Пусть они, покинув кров,
Обратятся в птицу-зверя.
И оставить надо их
Вон на той горе одних.

Должен ты с женой и Птицей
Назад, в Небо, улететь -
Так Тегри распорядился -
Надо в краткий срок успеть.
Хочешь-нет, однако, надо
Соблюдать во всем порядок”.

Вот такую весть принес
Кюлюк-Кам с седьмого неба
Для того, чтоб блеском звезд
Алый день затменным не был.
Рядом будь, Закон велит,
С теми, кто Добро творит.

Что найдешь еще мудрее:
В делах спешка не нужна,
Чтоб поспешностью своею
Не задуть язык огня.
Но металл надо ковать,
Чтобы жар не потерял.

Конь мухортый вмиг донес их
К золотому шатру князя.
Из шатра шум драки неся,
Словно там орда дралася.
Трижды громом бубен грянул
В руках мудрого шамана.

Шум мгновенно прекратился
И затишье наступило.
Кара-Куш книзу спустился,
В лапы близнецов схватил он,
Когти крепкие сцепил
И стрелою в небо взмыл.
Сделав круг над той горою,
Что указана шаманом,
Кара-Куш бросил обоих
В клочья белого тумана,
Что цеплялись за макушки
Темно-хвойной горной кущи.

Нет назад теперь возврата.
Пали, словно камни с выси.
Один филином ушастым
Стал, другой - пятнистой рысью.
Вместо светлого шатра
Стала домом их гора.

Но своей привычке драться
Близнецы не изменили.
Свое буйство и коварство
Они в ход и здесь пустили.
Разметались клочья шерсти,
Перья вились в круговерти.

Но свершилось как бы чудо:
Разбежались близнецы.
Наступила в них ошуда,
Угнав в разные концы -
Влево птица умчалась,
Вправо кошка подалась.

А шатер, покинув землю,
Разрастаясь, ушел в небо,
Оставляя внизу семью
С Кара-Кушем на потребу.
Так угодно Тегри было.
Следом ввысь и птица взмыла.

На спине у Кара-Куша
Кун-Оглы с женой сидели,

С голубых высот воздушных
На тайгу они глядели.
Снизу, как прощальный зов,
Долетел крик близнецов.

“Югус-таг пускай зовется
Приют новый близнецов.
Пусть навеки остается
Им тайги зеленый кров”, -
Произнес, как заклинанье,
Кун-Оглу слова прощанья.

“Гору, где шаман камлал,
Пусть зовут Шаман-горою”, -
Так алып ее назвал,
Пролетая над тайгою.
Под мотив шаманской песни
Они скрылись в поднебесье.

Кара-Куш, благая птица,
Теперь кружит над Землею.
Близнецам спокойно спится,
Разделенным той горою.
Филин ухает в ночи,
Днями рысь в тайге кричит.

Близнецы теперь дерутся
Лишь однажды, раз в году.
Когда две зари сойдутся,
Рысь и филин не в ладу.
...Конь Судьбы над миром
скачет -
Кара-Куш день-ночь означает...

1965 г
г. Междуреченск

ПРАС
(МРАС-СУГ)
 космогоническая мифология
 (шаманские песни)

Песнь I

Пел кайчи в одном аале
 О судьбе красивой девы,
 Что рекою потом станет.
 Люди, слушая напевы,
 С жадностью слова вбирают,
 Так, что сердце замирает.
 Разве только старики
 Знали о судьбе реки,
 Что когда-то кыз прекрасной
 Рождена на свет была.
 Волею отца несчастной
 В заточенье кыз жила.
 Это было, когда камни
 Набухали, став горами.
 Когда горы страны главной
 Покрывались лесами.
 Когда узкие лощины
 Превращались в долины.

И когда в ковыльной степи
 Стал играть травой ветер.
 И когда впервые реки
 Побежали вниз по кручам.
 И когда укрылись ветки
 Сплошь черемухой пахучей.

В это время в доме князя,
 Что живет в глуби земной
 И владеет коновязью
 И отарой золотой,
 И конями не простыми -
 Серебристо-золотым и
 - Родилась малютка-дочь,
 Закричала во всю мочь.
 Так малютка известила
 О своем вхождении в жизнь.
 А потом улыбкой милой
 Возьми всем, да улыбнись.

Крошка - дивная собою -
Сразу стала лопотать,
Золотистою рукою
Плавню в воздухе махать.
Она сплошь была покрыта
Будто золотом отмытым,
Будто серебром блестяло
Ее крошечное тело.
Лоб сверкал, искрились глазки,
Губки, как заря, алели,
Щечки от пунцовой краски,
Как огонь во тьме, горели.

Князь, отец дивной малютки,
Грозный Ойбаан-Сарыг,
Веселился не на шутку
(От чего давно отвык).
Он для дочки из сафьяна
Велел соску сделать няням,
Шестьдесят кобыл доить,
Молоко в ту соску влить.
Няньки крошку уложили
В золотой резной качалке,
Молоком парным поили
Кыз-малютку, цветок яркий.

Князь не мог налюбоваться
На прекрасного ребенка.
Не хотел на миг расстаться
С серебристым смехом звонким.
Через трое суток крошка
Превратилась в кыз-подростка.
И была она прелестна:
Говор, словно чудо-песня,
От волос ее искристых,
В шестьдесят косичек свитых,
От ресниц ее пушистых
Тень ложится на ланиты.

Красота ее сравниться
На земле ни с чем не может.
И для князя кыз-девица

Стала во сто крат дороже.
И отец ее по-царски
Окружал любовью, лаской.
Все желанья выполнял,
Но, однако, не пускал
От себя дочь ни на шаг.
Пуще глаза сторожил
(Младшая, ведь, как-никак),
Своим счастьем дорожил.

А она росла смышленной,
Рукодельницей была -
Много ткани золоченой
Кыз-красавица ткала.
Позументы этой ткани
Пели песней и сверкали,
Как росинки в траве влажной,
Звездной россыпью алмазной.
Из атласа платья шила,
А из бархата халаты,
И узоры наносила
Шелком на подвязки, платы.
За смекалку, ум пытливый,
Трудолюбие большое,
За характер справедливый
И за сердце золотое
В племени ее любили.
Люди всегда рады были
Ей услугу оказать.
Кыз же помощь принимать
От кижки порой стеснялась,
Но с почтеньем принимала,
Когда очень в ней нуждались,
Все с умением применяла.

Песнь 2

Время шло - дева выросла,
Наливалась красотой.
Но по-прежнему не смела
Покидать предел родной.
Как арканом перевита,
Ходит девушка со свитой

На прогулку по лугам,
По бездушным типчакам.
Бродит по немым курганам,
Чахлой зеленью поросшим,
По сухим степным бурьянам
И по каменистым роцам.

На лугах ярко-зеленых
Овцы тучные паслись
С шерстью витой, серебренной.
Кони резвые неслись.
Златорогие олени
Там мелькали, словно тени.
В темных зарослях осоки
Взгляд фиалки синеокой
Кажется пустым, бездушным.
Даже ландыш розоватый
Выглядит унылым, скучным -
Нет в нем жизни аромата.

Огоньки и горицветы
С изумрудными стеблями
Золотым играют светом
И блистают лепестками.
Из редчайших самоцветов,
В злато-серебро одетых,
Их природа сотворила,
Но душой не наделила
Потому над ними ветер
Не резвится, не витает,
И пыльюю желтой, светлой
Не пылит и не играет.

Девушка природным дарам
Красоты наделена
Чуткая душа недаром
Хочет жизнь узнать сполна.
“Отчего Белой Зарей,
Свеглюю Пора-Танюю,
Тебя, няня, называют?” -
Та, смутившись, отвечает:
“Уж не знаю, что сказать,

Тебе, милая, в ответ.
Меня могут наказать -
Строгий есть на то запрет”.

“Говори, ведь я не выдам!”-
Девушка тотчас взмолилась.
Пора-Тан с тревожным видом
От ответа уклонилась:
“Может и назвали зря
Меня Белая Заря.
Никому уж не свечу,
Только травы, вот, топчу”.
“Прошу, нянечка, ответь,
Пока свита сзади бродит.
Заря - это значит свет?
От кого же он исходит?”

Сдалась добрая старушка,
Все ж, попавшая впросак.
И красавице на ушко
Прошептала:”Просто так,
На глазах у нашей свиты,
Не могу все говорить я.
Нужно ночи подождать,
Когда в доме будут спать.
Никто нам не помешает -
Стража в спальню не войдет.
А в пределе ночь большая...
Там тебя беседа ждет”.

И они пошли, стараясь
Не привлечь вниманья свиты,
По ущелью поднимаясь
К кряжу, облаком повитым
“Там, - шепнула тихо няня, -
Идет жизнь совсем иная”.
В это время к ним гонец
Прискакал, сказал: “Отец,
Желтый князь, Ойбаан-Сарыг,
Передал такую весть -
Ждет гостей к себе алып
Знатных из далеких мест”.

Песнь 3

Делать нечего - пришлось им
Повернуть обратно к дому.
К тому времени и гости
Подоспели. Слышен гомон,
Смех веселый, коней ржанье,
Котлов полных бормотанье,
Что поставлены в треноги
На кострищах вдоль дороги.
Всех хозяин добродушный
Пройти в залу приглашает.
За большим столом радушно
Гостей снедью угощает.

Айран свежий рекой льется
На богатом щедром тое.
Смех довольный раздается
В девятиугольном доме.
На поляне под ножами
Кобылицы бились, ржали.
Их проворные оолы
С большим выбором кололи.
Вкусно мясо, говорят,
Тех, что яловыми были,
По семь-девять лет подряд
Вольно в табунах ходили.

Гости вволю ели, пили
И приемом восторгались,
Князя Желтого хвалили,
Дочкой юной восхищались.
Говорили, как велик
Щедрый Ойбаан-Сарыг.
Дочь-красавица на тое
Гостям слово золотое
Высказала всем достойно -
И ни разу не споткнулась.
Перед всем честным застольем
В танце лебедем взметнулась.

И, плывя в лебяжьем танце,
Обряд Ак-Сый исполняла:

Пояса - парням-красавцам,
Платы - старым аксакалам,
В латы алыпам одетым
Дарит шитые кисеты,
Девам, кружащимся в пляске,
Подарила по подвязке.
Знатный гость спросил у князя:
“Поскорее назови мне,
Как прекрасный цветок назван?
Как чудесной девы имя?”

Князь рукою знак подал
Певцу мудрому, кайчи -
И комус зарокотал
С переливами в ночи:
“Как свершилось рождение,
Привела всех в умиление
Блеском тельца во тьме кыз -
Названа Алтын-Чылтыс.
Когда бродит в умах наших
Дух смятения, туман -
Разгоняет печаль нашу
Светоч ночи - кыз Ай-Кан.

Девушка слагает песни
И сама их исполняет.
Своим голосом чудесным
В душу словом проникает.
Ей под силу сложный кай -
Вот какая Сарын-Ай!
С красотой всюду дружит,
И она ей верно служит.
Доказательства пред вами -
Пользуйся и вспоминай,
Что искусными руками
Создала их кыз Ус-Ай!

Когда племя в затрудненье -
Ищет выхода оттуда,
И, когда пришло затменьё
К аксакалам нашим мудрым,
К истине ведет порою

Своей светлой головою
 (Уж поверьте - это так!)
 Кыз младая - Ай-Пашак.
 В горе кто услышит зов ваш,
 Коль остался ты один?
 Первою спешит на помощь
 Любящая всех Ай-Кын.

Еще много не раскрылось
 В кыз достоинств и талантов,
 Как целебных сил укрылось
 И чудес в маральных пантах.
 И для дочери любимой
 Князь не выбрал еще имя
 Среди имен, которым точно
 Назвать может свою дочь он.
 Предстоит цветку раскрыться
 Из бутона, что набух
 Ведь нельзя воды напиться
 Из кувшина, что был сух”.

В песне высказал все мысли
 Князя Желтого певец.
 Прикусив свой ус повислый
 Гость промолвил: “Прав отец”...
 ...Неподвижно кыз сидела.
 Глаз поднять она не смела,
 Прикрывая ресниц тенью
 Трепет и души смятенье...
 ...К ночи слуги по покоям
 Развели гостей уставших.
 Девушка же после тоя
 Ушла к няне, ее ждавшей...

Песнь 4

Пора-Тан ставит на столик
 Таз серебрянный чеканный.
 Подает кувшин с настоем,
 Утиральник домотканый.
 Умываться помогает
 Девушке. И расплетает
 Шестдесят ее косичек,

Смоляных тугих сестричек.
 Волосы, как волны в море,
 По плечам ее сбегают.
 Гребнем золотым проворно
 Их красавица ласкает.

Волосы черненным блеском
 Серебристо отливают.
 Их рукой своей прелестной
 Девушка назад бросает.
 От тяжелого паденья
 Пришла в легкое движенье
 Девушки опочивальня -
 На лампадах пляшет пламя.
 В пляске света лик девицы
 Ночной радугой играет.
 Тихо грусть из глаз струится
 И загадкой во тьме тает.

Кыз присела на топчане,
 Оперевшись о подушки,
 И рассказы старой няни
 Приготовилась послушать.
 Вздохнув, добрая старушка
 Прикорнула на подушках,
 И смотрела, не мигая,
 В пламя, что-то вспоминая...
 “В том краю, где кряж теснится,
 Что туманами повитый,
 Простирается граница,
 Куда ход тебе закрытый.

За границей этой дальней
 Начинается страна
 Кыргыз-рода, из начальных,
 Вся тайгой облачена.
 Там, в горах ее лесистых
 На брегах речушек чистых
 Некогда жила и я, -
 Молвит Белая Заря.
 - Воздух там всегда напоен
 Ароматом трав целебных,

Запахом травы и хвои,
И цветов долин волшебных.

Там, среди тайги дремучей,
На опушках и полянах
Золотистых пчелок тучи
Пьют с цветов нектар медвяный.
Там кукушки вновь тоскуют,
Глухари весной токуют.
Тайной, узкою тропою
Бредут козы к водопою.
Зарей алой Жизни сила
День прекрасный начинается.
Златоликое Светило
Свет дает и согревает.

А зовется то Светило -
Круглое, как бубен - Солнце!
Множество костров вместило
И блестит оно, как донце
Блюда этого златого,
Цвета жара огневого.
На него смотреть нельзя -
Слепнут от него глаза.
Тот огонь не пожирает
Просмоленные деревья.
Тот огонь, блестя, ласкает,
Освещает, землю грея.

Пора-Тан с топчана встала,
Покопалася в пожитках,
И из тайничка достала
Что-то в берестяных свитках.
А хранили свитки эти
Украшенья-амулеты.
“Эти чудо-кермезки
Мне дороже всех на свете.
Это все, что сохранилось
У меня от жизни прежней,
Где блистало и искрилось
Солнце в синеве безбрежной.

Чуть стесняясь, Пора-Тан
Украшенья надевает,
И тотчас-же бог Сус-Кан
Ярко спальню озаряет.
Пора-Тан преобразилась:
Вновь, как прежде, засветилась
Средь неверных темных теней
Ласковой зарей вечерней.
“Теперь знаю твою тайну, -
Радостно сказала кыз.
- Ты уходишь не случайно.
Провожаешь Солнце вниз!”

Песнь 5

Девять суток в доме князя
Пировали гости в зале.
Девять дней у коновязи
Стойловые кони ржали.
Девять дней костры пылали
Под огромными котлами,
Разнося по степи грустной
Аромат конины вкусной.
Желтый Князь все это время
Занят пиром и гостями.
Желтолицые из племя
Выполняли дела сами.

Людам из обычной свиты
Дали тоже отдохнуть.
И для кыз теперь открытым
Стал навверх заветный путь.
Как обычно, они с няней
По окрестностям гуляли.
И для стражи незаметно
Подожли к тропе приметной.
Усыпив вниманье стражи,
Шли ущельем среди гор.
Скоро вышли к тому кряжу,
Где их ждал земной простор.

Выйдя на челпан гранитный
Из большой пещеры темной,

Что служила входом скрытым
 В княжеский предел огромный,
 В тихий трепет пришла кыз,
 С удивленьем глядя вниз.
 Встретил восхищенный взор
 Цепи темно-синих гор.
 Чередой они толпились,
 Уходя в земной простор.
 Их тела тайгой укрылись,
 Словно в вековой убор.

Вдоль причудливой границы
 Небо сходится с землей.
 Жемчуг розовый клубится,
 Подгоняемый зарей.
 На темнеющем востоке
 Жемчуг распадался в клоки,
 Опускаясь пухом нежным
 На макушки вершин снежных.
 А напротив, за границей,
 Отправляясь в ночной стан,
 Потускневший, краснолицый,
 Исчезает бог Сус-Кан.

Робко, будто-бы несмело,
 Кыз оставив на челпане,
 Пора-Тан полоской белой
 Оказалась при Сус-Кане.
 Вновь она вернется к кыз,
 Лишь проводит Солнце вниз.
 Дню помашет рукой вслед,
 Первой примет ночи плед.
 На себя Заря натянет
 Черный бархат златотканый.
 Вот тогда и ночь настанет.
 Месяц выглянет туманный.

Пока няня управлялась
 С неотложными делами,
 Кыз едва-едва справлялась
 С наважденьем-чудесами.
 То, что здесь привычным стало,

Кыз безмерно удивляло.
 Все казалось дивным чудом.
 Неизвестно, что откуда.
 Вот какой-то невидимка
 Из долины ей принес.
 Ароматнейшую дымку.
 От нее щекочет нос.

Не успела прочихаться
 Наша дева, как волною
 Стал на выступ подниматься
 Воздух, пахнувший смолою.
 Стоило его вдохнуть -
 Распирало сразу грудь.
 И красавице-девице
 Хочется взлететь, как птице.
 Впечатления менялись,
 Как вода в ручье бегущем.
 Глаза девы улыбались
 Звездам, в небесах поющим.

Взгляд ее счастливых глаз
 Няню стал искать, однако.
 “Видно, няня заждалась,
 Но не подает мне знаков”.
 Пора-Тан полоской белой
 Все сжималась и темнела,
 Нежной, кроткою улыбкой
 Улыбалась деве зыбко.
 Краски меркли над землею.
 Горы, будто растворялись.
 Отраженные росой,
 Звезды в травах появлялись.

Песнь 6

В это время в доме князя
 Продолжался той прощальный.
 Подавали линия, язя,
 Мюном рыбным угощали.
 Сласти тоже здесь в ходу:
 Паурсаки на меду,
 Сладкий плов из кандыка,

Холодец из молока.
Вкусным ягодным талканом
Гости жажду утоляли.
Сбитым в бурдюках айраном
Бодрый дух в себя вселяли.

Ойбаан-Сарыг доволен:
Не скучают его гости.
Угощенья в доме вволю.
Можно поиграть и в кости.
И, улегшись на подушках,
Подзывает к себе служку.
“Сходи в девичьи покои.
Хочу видеть дочь на тое”
Чтобы скрасить ожиданье,
Он решил сразиться с гостем.
Как шаман в момент камланья,
Стал азартно метать кости.

А тем временем слуга,
Не найдя княжны в покоях,
Кинулся скорей в луга,
Где вдали гуляли двое.
Были двое, да не те -
Перепутал в темноте.
В типчаках одни блуждали
Два охранника и ждали,
Когда няня вместе с девой
Спустится тропую с гор.
“Вот шатаемся без дела
Да ведем свой разговор”.

“Как могли вы допустить,
Чтоб они от вас отстали?
Вам хозяин не простит,
Если с дочкой плохо станет.
Что стоите, словно пни?
Разыщите, где они!
Вы очнетесь, или нет?
Вспомните Его запрет!”
И тогда, очнувшись, стражи
Поняли, что плохо дело.

И помчались к тому кряжу,
Где был выход из предела.

А сметливый, умный служка
Шел в раздумье по ложине.
Понял он: запрет нарушен.
Пора-Тан тому причина.
Видно, добрая старушка,
Став единственной подружкой,
Где-то кыз проговорилась.
Для той тайна приоткрылась.
Плод запретный всегда сладкий.
Береги - не береги,
Не заметишь, как украдкой
Он исчезнет из тайги.

Добрый служка тянет время.
Он от дум извелся весь.
На него свалилось бремя
В дом нести плохую весть.
Взгляд его скользит по кряжу -
Не покажется ли стража.
Ходит служка сам не свой,
Потерял совсем покой.
Подошла пора, однако,
Назад, к дому, возвращаться.
От обиды он заплакал:
Как пред князем показаться!

Пока шел, к нему навстречу
Конные уже спешат.
Не успел в бурьян залечь он,
Слышит, что его кричат:
“Тей! Ты где запропастился?
Иль с дороги к дому сбился?
Хватит здесь гулять-плутать!
Сколько могут тебя ждать?
Желтый Князь обеспокоен.
Всем сегодня не до сна.
Дочки нет в своем покое.
Ты не знаешь, где она?”

“Сам ищу, весь истомился-
 Молвит им слуга в ответ.
 - Может, Чолтар-Кан явился,
 Не нарушен ли запрет?”
 “Тьфу! Не поминай Его ты!
 Иль беды хлебнуть охота?” -
 Замахал ездок руками,
 Сдавлив лошадь шенкелями.
 Та, от боли обезумев,
 Вздыбилась на задни ноги.
 И ездок, коня приструнив,
 Спешно правил вдоль дороги.

Песнь 7

“Жить в неволе не годится
 Всем созданиям Природы.
 Неба не отнять у птицы,
 А у рыб хрустальны воды.
 Реки без воды иссохнут.
 Корни без земли иссохнут.
 Превратятся в песок горы.
 Станет Жизнь в плену у горя.
 Еще хуже жить плененной
 У отца в родном пределе,
 Быть душою полоненной,
 Словно кукла в колыбели.

Не хочу я жить в пределе
 Средь бездушной красоты,
 Чахнуть в мрачном подземелье,
 Жить без воли и мечты.
 Мне нужна совсем иная
 Жизнь - свободная, земная.
 Мыслям будет здесь не тесно.
 Есть простор мечте небесной” -
 Рассуждала так девица,
 Стоя на крутом челпане.
 А в груди сердечко птицей
 Трепетало, как в капкане.

В это время из пещеры
 Выбрались на волю стражи,

И глазам своим не веря,
 Кыз увидели на кряже.
 От внезапной с девой встречи
 Головы втянулись в плечи.
 А от смелых, гордых слов
 У парней застыла кровь.
 Стражей молодых волнение
 В ту минуту охватило.
 Ноги, вдруг вросли в камень -
 Оторваться нету силы.

Кыз, увидев рядом стражу,
 К няне взор свой обратила.
 Резвой козочкой по кряжу
 Наутек вдруг припустила.
 Парни бросились вдогонку,
 Словно волки к жеребенку.
 Оглянувшись, видит дева:
 Догоняют - плохо дело!
 И, курлыкнув лебедицей,
 Гор ногой едва касаясь,
 Бросилась в долину птицей,
 Тут же в брызги превращаясь.

Тусклым золотом мерцая
 В отблеске зари вечерней,
 Дева рассыпалась, тая,
 Над притихшей горной чернью.
 Морось, словно покрывало,
 Всю долину укрывала.
 Брызги в воздухе блуждали,
 Приближая темны дали.
 Все ближайšie деревья
 Растворялись в водной дымке.
 Горы, тенью став неверной,
 Превращались в невидимки.

Парни - стражи молодые -
 В тот же миг оторопели.
 Сильные и удалые,
 Но, однако, не посмели
 Двинуться за смелой кыз,

Что слетела птицей вниз,
Превращаясь в пелену,
Чтоб не жить вечно в плену.
Кыз сиреневым туманом
Прекратила бег парней.
Околдованы обманом,
Те стоят среди камней.

Вроде бы глаза имеют,
Вроде видят, вроде нет.
Шагу же ступить не смеют -
Все смешалось: тьма и свет!
Вот один пошел несмело
(Не стоять же пнем замшелым!)
Вот уж двинулся второй,
Вертя нервно головой.
Слышать лишь они могли
Звуки-шорохи вокруг...
Пай! Летучие огни
Замерцали рядом вдруг!

Огни призрачно мерцали,
Возникая ниоткуда,
И мгновенно исчезали
В темном воздухе остудном,
“Нет! Однако, показалось -
Это кыз игра и шалость.
Это дева хулиганит,
Но теперь-то не обманет!”
“Вон мерцает между гор,
Тусклой полосой мерцает”
“Стой-ка, братец! Это Гор
Нас в ловушку завлекает.

Мы чужие в мире этом,
И не сможем поймать кыз
Ни зимою и ни летом.
Лучше, братец, пойдем вниз.
Вспомни-ка, что Пора-Тан
Молодеет по утрам.
К вечеру она седеет,
Исчезает и бледнеет.

Даже Ойбаан-Сарыг
С ней не может совладать.
Он давно уже привык,
Что та может исчезать”.

Песнь 8

Ойбаан-Сарыг, прослышав,
Что дочь скрылась из предела,
Мигом на поверхность вышел,
Сразу понял, в чем тут дело.
Хоть и крепко дочь любил,
Власть отца он применил:
И камчой ее погнал
В подземелья ближних скал.
“Как могла запрет нарушить,
Своевольная девчонка!
Зачем вышла ты наружу?” -
Прокричал он ей вдогонку.

Кыз, рассеявшись туманом,
Увернулась от ударов
Чары, пущенные ханом,
Оказалось, прошли даром.
Колдовство не возымело
Силы над девицей смелой.
Этого-то и хватило
Деве мудрой и сметливой.
Судьбу зная наперед,
Кыз мгновенно превратилась
Из тумана в деву вод,
И ручьем с горы скатилась.

На глазах отца и свиты
Девушка рекою стала.
Чистым золотом отмытым
Под Луною заблестала.
От бессилья весь затрясся
В нервной дрожи, словно в пляске,
Желтый Князь, Ойбаан-Сарыг,
Позабыв, как он велик.
Князь Великий и не думал,
Что слепа его любовь,

Что однажды ночью лунной
Его дочь покинет кров.

Князь пустился в уговоры,
Чтобы дочь назад вернулась.
Но та ловко и проворно
От беседы увернулась:
“Рада я тебя послушать,
Но нельзя же быть игрушкой
И забавой для отца.
Спроси Брата-Мудреца!”
“Так, - проямлил Желтый Князь, -
Это Старшего затея”.
Его кожа затряслась,
Морщась, на глазах темнея.

И тогда Владыка грозный
Зло сквозь зубы процедил:
“Знаю точно: невозможно,
Чтобы яркий свет светил.
Ночь - на то она и ночь!
В том повинна наша дочь,
Что ее златое тело
Излучает то и дело
Ночью свет. И я в ответе,
Что допущен такой срам.
Пора-Тан пусть в мире этом
Светит всем по вечерам”.

Так промолвил Улуг-сос
Грозный Ойбаан-Сарыг,
Ожидая моря слез,
К чему хан давно привык.
Дочь меж гор волной играла,
Непокорность проявляла;
И светилась золотисто,
Улыбаясь всем лучисто.
Желтый Князь тогда призвал
К себе срочно Духа Гор.
И ему он приказал
Кончить свой семейный спор.

Снова молвил Улуг-сос
Злой, сердитый Желтый Хан:
“Знаю: смуту эту внес
Старший Улькер, Ульген-Каан.
Разве б дочь моя посмела
Непокорной быть и смело
Со мной в этот спор вступать?
Но такому не бывать!
Ее тело я закрою
(Коли дева моя дочь)
Покрывалом Мрака - тьмою.
Кто сумеет ей помочь?”

Песнь 9

Хан рукою знак подал -
Таг-Эзи, Хозяин Горный,
Сдвинул гряды гор и скал
Над рекою-девой гордой.
Лишь немного потускнело
Девы золотое тело.
И под полную Луну
Свет струится золотой!
Ойбаан-Сарыг не волен
Был с небес Луну согнать,
И остался недоволен,
Что не смог кыз наказать.

Девушка лощиной узкой
Вниз, в долину, побежала.
И, хотя немного тускло,
Все ж, светилась и сверкала.
Но в долину путь закрыт.
Таг-Эзи воздвиг гранит,
Чтоб в предел она стекала
Через все пещеры в скалах.
Это деву не смутило,
Не смутил преграды вид.
И она с огромной силой
Стала разрушать гранит.

На скалу бросалась кыз
Мощною, тугой струею.

И, разбившись в брызги, вниз
Мчалась пенною волною.
Гранит-камень грохотал,
Словно бубен рокотал,
Сдерживая грудью горной
Натиск девы непокорной.
Но она не унималась,
Продолжала воевать.
Расколоть скалу старалась,
Чтоб свободу отстоять.

Наконец, она решилась
Всю округу затопить.
Чтоб, скопив побольше силы,
Через верх перескочить.
Первым делом забутила
Все пещеры камнем, илом.
Плотно вжавшись в берега.
Дева кинулась в лога.
Вода быстро прибывала,
Топя ближние луга.
Вот уж темным покрывалом
Скрыла ближние лога.
Так внесла младая дева
В ближнюю тайгу сметенье.
Привела кусты-деревья
В небывалое движенье.
Все макушки гор безлесых
Заселила хвойным лесом.
А за ними птицы-звери
Побежали-полетели.
Втайне рады действию девы
Таг-Эзи, Тайги Хозяйка,
А Суг-Эзи девой смелой
Восхищался без утайки.

Наконец дева скопила
Уйму вод в долине горной.
И тогда со свежей силой
Бросилась к скале запорной.
Скала тяжело пошатнулась -
И река переметнулась

Шумным, пенным водопадом
Над гранитною преградой.
Мутным, озорным потоком
Покидая родной дом,
Устремилась кыз по тропам.
Те вели ее к Тоом.

Песнь 10

Гневный Ойбаан-Сарыг
Вновь Таг-Эзи приказал
Путь беглянке перекрыть,
Подняв выше гребень скал.
Но, однако, было поздно
Исполнять приказ столь грозный -
Быстроструйным ручейком
Добежала весть к Тоом.
Так Тоом-эне узнала
О плененной Князем деве.
Вспенившись, волну погнала,
Разбивая скальный берег.

Томь безмерно была рада
Посестрицы обнять плечи,
Но гранитная преграда
Омрачила радость встречи.
И тогда она во гневе
Крикнула плененной деве:
“Видно, Князь понять не может,
Что и капля камень гложет.
Давай вместе, с двух сторон,
Бить-дробить, точить скалу”.
...Небывалый перезвон
Огласил всю чернь и мглу.

Струи двух красавиц-дев
Мигом в копья превращались,
И камчой волну огрев,
На граниты девы мчались.
С двух сторон бесперестанно -
То копьём, а то чеканом -
Яростно дробили девы
Скалы каменное тело.

В диком, неумном танце
За свободу битва шла.
Лопнул снизу крепкий панцирь -
Стала полою скала.

Томь обратно отступила,
Пенную волну согнала.
Кыз же, снова собрав силы,
Щель в граните размывала.
Но была та щель узка -
Не пролезет и рука.
А края - острее стали -
Словно жертву деву ждали.
Но бесстрашную принцессу
Разве этим остановишь!
Разве же ладонью месяц
От людей навек укроешь?

Где напором, а где лаской
Размывала скалу дева.
Проникала без опаски
В лоно каменного тела.
Но далек до завершения
Исход схватки. И камня
Злыми, хищными клыками
Рвали девушку клоками.
Не смотря на свои раны,
Дева с высоты нагорной
Вниз бросалась резвой ланью
И проем крушила горный.

Наконец она пробилась
Сквозь гранитную преграду.
И к свободе устремилась
Сильным, мощным водопадом.
Но отверстие, все ж, узко,
Как игольное ушко.
Сладкая свобода манит,
Кружит голову, дурманит.
Нелегко она дается
Деве смелой и отважной.
Подойдет и увернется
В миг ответственный и важный.

Продираясь сквозь пещеру
С очень острыми краями,
Дева не теряла веру -
Веру в жизнь под небесами.
Но несла урон, однако,
Беспрестанная атака.
Становилась непохожа
Дева с золотистой кожей
На ту, прежнюю Ай-Кан.
Блеклым стало, потускнело
От ушибов и от ран
Благородной девы тело.

Золотистые чешуйки
С кожи девушки прелестной
Разносили волны-струйки
По брегам округи местной.
Золотинки оседали,
В камни накрепко вращали
И светились зыбким светом
Осенью, весной, летом.
Те чешуйки и поныне
В тех местах блестят-сверкают.
А прекрасную долину
Золотою называют.

Песнь 11

Вот уже в который раз
Юная принцесса смело
Лезет в каменистый лаз,
Обдирая свое тело.
Сквозь гранитную громаду
Дева шумным водопадом
Лишь по плечи проникает
И опять в ней застревает.
Неприступный узкий свод
Пасть зубастую смыкает,
Не давая деве ход,
Как хомут ее сжимает.

Вновь и вновь неудержимо
Со скалой вступает в схватку

Кыз, но скальная теснина
Сдерживает все нападки.
По горам тайги огромной
Катятся раскаты грома.
В воздухе густом витает
Пыль от кожи золотая.
Оседая на камнях
Ближних гор, на дне ущелий,
Исчезает в подземельях
Золото сквозь дыры, щели.

Желтый Князь в своем бессилье
Решил дочку наказать:
Чтоб она в Наземном Мире
Прежней красотой блистать
Не могла, чтоб с ее тела
Позолота облетела,
Чтобы не могла девица
Зорькой золотой светиться.
Он хотел обезобразить,
Осквернить ее красу.
Много ль чести будет разве
Любящему дочь отцу?

Вопреки всем ожиданиям,
Всем ловушкам, козням, мести,
Это юное созданье
Стало во сто крат прелестней.
Улькер Кара Чолтар-Кан
Излечил ее от ран.
Стала бархатною кожа
С ароматом трав таежных.
И светилась изнутри
Сумрачным, глубоким светом.
В ней смешались две зари,
День и ночь с весенним ветром.

В ней смешались цвет сараны
С лепестками кандыка,
Горицвет с горным тюльпаном.
Жемчуг, что дает река,
С нежной розою смешался.

А в глазах огонь метался.
И загадкой вечной грусть
Заструилась с ее уст.
И никто в Подлунном Мире
С ней соперничать не может.
Нет на свете такой милой,
Умной, смелой и пригожей.

Понимая, что не сладить
Ей одной со всею свитой,
Что напрасно будет тратить
Силы, неся воду ситом,
Дева вновь к Тоом послала
Весть-призыв с потоком шалым.
“Передай: принцесса ждет
Срочно помощь, чтобы свод
Каменный хомут злосчастный -
Нам обрушить, и тогда
Плен покинуть в одночасье,
Стать свободной навсегда”.

Песнь 12

Дождаясь кыз с верховий,
Томь безмерно волновалась:
“Неужели Князь суровый
Сумел дочь загнать в подвалы?
Я не слышу плеска волн,
Юных струй веселый звон.
Я не вижу белых чаек
Над долиною печальной.
Я не вижу колыханья
Тальника, лозы прибрежной
И не слышу я дыханья
Невесомой пены нежной”.

В это время из межгорий
До Тоом донесся звон -
То звенел ручей проворный,
Разгоняя дрему-сон.
Вот уже в тумане зыбком
Потянулся тальник гибкий.
Зашумела и осока

Вдоль тоскующей протоки.
Из темнеющих предместий,
Не плувающий в ночи,
Несет Тоом-энези вести
Преданный посол, элчи.

От элчи Тоом узнала,
Что прекрасная принцесса
Не смогла пройти сквозь скалы
И томится в гиблом месте;
Нужна помощь непременно,
Чтобы вырваться из плена.
И надеется девица
Вновь на мудрость посестрицы.
И тогда Тоом решила:
“Здесь помощник верный нужен,
Кто бесстрашием и силой
Делу благородства служит”.

И такой алып нашелся,
То Царя Морского сын.
Он всегда со злом боролся,
Славный юноша-тегин!
Он в поступках благороден,
Оттого и чтим в народе.
Предан был алып во всем
Деве Вод и Солнца - Тоом.
Бескорыстен он, бесстрашен,
Крепок, статен и плечист;
Словно бог, лицом прекрасен
И душой открыт и чист.

Свой родимый эль покинув,
Юноша обрел вновь дом,
Юрты белые раскинув
В тех горах, где правит Томь.
И, живя в тайге теперь,
Принял имя Алтын-Пель.
Против воли, нежеланно,
От отца, Морского Хана,
С моря Белого остуду
Алтын-Пель с собой принес -

Ледяную сбросил груды
На большой Студеный Плес.

Томь направила посланье
В чернь таежную, в предел,
Где среди прекрасных ланей
Находился Алтын-Пель.
Принц, оставив развлечения,
Вниз помчался по теченью
На своем лихом коне,
Капчегеае - скакуне.
Капчегай, шальной волною
Пену белую взбивая,
Оказался вмиг пред Томью,
Гривой голубой играя.

Высказав свое желанье
Благородному тегину,
Томь надеялась - страданья
Скоро девушку покинут.
И, благодаря альпы,
Томь божественной улыбкой
Алтын-Пеля одарила,
К подвигу благословила.
Доблестный защитник-воин,
Служащий благому делу.
Рад тому, что удостоен
Вызволять из плена деву.

Песнь 13

В помощь юному альпу
Дальновидная Тоом
Вверх послала свою свиту
Из кипящих пеной волн.
Волны с шумом, вал за валом,
Ринулись к гранитным скалам,
Все сметая на пути,
Чтобы к цели подойти.
Будто бы почувяв горе
Пораженья и бесславья,
Затряслись в округе горы
Лишь от вида рати славной.

Вперед подвижной стаи
Гордо восседал воитель
На могучем Капчегеа,
Алтын-Пель - освободитель.
На лице его решимость
И азарт неуправимый.
Пыл борьбы в глазах гуляет,
Мышцы силою играют.
Он приветствовал принцессу
Бодрой, доброю улыбкой.
Золотых доспехов блеском
Вмиг рассеял туман зыбкий.

Дева, увидав алып,
Радостью сменила грусть,
И ответная улыбка
Птахой слетела с уст.
Не теряла дева веры
В помощь Тоом, подруги верной.
И, заметив помощь рядом,
Зашумела водопадом,
Заплескалась, словно в чаше
Свежий пенный айран.
Ведь свобода всегда краше,
Чем в неволе жизнь - пайрам!

Видя нетерпенье кыз,
Благородный, умный воин
Отступил немного вниз,
Скакуну разбег устроив.
Медленно и осторожно
Вынул богатырь из ножен
Саблю стали голубой.
Он готов скакать на бой!
Как в котле пайрамном чай,
Закипел скакун отрадней.
Вихрем взвился Капчегай
Над гранитною преградой.

Алтын-Пель расправил плечи,
Резко саблю взмахнул,
И азартно скалу сечь он

Стал, рождая стон и гул.
Удар сабли богатырской
Выбил молнии и искры.
С гребня каменной громады
Небывалым камнепадом
Хлынул вниз поток шальной.
Его тут же разметала
Кыз упругою волной,
Словно щепки, а не скалы.

Второй раз алып ударил
По громадине скалистой
Жгучим жалом острой стали
И столбом взлетели искры
От уродливого гребня,
Осветив в ночи полнеба.
Искры гасли в вышине,
Разлетаясь по тайге
Россыпями синей стали.
Там, где много их упало
Они в землю проникали
Под таежным покрывалом.
Дробные раскаты грома
Раздавались над тайгой,
Будто в бубен бьют огромный
Колотушкою-орбой
Сразу семьдесят шаманов

На камлание беспрестанном.
Но шаманы не посмеют
Помешать творцу-Ульгеню.
Они призваны служить
Людям, Духам и Богам.
Их посредниками быть.
Вот таким быть должен кам!

Но едва утихли звуки
Над горами и тайгой,
В третий раз сверкнул в округе
Отблеск сабли голубой.
Снова взвился конь лихой
Над огромною скалой.
Алтын-Пель со всего маху
Рубанул - и эхо, ахнув,
Раскатилось по горам.
И от страшного удара
Раскололась пополам
Сталь старинного закала.

Песнь 14

А тем временем Князь Желтый,
Грозный Ойбаан-Сарыг,
Страшным боем сбитый с толку,
По-медвежьи издал рык.
И поспешно произнес
Главный-третий - Улуг-сос:
“Коли наша дочь посмела
Тайно скрыться из предела
И, нарушив наш запрет,
Приоткрыла полог Тайны -
Снисхождения к ней нет
В назиданье камам, айнам.

Полностью лишать не можем
Нашу дочь ее мечты,
Но, однако, уничтожим
Часть искристой красоты.
На Подлунной витать птицей
Будешь, но блистать зарницей
В небе, словно Пора-Тан,

Не позволю. Бог Сус-Кан
Уж имеет две зари.
Ты ж тогда заменишь ночь,
Когда встретятся они,
Так решил я, наша дочь!

Первой будешь ты встречаться
С ночью, с зорькой молодою.
В свете дня будешь скрываться
В струях быстрых, став водою.
Знай же: реки, вся вода
Со мной связаны всегда.
И не станет тихой, гладкой
Твоя жизнь теперь, однако.
Не бывать тогда мне богом,
Если дочь отцу не будет
Иногда в делах подмогой
В управленье бранным людом”.

Желтый Князь нутром почуял -
Рушатся его надежды.
Он на дочь взглянул, тоскуя,
Понял: кыз он не удержит.
Он хотел бы видеть слезы,
Но принцесса впала в грезы.
Он подумал: сделать можно
Невозможное возможным.
Выход был у Князя ныне -
Потеряет силу Слово,
Коли не дал еще имя
Дочери своей бедовой.

Как отец он был бы рад
(И брюзжать бы не посмел),
Если б дочь пришла назад,
Во родительский предел.
Но она молчит, как прежде.
Князь теряет все надежды.
И тогда в большом волнении
Он промолвил нареченье:
“Смотришь на меня украдкой
И не поднимаешь глаз?...”

Будь же вечною загадкой!
Нарекаю тебя - Прас!"

Приподняв в сметенье плечи,
Кротко опустив глаза,
Дочь в стремлении сердечном
Подошла к отцу, сказав:
"Я довольна нареченьем,
Потому что в заточенье
Я без имени жила,
Вот поэтому ушла.
Больно безымянной жить
У отца в родном пределе,
И непонятою быть,
Время проводить в безделье".

Так достойно, безобидно
Дочь ответила отцу.
Но у Князя (было видно)
Желчь прихлынула к лицу.
Предрекать он стал упорно
Своей дочке непокорной:
"Небывалый чаа-гас
Ты воздвигнешь скоро, Прас!
Для всех кижки непокорных
Будет гиблым это место,
В коловерти водно-горной.
Мой предел не будет тесным!"

В это время раскололась
Дремлющая тишина.
Над тайгой раздался голос:
"Не окончилась война!"
В логах ели заплясали,
Кедры по камням скакали,
К земле вербы прижимались,
Кусты по лугу катались.
Побледнев, Луна со страху
Спряталась за перевал. -
Алтын-Пель, по гребню ахнув,
Клинок новый испытал.

Сабли серебро блеснула
Во второй раз над скалою -
Бархат неба всколыхнуло
Яростной, сухой грозой.
Светло стало, словно днем.
И серебряным дождем
Сыпались на горы искры,
Исчезая быстро-быстро
В складках лопнувшей земли.
Были словно подношенье
Серебристые огни,
Жертвою за нареченье.

В третий раз взмахнул алып
Саблей острой, серебряной -
И раздался лязг и скрип
Над утесом непокорным.
Снова сабля поломалась -
Рукоять в руке осталась.
И помчался над тайгой,
Искря, сломанной дугой
Быстрый серебра осколок.
Вот, пугая звезды свистом,
Скрылся он за горный полог
В глубине тайги ветвистой.

Песнь 15

Алтын-Пель от своей цели
Ни на шаг не отступал.
Юноша, в победу веря,
Саблю новую достал.
Ярким золотом пылая,
Эта сабля, не простая,
Силу тайную имела
Только в чистых руках смелых.
В делах добрых, бескорыстных
Ей воспользоваться мог
Алтын-Пель, душою чистый,
Принц прекрасный, полубог.

Излучая свет волшебный,
Сабля словно изгоняла

Духов злых и айнов вредных,
Скинув мрака покрывало.
Ветви ивняка поникли,
Ветерка порывы стихли,
Озагат не шелестит,
Лишь вода в реке блестит.
Все затихло в ночи белой
В напряженной тишине.
Только шепот снежной пены
Слышен на речной волне.

Алтын-Пель на изготовку
Отвел верного коня.
Вот в седло вскочил он ловко.
Сел, доспехами звеня.
В ответ звону зашумели
В горах ближних кедры, ели.
Ивняк нервно трепетал,
За ним гибкий краснотал.
Лишь прекрасная Луна
В обрамленье гор пушистых
Была радости полна.
Улыбалась всем лучисто.

Умная принцесса Прас
На крутой волне к верховьям,
Согнав воды, поднялась,
Держа силы наготове.
Поняла тотчас же дева
План альпы Алтын-Пеля.
Надо время скоротать,
Чтобы бой последний дать.
Подвязала рукава.
И, надев куйак и латы,
Кыз сигнала лишь ждала.

Взмахнув саблей золотою,
Алтын-Пель на Капчегеае
Вихрем взвился над скалою,
Вредных айнов разгоняя.
Тут же и удар нанес -
Лопнул, задрожав, утес.

Устоять утес не смог -
Окривел на один бок.
Загудел утес утробно,
Дрожью частой сотрясаясь,
Застучал камнями дробно,
По округе их бросаая.

Этим временем принцесса,
Вытянувшись, как струна,
Среди хмурых скал отвесных
Была свежих сил полна.
Устремившись вниз стрелою,
Она мощною струею,
Разметая камнепады,
Налетела на преграду.
Среди грохота и гула
Кыз напала на громаду.
Вмиг куски перевернула,
Звеня звонким водопадом.

Алтын-Пель азартно, смело
Разрубал скалу на части.
Водопадом бурлит дева,
Не скрывая свое счастье,
И несет его в стремнине,
В узкой, тесной горловине.
Камни дикие окрест
Разбросала на семь верст.
От преграды лишь остался,
Как огрызок, один бок -
Да и тот к кряжу прижался
И держался там как мог.

Песнь 16

Победив Хомут гранитный,
Прас с альпом Алтын-Пелем
По порогам недобитым
Вниз помчались не робея.
Не остыв еще от боя,
Прас бурлила под горою.
Извиваясь крепким телом,
Покрывалась пеной белой.

Средь высоких гор лесистых
Прас, немного успокоясь,
Зазвенела звоном чистым -
Песня понеслась по взгорьям.

Песнь, наполненная счастьем,
Ощущением свободы,
Птицей резвою рвалась
Из груди девичьей в своды
Голубых небес высоких,
Где запретов нет жестоких,
Где для мыслей добрых, чистых
Нет пределов и границы.
И принцесса собиралась
Жить свободно в Мире Этом,
Понимая, что осталась
Под частичным, но запретом.

Волею отца лишилась
Прас блистательной красоты.
Не горели, не искрились
Ее дивные волосы.
Ее кожа теперь стала,
Словно бархат, не блистала
Золотом и серебром,
Ярким солнечным огнем.
Теперь дева излучала
Внутренний, глубинный свет.
Кыз пленительною стала,
Как загадка, как секрет.

Вобрала в себя дыхание
Прас изменчивой тайги,
Синих далей колыханье,
Шум беснующей реки,
Дальних звезд неясный блеск,
Приглушенный лунный всплеск,
Ночной птицы тихий взлет,
Зари розовую нежность,
Гордого орла полет,
И грозы вечерней свежность.

Кыз задумчиво бежала
Мимо мшелых гор покатых.

То беспечно вдруг скакала
По веселым перекатам.
А завидев кедры, ели,
Кыз такпахи для них пела.
Вместе с нею Алтын-Пель
Дивные такпахи пел.
Вот уже они добрались
Вниз к широкому распадку,
Где вдали Тоом плескалась
Ласковой волною сладкой.

Тут же бросилась в объятия
Прас прекрасная к Томи.
Заплескались волны-платья -
Девы счастья полны!
Слезы катятся по лицам -
Слезы в радость посестрицам!
Гимн свободы им пропел
Благородный Алтын-Пель.
Когда был окончен той,
Принц в верховья удалился
Охранять Тоом покой,
Счастья пожелав сестрицам.

А подруги-посестрицы
Крепко обнялись за плечи
И помчались на границы
В те края, где шлялся Вечер.
Где седой волной плескалось
Море Белое о скалы.
Куда с вестью о себе
Томь услала лебедей.
Где в неведомом краю
Жизни гаснет скоротечность.
Где, окончив Песнь свою,
Души улетают в Вечность...

1969-1974 гг
Междуреченск-Кемерово

КОРАЙ (Кор-Ай) шаманские песни (мифология)

Это очень давно было,
Когда войлок Желтой степи
Стал плешивым и унылым.
Когда злобный, сухой ветер
Иссушал тайгу родную -
Синюю и голубую.
И она от зноя стала,
Словно шерсть кобылы старой.

И когда степные реки,
Что недавно ланью мчались,
В землю прятались навеки
И назад не возвращались.
Когда рек таежных воды
Умещались в колоды.
А ручьи нагорных кряжей
Стали тоньше нитей пряжи.
Когда небо наше стало

Неприятным и седым,
И безоблачно дышало
Жаром знойным и густым,
Руслами безводных рек
Кочевал Алтын-Эргек.
Вместе с небольшим отрядом
Он одолевал преграды.

Наконец, разведка вышла
К небольшой долине тихой,
Где прохладой река дышит
И не свищет ветер лихо.
Где удобный косогор
Пологом спускался с гор.
А на влажных берегах
Трав невпророт в лугах.

С этих пор здесь поселились
Все сородичи алыпа.

И тогда со плеч свалились
Все заботы, словно глыба.
Алтын-Эргек молодой
Занялся теперь собой.
И женился вскоре хан
На прекрасной Он-Туган.

Незаметно прошло время.
Пришел срок жене рожать.
На алып легло бремя:
Как малютку называть?
Да еще пора настала
Нареченье дать аалу.
Алтын-Эргек долго думал,
Но имен не смог придумать.

Вот уже десятый месяц
Оказался на исходе.
У жены под самым сердцем
Дитя бойко колобродит.
Вот под сводами полатей
Служки стали укреплять
Аркан с множеством узлов
(Вспомогатель был готов).

Он-Туган по кругу бродит,
Кладет зелье на язык.
(В схватках для рожениц годен
На меду медвежий зык).
Путаясь в подоле платья,
Улеглась она в полати.
В муках женщина стонала,
По аркану ползать стала.

И не выдержав терзаний,
Хан наружу быстро вышел.
Слушал речки бормотанье...
Поднял голову повыше.
Вот уж ловит его взгляд
Небывалый звездопад...
Серпик лунный убывал...
Шаман ритмы отбивал...

Кам, наигрывая в бубен,
Май-богиню воспевал.
“Благодатный исход будет
Я не зря, видать, камлал”,
Так отца шаман заверил.
Алтын-Эргек ему верил.
Знаменитым был шаман,
Имел титул Улуг-Кам!

Войдя в женские покои,
Где толпился уж народ,
Алтын-Эргек беспокойно
Глянул на тугой живот.
На глазах живот осел
И заметно похудел.
И раздался вдруг басисто
Плач ребенка голосистый.

Няньки хану преподносят
Сына-мальша в пеленках.
Он уже глазами косит
И смеется смехом звонким.
Малыш, требуя еды,
Закряхтел на все лады.
Как бычок к рожку прилип -
Крепким вырастет алып!

Подойдя к жене-принцессе,
Алтын-Эргек оглядел
Вновь живот ее осевший
И восторженно пропел:
“К нам пришла богиня Май
И согнала Кора-Ай;
Подарила нам с принцессой
Серебристый новый Месяц”!

Улуг-Кам, стоящий рядом,
Подхватил алып песню:
“Принимай, алып, награду!
Нет нигде ее чудесней!
Пусть летит по всей Вселенной
Песнь Жизни Неизменной!

Семя колос порождает -
Десять жизней возрождает.

Каан-Тегри, Отец Небесный,
Шлет свое благословенье.
Он считает твою песню
Справедливым нареченьем”.
И тогда алып назвал
“Кора-Ай” родной аал,
А Подарок эне Май
Стали называть Чаш-Ай.

Улуг-Кам в священном месте,
На Поляне Родовой,
Совершал обряды Чести
Божествам перед зарей.
Для людей своих несчастных
Он просил богов о счастье.
Кам поклялся, что по свету
Разнесет он песню эту:

“Радуйтесь! Богов проклятье
Будет снято с непокорных,
С потерявших разум братьев.
Все очнутя - Май накормит!
Греми громом, дождем пой,
Играй, бубен золотой!
Поднимай людей всех разом,
Разбуди заснувший разум”!

Пел потом Кам эту песню
На моленьях Май-тайи-
Всей тайге, как добрый вестник,
В лучах утренней зари.
Полетела песня эта
Над Тайгой и Степью к Свету.
И недолго ждать пришлось,
Чтоб Пророчество сбылось.

1975 г.
г. Кемерово

СЕМЬ КРАСАВИЦ

(легенда)

В.Г. Куспеков

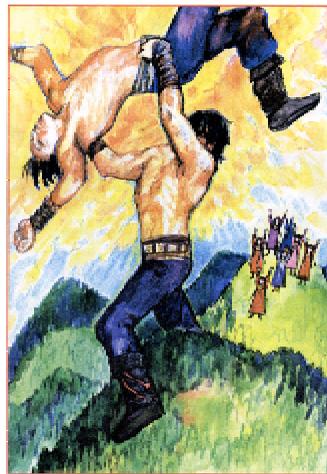
Легенда “Семь красавиц” широко распространена в Шории. Записана Куспековым Г.В. К сожалению, Куспеков не указал фамилии информаторов, от которых он производил записи. Легенда печаталась в Междуреченской газете “Знамя шахтера” и стала известна читателям под таким названием.

Это было давным-давно. У подножия золотой горы по имени Алтын-Эрге, оспаривая свою богатырскую честь, десять дней и десять ночей боролся с богатырём Чес-Масс. Слух о схватке двух великих богатырей дошёл до степей Хакасии, где жили семь красавиц-девиц. Только их красота могла остановить великую схватку богатырей, поэтому суждено было семи девицам отправиться к месту поединка. Добравшись до одной вершины, они все сказали горе: - Эй, Каным! Выше тебя нет здесь горы. Почему же ты не видишь по ту сторону схватку богатырей?

С тех пор эта гора получила название Каным, что в переводе значит Царь-гора. Тогда Каным показала им, что борющиеся по пояс увязли в землю. Девицы поспешили на помощь богатырям, но самая младшая не поспевала за всеми. Когда она достигла вершины горы, то крикнула: - Токталар! (остановитесь). С этих пор система гор верховья реки Назас получила название Токпан-бог, что переводится на русский язык как “Стой - гора”. Но когда семь девиц достигли подножья золотой горы, то богатырей уже не было.

На одиннадцатые сутки Чес-Масс, собрав последние силы, оторвал от земли богатыря Алтын-Эргека и забросил на вершину золотой горы, где тот застыл камнем. Так образовалась вершина Верхний Зуб (высота 2178 метров). После борьбы Чес-Масс решил убедиться в своей победе и стал подниматься на вершину золотой горы, но с отвесной горы сорвался и, упав, застыл камнем. Так образовалась вершина Малый Зуб. И по сей день, они возвышаются в системе Ала-Тау. Когда девицы убедились в том, что богатыри превратились в камни, то решили остановиться, чтобы охранять их покой. Долго ли, коротко ли они стояли, а только застыли камнями и в северо-западной части Верхнего Зуба образовали гору с Вершинами Семи Девниц. Много пролили слёз они на чужбине. Слёзы их образовали горные притоки реки Томи. Это - Караташ, Казыр-Суг, Амзас, Бельсу.

Немало лет красуются девицы-камни. От времени их волосы покрылись сединой. Коварный ветер развеял их кудри, и теперь на востоке от Верхнего Зуба при восходе солнца стелется седая серебряная тайга.

ЗМЕИНАЯ ГОРА (легенда)

Однажды охотник возвращался домой по реке Усе. Остановился пообедать, отдохнуть. Сварил уху, поел и пошел к лодке. Что же видит он? Лодка полна змей. А одна змея лежит больше всех и у нее на голове шесть точек. Охотник испугался, растерялся. Такое он видит впервые. Куда идти? Хотел вернуться - змеи шипят, ход один - только в лодку. Пошел в лодку. Как только он шагнет - змеи расползаются. Так он прошел в нос лодки. Куда же ему плыть? Хотел плыть вниз - змеи шипят, вверх - шипят. Охотник, наконец, понял, что плыть нужно на тот берег. Переплыл. Все змеи выползли, а три остались в лодке. Охотник хотел уплыть, да змеи снова зашипели.

Так просидел он до вечера. К вечеру возвратились все змеи. Они были покусаны, в крови, и с ними была новая голубая змейка. Змеи зашипели. Теперь охотник уже понял, что означает их шипение: стал понимать змеиный язык. Охотник перевез их снова на другой берег. Царь змей рассказал ему, что они ездили на гору за его невестой. Охотник помог им переплыть через реку Усу - это им придало и сохранило силы. Змеи сказали охотнику, что они равнинные. Змеи поблагодарили его за помощь. Царь змей сказал охотнику, что его теперь не тронет ни одна змея.

С тех пор в верховьях реки Усы это место называется Змеиной переправой, а гора стала называться Змеиной.

СЛОВАРИК ШОРСКИХ СЛОВ И ЛИЧНЫХ НАЗВАНИЙ

Аал - селение, деревня

Аба-Кун - Отец-Солнце

Абыл - ручная деревянная мотыга с железным лемехом - наконечником для копки корней

Абыртка - национальный напиток из жареных и промолотых зерен ячменя с медом

Аг-Ээзи - Горный Дух, Хозяин Гор

Ай-Кан - Луноподобная

Ай-Кын - здесь: Заботливая Луна (любящая всех)

Айран - напиток из кислого молока

Ак-кушак - Белая птица - Белая (имеется ввиду сказочная Белая Лебедь - покровительница шорцев)

Ак-Пай-Казын - Белая Богатая Береза, символ Древа Жизни или Шаманского Древа

Айны - злые Духи

Ай-Пашак - Луна, имеющая светлую голову (Умнейшая)

Аксакал - дословно: "Белая борода", в других транскрипциях: "Имеющий белые мысли" (умный): вежливое обращение к старикам

Ак-Сый, Ак-Сыр - Белый Подарок (обряд дарения лучшего подарка)

Ак-Шенди (Ак-Шенди-кол) - Белая Лилия (Озеро Белой Лилии)

Албыга - соболь, куница

Алтын-Нинжи - Золотое Ожерелье

Алтын-Пель - Золотой Таймень (Хозяин эля-реки Пель-суг, по-русски-Бельсу)

Алтын-Чылтыс - Золотая Звезда

Алып - богатырь

Алыштаг-Ай - Изменчивая Луна (Месяц) над горой

Анчи (анчы) - охотник

Арака - водка, изготовленная из кисломолочного напитка - айрана

Аркан - волосаяная длинная веревка

Арладаш-кам - шаман Очищающий

Асы (азы, озы) - древнетюркский народ, предки шорцев, южные шорцы; этот народ упомянут в памятнике древнетюркской письменности - надписи в честь Кюль-Тегина

Апшак - медведь

Аязым-Арыг - призрачная

Бадан - вечнозеленое травянистое растение с ползучим корнем, обладает кровоостанавливающими, вяжущими, бактерицидными свойствами

Байга (найга) - ряд свадебных обрядов, следующих один за другим через определенные промежутки времени ; букв.: "богатство идет".

Бег - титул, племенной управитель, князь

...в пределе ночь большая - имеется в виду постоянный Мрак в Нижнем Мире
влево-вправо - по древне-тюркской традиции: вперед - лицом к восходящему солнцу, назад - спиной к закату, влево - темная, северная сторона, вправо - южная, светлая сторона

Вода - озера, реки, вся вода связаны с Нижним Миром, со смертью

“...встретить жаждали посланца” - зачать зародыш в чреве

“глыба стали” - в древности по всей территории Шории и Хакасии было много метеоритного железа, из него делалось множество поковок, украшений; образцы имеются в музеях

Дева - здесь: женщина (девушка) - богатырша эпохи матриархата или начала его упадка

Долбянка - узкая, маневренная лодка, вытесанная из цельного бревна

Запрет - здесь: запрет на свободное перевоплощение

Золотая Поляна - И ныне существующее место выше улуса Чувашка на Мрассу

Золотой корень - родиола розовая (подобна жень-шеню, имеет бактериоцидные и высокоактивные тонизирующие свойства)

Изых - священное животное

Ирлик - Канн - бог подземелий, черт

Ичези (иче) - матушка (мать)

Каан (Кан, хан) - титул; составная часть личных имен

Каан-Тегри - Высшее Божество Вечного Неба

Кадын-таг (Кадун, Катун) - гора Царица

Казан - котел

Кай - легенда, сказание (эпическое произведение, исполняемое горловым пением под аккомпанемент комуса)

Кай-комус - музыкальный инструмент (см. выше) для исполнения каев (сказаний)

Кай-Куш - Поющая Птица

Кайчи (кайджи) - народный певец, сказитель, исполняет кай методом «горлового пения», аккомпанирует себе на комысе или чатхане, кайчи - очень уважаемый народом

Кальян - приспособление для курения опия

Кам - шаман

“Каменный Хомут” - здесь описывается появление Хомутовских Порогов (Мрасских), как один из вариантов

Камлать - шаманить, совершать религиозный обряд

Камнык - елец (рыба)

Камус - часть шкуры лося, марала, коня, содранная с ног; волокуша

Камча (камчы) - плетка

Кандык (Кан-дык) - красивый цветок фиолетового цвета, сем. лилейных; слезы хана или ханский цветок; существует легенда об этом цветке

Кан-Мирген - Меткий Охотник

Кан-Юзут - Дух Нижнего Мира, похищающий души умерших, ближайший помощник Эрлик-Кана

Капчегай (Капчыгай) - Быстрый

Кара-Арьи - Черная кровь

Кара-Кан - Черный хан

Кап - мешок

Караашлыг - Отверстие для дымохода в юрте (обод)

Кара-Куш (Кара-Ак-Куш) - мифическая чудо-птица, с помощью которой можно покрыть мгновенно большие расстояния; здесь: олицетворение дня и ночи; дословно: черно-белая птица (орел)

Касс-уг - 4-х, 6-ти, 8-миугольная деревянная юрта

Кастегей - "крутой подъем на вершину" - гора в г.Междуреченске Кемеровской обл. (Сыркашинская гора)

Кермезек - куклы из тканей, набитые сухими травами, символы божков, добрых духов, а иногда и злых; бывают резными из дерева (чаще береза), бересты, кости

Кижиги (шор-кижиги) - человек (шорец)

Кодре - заболоченный лес, тундра

Кок-тайга - цвет "кок" составляет зеленый, синий, голубой оттенки; сине-зеленая тайга

Колба - луковичное растение, по вкусу напоминающее чеснок

Кол-Ээзи - Хозяин Озера, Дух Озера

Комуз (комус, комыз) - род балалайки

Коспекчи - ясновидящий

Красный волк - одна из ветвей древних кыргызов (название рода); красный волк (животное) вымерло, в музеях сохранилось чучело

Кровяная мета - ставилась в межбровье пальцем (безымянным) правой руки (знак солнца)

Кудай - Бог, божество

Кумган (кумкан) - кувшин

Кун-Кан - Солнце (божество)

Кун-Оглу - сын Солнца

Кураган - ягненок до одного года

Курья - заводь с пересыхающей перемычкой, естественной дамбой или косой; пополняется водой во время паводков

Куснак - большой берестяной туес (сосуд)

Куюн-Хунну - Вихрь, Смерч Хунну (гунну)

Кыз (кызпала, Хыз) - девушка

Кызыл-Куюн - Красный Вихрь

Кылы Кюштин Чадыг - Паутина Жизненной Силы (символ)

Кылыш - шаманский меч

Кыргыз (кыргыз) - древний аристократический род, общий для хакасов и шорцев

Кюлюк - хитрый

Кюлюк-Кам - Мудрый Шаман

Кюреши - шорская, хакасская национальная борьба (тела алыпов обязательно смазывались жиром или маслами, чтобы усилить скольжение); При поднятии тяжелых валунов условие такое, но только камни поливались водой

“...лисы, волки, горностаи” - тотемные животные

Май-эне - Богиня Земли, Плодородия в природе, Женское Божественное Начало

Мангыз-Ызырак (Маныс-Ызырак) - здесь: Кусачий змей-монстр, “свободный” от всяких обязательств и не соблюдающий Законов Света и Мрака

Манок - труба для подражания реву оленей, маралов, духовой инструмент

Маралий корень - левзея (имеет высокоактивные тонизирующие свойства)

Махан - хорошо провяленные кусочки мяса, залитые жиром и помещенные в кишку

Мех - здесь: мешок, емкость сшитая из шкуры животного

Мокроступы - плетеные из гибкой лозы подследники (лыжи) для увеличения площади опоры при хождении по болоту

“Мудреца к себе приблизь ты...” - совпадает с фразой из назиданий XI века “Из Диван лугат ат-турк” Махмуда Ал-Кашгари. Научный перевод проф. Стеблевой И.В. (с др.-тюркского письма)

Наа-Зас - Новая Вода

Найдовы деревья - *найда*, значит «вечная», отсюда: «вечные деревья».

Многие ученые считают, что остров сибирской липы существует с доледникового периода

Надья - род костра (дословно: вечная)

Нить (шорск. Кылы) - здесь: сакральный символ Нити (Паутины)

Жизни

Ныбак - сказка

Одур-таг - стой-гора

Озагат - трава, используемая шорцами для утепления обуви, наматывается на ногу, а поверх одевается сапог

Ойбаан-Сарыг - Пепельно-Желтый (одно из имен Ирлик-Кана, Бога Нижнего Мира)

Оол - мальчик, парень

Острога - здесь: металлический трезубец - символ власти Водяного и карающее оружие

Осторож - сторож, охранитель (сиб. диалект); заостренные козы рога, прикрепленные на загорбке

От-Эзи - Дух Огня

Пай - восклицание, дошедшее до наших дней; имеет культовое значение по типу русского “чур” - т.е. “щур” - обращение к древнему пращуру,

прародителю

Пайрам - праздник с обязательными состязаниями, играми и главное - с проведением культовых обрядов

Паиштык - глава, старейшина, предводитель

Паурсаки - род пончиков, пампушек

Паут - овод

Перюк - волчья шапка

Подлунная - земля

Позументы - рисунок, орнамент

Поллуны - половина лунного месяца

Помощник - Дух-охранитель; каждый шаман имеет более трех помощников

Поос - подвязка, ожерелье (украшение-нагрудник, пояс)

Пора-Тан - Белая Заря (здесь: вечерняя)

Походный жертвенник - обычно все шаманы являются и кайчи

Прас (Прас-Суг) - Сумерки, Сумеречная река

Родовая Поляна - своеобразная главная площадь; надо отметить, что подобные места как бы имеют «столбы» и связывают эту часть земли с космосом; это подтверждается и тем, что православные христианские храмы часто возводятся именно на древних культовых местах, где проводили свои обряды шаманы

Саадак - чехол для лука

Сак - обычай, закон; буквально: чуткость

Сарана - песня-баллада

Сарын-Ай - Поющая Луна

Сеок - кость (здесь: родовая кость)

Сизым (чала) - лента, имеющая сакральное значение

“...спроси Брата-Мудреца” и “Старшийт Улькеер, Ульген-Каан” - Старший и главный Небожитель - Создатель Ульген

“...среди прекрасных ланей” - здесь: среди прекрасных девушек - свиты принца

Стая - всевозможные вспомогательные бытовые постройки

Страна рыжеволосых - по свидетельствам археологов, предки современных шорцев, хакасов имели европеоидные черты и волосы были рыжеватыми; раскосость и чернота волос считалась плохим признаком в те времена

Стрела и Священный Лук - стрела-символ мужчины (фаллический символ); лук-символ женского чрева, женского космического начала

Студеный Плес - ныне существующий топоним; плес находится недалеко от впадения Бельсу в Томь

Суг-Эзи (Суг-Ээзи) - Бог Воды, Водяной, Хозяин Воды

Сус-Кан - Лучезарный (Солнце)

Суран - Взывающий

Сыйбаш - веник

Сюрюнлер - Дух-двойник, охранитель, “идуший позади”

Табана(Табана-Сарыг) - 1. подорожник (раст.) 2. кубышка желтая, кувшинка желтая (водная)

Таг-Эзи (Таг-Ээзи) - Хозяин Гор, Горный Дух

Тайи (тайелга), тайе - большое моление на священном месте; само место молений, камланий, жертвоприношений

Такпах - частушка, маленькая лирическая песенка

Талбах (талбак, пышкак) - шкура для сидения

Талкан - толокно (сухое); напиток из толокна

Таскыл - вершина горы, гора, утес

Таш-Теши - Нижний Зуб (Каменный), таш - камень, гора

Тейшер (Тейжер) - глухая тайга или глухая в тайге

Тейшер-суг - глухая таежная река

Тегин - принц-наследник

Тегри (Тенгри) - древнее Божество Голубого Неба

Тегри-Таш-Теши - Поднебесные Зубья

Тегри-Теши - Верхний Зуб

Тегри-Теши-Тегри - Тенгри - небо (древнее божество) или небо(анатомическое, простонародное); *Теши* - зубы, зубья. Здесь: Поднебесный Зуб

Той - пир, свадьба, празднество

Толкан (абыртка) - буквально: толстый хан; здесь: напиток из прожаренной муки ячменя с ключевой водой; суп-пюре на молоке; толокно с ягодами в виде напитка; дословно: “толстый хан”

Тоом (Томь) - главная река Кузбасса

Тоом-эне (Том-Энези) - Мать Жара или Томная, Утомленная

Тор (Тор-Чарыткан) - Дух Гор в виде странного существа, появляющегося в тайге, в горах, похожего на светящуюся сигарообразную “полосу”; дословно: “Светящаяся Полоса”. По словам очевидцев, встреча с ним опасна - большинство потом “умирает в течение года”

Торгы - шелк

Тос - Дух-охранитель из рода “изначальных”, символика из скульптур, тряпок, шкурок (тотем); дух, идущий впереди, на горизонте”

Трут - проваренный трутовик-гриб; в истолченном виде долго сохраняет тлеющий огонь

Туес - берестяной сосуд, емкость

Тумен - отряд в десять тысяч воинов

Тюндюк (караашлыг) - отверстие в крыше для дымохода и освещения жилища

“...увернулась от ударов” - если заклинание, по шаманским традициям, не подкреплено ударом плети (камчи), то оно может не иметь силы

Уга-Кан (Ураган) - одно из древних божеств, чаще отрицательного проявления;

“Хан движущегося неба”, иногда: громовержец и льющий с неба

У-Суг - Небесная река (вода)

Улуг-кам - Великий Шаман

Улуг-сос - Высокое (Небесное) Слово; его могут произносить только Небожители, относящиеся к сонму главных божеств

Улус - большое селение

Ульген - Главное Божество Верхнего Мира, творец (чайачы) - Символ Добра и Света

Умыкнуть - украсть, похитить

Урман - дремучее, густо заросшее место в лесу

Ус-Ай - Великая Мастерница

Уход Кара-Арыг и Кара-Кана под землю - здесь: по видимому намек на залежи каменного угля близко к поверхности

Учук - Летящий

Хайдар (Кайдар, Гайдар) - всадник, скачущий впереди

Чаа-тас - огромный могильник

Чабалтеи - чужеземные захватчики; дословно: “плохие в тайге”

Чекан - небольшой топорик, острая секира на ручке

Челпан - площадка, откос у горы с надветренной стороны

Чер-Суг-Ээзи - Хозяин Земли-Воды

Чер-Суг-алты - Дух Земли-Воды (нижний, подземный, но близкий к поверхности)

Чер-Суг-юсту - Дух Наземный, находящийся на поверхности

“Черные слезы горы” - мумии (одно из древнейших универсальных лекарств)

Чолтар-Кан - Бог Путей (Судеб), наделенный медицинскими функциями. О нем упоминается в памятниках древнетюркской письменности

Чыг-Суг - Собирающая Воду (р. Чексу)

Чыштанастар - букв. “живущие там, в черни”; что южные шорцы - асы (см. выше) или асылыники

Шаал - костровое место, обложенное по кругу камнем, долгое время сохраняющее тепло

Шабыр - разновидность халата, у которого один рукав длиннее второго

Шаман-гора - шорск. “Кам-таг”

Широкая Поляна - место в Междуреченске под аалом Таежный

Шор - печаль, шор-кижи - печальные люди (человек)

Шор - многочисленные кости (сеоки); название дало имя всему народу

Шор-чери - Шория (шорская земля)

Шуг-агаиш-той - свадьба дерева с водой (пос. Шумоватый)

Шурпа (мун) - бульон, суп

Эзенок-тар - здравствуйте (тар - наиболее уважительное)

Элчи - посол, посланник

Эль - родовая территория

Эрлик-Кан - Главное Божество Нижнего Мира, наделенное правом распоряжаться душами людей, забирать или возвращать их обратно; “Кроваворумяный муж” или “Мужская Кровь”, божество “близнечного” типа

Югус-таг - гора филина и рыси

Юзут - черт; один из хозяев подземного царства

Междуреченск в легендах Шории

Автор-составитель: Соколова Т.Н.

Редакторы: Кондрашкина Т.Я.

Компьютерная верстка и дизайн: Горевячева В.В.

Подписано к печати 10.11.2007 г.

Формат А5 148X210 мм. Бумага SvetoCopy.

Гарнитура Times New Roman.

Тираж 50 экз.

Отпечатано на принтере HP LaserJet 3550

Центральной городской библиотеки г. Междуреченска

Адрес редакции: 652870, Кемеровская обл., г. Междуреченск,
пр. Коммунистический, 4

Тел. (38475) 2-20-80. E-mail: library@rikt.ru